

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 2 (109) апрель – июнь 2022 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 2 (109) April – June 2022

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Плунгян В.А.

Русский язык: современное состояние, словари, проблемы усвоения и обучения (комплексные исследования)..... 9

РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВАРИАТИВНОСТЬ, ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Захаров В.П., Азарова И.В., Головина А.В., Гудков В.В., Москвина А.Д. Квантитативная онтология и база данных русских предлогов	17
Кустова Г.И. Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов	27
Лещенко Ю.Е., Доценко Т.И., Остапенко Т.С. Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель	37
Мызникова Я.В. Русские говоры Симбирского Заволжья в контексте этноязыкового взаимодействия	50
Нестерова Н.Г., Волкова Е.В., Сабаяева Ю.С., Ермоленко С.В., Арсеньева Т.Е. Новые тексты и новая грамотность как следствие трансформаций в медиадискурсе	61

РУССКИЙ ЯЗЫК: КОРПУСА И СЛОВАРИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Дымарский М.Я., Крылов С.А., Фролова О.Е., Ширинкина М.А. Корпус официально-деловых текстов русского языка	72
Козловская Н.В. Словарь авторских терминов как метод изучения языковой личности философа	88
Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени	99
Левичкин А.Н., Гайдамашко Р.В., Крылова О.Н. Лексическая система пинежских говоров	109

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Верaksa А.Н., Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А. Взаимосвязь когнитивной гибкости и развития связной речи у дошкольников (на материале рассказов старших дошкольников)	121
---	-----

Горобец Е.А., Гамирова Р.Г., Ахутина Т.В., Есин Р.Г.

Исследование когнитивных функций и речевого статуса у детей и подростков с эпилепсией на фоне противосудорожной терапии 134

Драгой О.В., Дорофеева С.В., Лопухина А.А., Больгина Т.А., Паршина О.А., Лауринавичюте А.К.

Фонологический дефицит и его мозговые корреляты у детей с дислексией 145

Гудова М.Ю.

Полилингвизм в эпоху постграмотности: философско-культурологическое обоснование и методико-педагогическая разработка модели полилингвального образования 159

Садыкова Г.В., Каюмова А.Р.

Цифровые технологии в развитии русской речи и социокультурных компетенций детей-билингвов в России и за рубежом 172

CONTENTS

Plungian V.A.

Russian Language: Current State of the Art, Dictionaries, Acquisition & Teaching Issues (Interdisciplinary Studies).....	13
---	-----------

RUSSIAN LANGUAGE: STATE OF THE ART, VARIABILITY, LANGUAGE CONTACTS

Zakharov V.P., Azarova I.V., Golovina A.V., Gudkov V.V., Moskvina A.D. Quantitative Ontology and Russian Preposition Database	17
Kustova G.I. Language System Dynamics: A Corpus-Based Study of Synchronic Variation and Diachronic Changes in Various Texts	27
Leshchenko Yu.E., Dotsenko T.I., Ostapenko T.S. The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People's Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model	37
Myznikova Ya.V. Russian Dialects of the Transvolga Simbirsk Area in the Context of Ethnic and Language Contacts	50
Nesterova N.G., Volkova E.V., Sabaeva Yu.S., Yermolenko S.V., Arsenieva T.E. New Texts and New Literacies as a Result of Media Discourse Transformations	61

RUSSIAN LANGUAGE: CORPORA AND DICTIONARIES

Dymarsky M.Ya., Krylov S.A., Frolova O.E., Shirinkina M.A. Russian Corpus of Official Texts	72
Kozlovskaya N.V. Dictionary of Author-Developed Terms as Method of Philosopher's Linguistic Persona Study	88
Kravetsky A.G., Pletnyova A.A. The Great Dictionary of Contemporary Church Slavonic Language	99
Levichkin A.N., Gaidamashko R.V., Krylova O.N. Lexical System of Pinega Dialects	109

RUSSIAN LANGUAGE: ACQUISITION & TEACHING

Veraksa A.N., Oshchepkova E.S., Bukhalenkova D.A. The Relationship Between Cognitive Flexibility and the Development of Coherent Speech in Preschoolers (A Study of Preschoolers' Narratives)	121
---	-----

Gorobets E.A., Gamirova R.G., Akhutina T.V., Yesin R.G. Cognitive Functions and Speech Status in Epileptic Children and Adolescents During Antiepileptic Therapy	134
Dragoy O.V., Dorofeeva S.V., Lopukhina A.A., Bolgina T.A., Parshina O.A., Laurinavichyute A.K. Phonological Deficit and its Brain Correlates in Children with Developmental Dyslexia	145
Gudova M. Yu. Multilingualism in a Post-Literate Society: Philosophical and Cultural Foundations, Methodological and Pedagogical Development of the Multilingual Education Model	159
Sadykova G.V., Kayumova A.R. Digital Technologies in the Development of Russian Speaking Skills and Social and Cultural Competences in Bilingual Children in Russia and Abroad	172

В.А. ПЛУНГЯН*

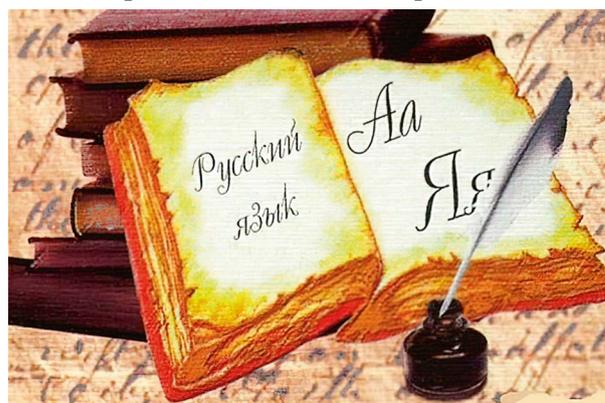
Русский язык: современное состояние, словари, проблемы усвоения и обучения (комплексные исследования)

В специальном выпуске журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» читатель найдёт подборку статей, отражающих тематику конкурса РФФИ «Комплексные исследования культуры и языка как основы формирования российского общества» (2017–2020). Не станем скрывать, на начальном этапе подготовки конкурса возникли сомнения в целесообразности такого шага, однако итоги конкурса получили безусловное одобрение экспертного сообщества. Более того, междисциплинарные исследования, организованные вокруг лингвистической проблематики, вызвали живой интерес у представителей других научных направлений и были признаны перспективными.

На наш взгляд, это произошло в силу того, что междисциплинарность данного конкурса является не размытой и аморфной, отражающей принцип «по возможности что-нибудь от каждой области» (что встречается, к сожалению, нередко и вызывает справедливые нарекания), а более тщательно продуманной и выстроенной вокруг нескольких центров притяжения, которые для современной лингвистики

являются актуальными и действительно требуют междисциплинарности, понимаемой как необходимость выхода за рамки узкой дисциплины в попытке решения существенной теоретической проблемы.

Таких центров притяжения было выбрано несколько. Прежде всего, все исследования были основаны на материале русского языка, и это, конечно, неслучайно: развитие научных исследований русского языка самого широкого профиля и с использованием современных научных методов — одна из приоритетных задач российской лингвистики, не нуждающаяся в специальном обосновании. Помимо очевидных причин, отметим также тот факт, что сегодня в рамках акаде-

* **Плунгян Владимир Александрович** — академик РАН, доктор филологических наук, заместитель директора и заведующий отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, заведующий сектором типологии Института языкознания РАН, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; председатель Экспертного совета по конкурсу РФФИ ориентированных фундаментальных исследований по актуальным междисциплинарным темам по теме «Комплексные исследования культуры и языка как основы формирования российского общества».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА

<https://ruscorpora.ru/>

Национальный корпус русского языка — один из крупнейших в мире онлайн-ресурсов подобного типа. Объём основного корпуса — более 300 млн словоупотреблений, а общий его объём превышает 1 млрд словоупотреблений

мической русистики выполняется целый ряд длительных и трудоёмких проектов, имеющих лексикографическую и корпусную составляющую (об этом подробнее см. ниже), и поддержка подобных исследований в рамках конкурсных программ особенно значима.

При этом и сами сегодняшние задачи академической русистики предполагают расширение проблематики и выход за рамки привычных традиционных подходов, так что здесь можно говорить о своего рода встречном движении.

Во-первых, это расширение сферы исследований от русского языка как такового на русский язык в контексте культурного пространства России, что включает задачи изучения того, как русский язык взаимодействует с другими языками народов России в ситуации массового двуязычия. Несмотря на большую теоретическую и практическую значимость данной проблематики, она, как ни странно, изучалась сравнительно мало.

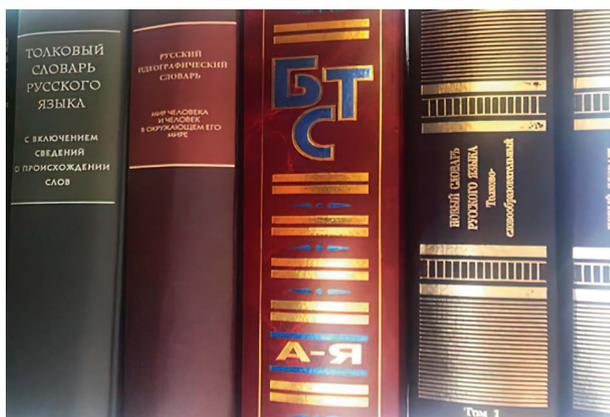
Во-вторых, это изучение русского языка в его динамике: для сегодняшней русистики особый интерес представляет вариативность, обнаруживаемая как в субстандартных городских разновидностях языка, так и в диалектах, а также системные процес-

сы в русском языке на протяжении всей его письменной истории от XI до XXI в. Такая оптика существенно шире традиционного «современного русского литературного языка», бывшего основным предметом описания в академических грамматиках середины XX в.

Для решения всех названных задач русистике необходимы специальные инструменты; к важнейшим из них относятся общие и специализированные словари (в том числе исторические) и электронные корпуса, прочно вошедшие в научный обиход XXI в. благодаря стремительному развитию компьютерных технологий, давших возможность обрабатывать очень большие объёмы текстов, несопоставимые с масштабами «докорпусного» периода.

Исследования во всех перечисленных направлениях сегодня в русистике активно ведутся, и среди проектов, поддержанных в рамках данного конкурса, они занимают большое место, поскольку, как уже было сказано, без активной поддержки сложных технологических ресурсов и исследований, требующих трудоёмкой обработки большого количества текстов, прогресс в современной русистике невозможен.

Однако междисциплинарный характер данного конкурса наиболее ярко проявился, пожалуй, в той группе проектов, которая связана с проблемами усвоения родного языка, обучения языку, лечения и профилактики разнообразных расстройств речи. Это область, которая обычно фигурирует под названием психолингвистики (и/или нейролингвистики), но содержание проектов настоящего конкурса даже несколько шире этих рамок: помимо классической нейролингвистической проблематики в них представлена и общая и клиническая психология, и социология, и педагогика. При отборе проектов и подведении итогов конкурса этой группе исследований было уделено особое внимание, так как без комплексной поддержки их проведение в большинстве случаев было бы просто невозможно; кроме того, проекты этой группы обладают наибольшей прак-

(ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) представлен словарь авторских философских терминов известного русского философа-космиста Н.Ф. Фёдорова (данный проект не в меньшей степени, чем лингвистам, интересен философам и историкам культуры). В проекте под руководством А.Г. Кравцового (ИРЯ РАН, Москва) представлен продолжающийся «Большой словарь церковнославянского языка» — как известно, учёт данных современного церковнославянского языка крайне важен для более полного изучения и фактов современного русского языка, который с ним тесно взаимодействовал на протяжении многих столетий. Проект под руководством А.Н. Левичкина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) посвящён словарной фиксации северных пинежских говоров: в данном исследовании соединяется лексикографическая и диалектологическая составляющие (напомним, что вошедший в первый раздел диалектологический проект Я.В. Мызниковой сосредоточен в большей степени на проблематике контактного взаимодействия и представляет собой другую модель использования русского диалектного материала).

3. Проблемы усвоения и обучения

Кратко охарактеризуем проекты третьего раздела. Здесь собраны, главным образом, экспериментальные психолингвистические и нейролингвистические исследования. Важный проект группы психологов под руководством А.Н. Вераксы (МГУ

им. М.В. Ломоносова) посвящён проблемам развития речи у дошкольников. Проект под руководством Е.А. Горобец (КазФУ) описывает исследования на стыке клинической медицины и нейролингвистики и посвящён проблемам противоплептической терапии в связи с речевыми расстройствами. Масштабный проект под руководством О.В. Драгой (НИУ ВШЭ, Москва) сосредоточен на проблеме дислексии у детей (в настоящее время одна из самых актуальных проблем как нейролингвистики, так и педагогики и клинической психологии). Наконец, два проекта, завершающие нашу подборку, отражают в большей степени педагогическую проблематику: в проекте под руководством М.Ю. Гудовой (УрФУ, Екатеринбург) обсуждаются проблемы многоязычного образования, а в проекте под руководством Н.В. Садыковой (КазФУ) — применение цифровых технологий при обучении русскому языку детей-билингвов.

* * *

Как можно видеть, проекты данного конкурса очень разнообразны по тематике, исследуемому материалу и подходам. То общее, что их объединяет, помимо междисциплинарного характера, — это внимание к инновационным технологиям и недостаточно изученным процессам функционирования русского языка в его истории и на современном этапе.

V. A. PLUNGIAN*

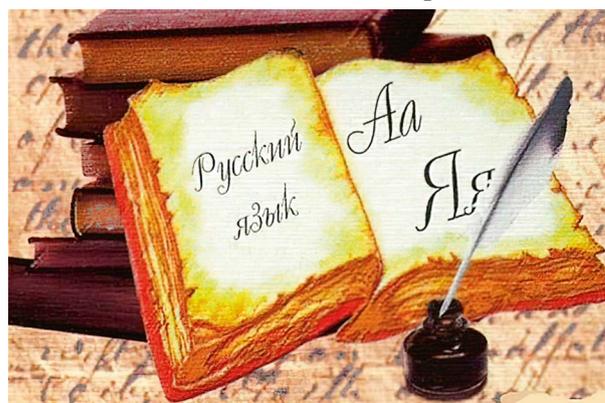
Russian Language: Current State of the Art, Dictionaries, Acquisition & Teaching Issues (Interdisciplinary Studies)

This special issue of *RFBR Journal. Humanitarian and Social Sciences* presents a collection of articles devoted to the RFBR's competition – interdisciplinary Studies of Culture and Language as the Basis of Society Formation (2017-2020). Frankly speaking, when we first started preparing for the competition, we had our doubts about whether such a contest was practical. The results, however, struck a chord with the expert community. Moreover, the interdisciplinary research in and around linguistics has stirred the interest of representatives from other research fields and has been deemed to have promising prospects.

We believe that the reason for such wide acceptance is that the interdisciplinarity of this contest is not ambiguous or amorphous; it is not the 'whatever-from-every-area' kind of approach that is, unfortunately, rather common and is rightly criticized. This topic has been thoroughly thought through and rests on several pillars that are not only highly relevant for modern linguistics, but also require an interdisciplinary approach to address a topical theoretical problem that is beyond the scope of any single discipline.

We chose several pillars to base our research on. First and foremost, all research works focus on the Russian language, which is only natural: interdisciplinary Russian language studies with the use of modern research techniques – one of primary goals of Russian linguistics, and it hardly needs to be elaborated. However, aside from obvious reasons, we'd like to point out that contemporary Russian studies involve a wide range of time-consuming and labor-intensive projects with lexicographic and corpus-based components (further detailed below), so supporting such projects with competitions is absolutely essential.

Furthermore, modern-day research objectives entail a broader range of problems and

* **Vladimir Alexandrovich Plungian** — Member of the Russian Academy of Sciences; Doctor of Philology; Deputy Director and Head of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Head of Typology Sector, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Prof., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Chairman of the Expert Council for the RFBR competition on topical interdisciplinary topics – interdisciplinary Studies of Culture and Language as the Basis of Society Formation.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА

<https://ruscorpora.ru/>

National Corpus of the Russian Language is one of the world's largest online resources of its kind. The entire volume of the main corpus reaches one billion units, with the volume of the main corpus exceeding 300 million units.

a departure from conventional approaches, thus giving rise to a kind of a counterflow.

Firstly, we are talking about shifting from the study of the Russian language as such to research within the context of the Russian cultural space, including looking into its interactions with other languages of the peoples of Russia among bilinguals. Surprisingly, despite being a significant theoretical and practical issue, it has received little attention.

Secondly, this involves studying the evolution of the Russian language. Contemporary Russian studies often investigate the matter of variation characteristic of substandard urban language forms and dialects, as well as systematic processes in the Russian language throughout its recorded history from the 11th through to the 21st century. This approach offers a much broader perspective than the traditional study of the contemporary formal Russian language, which was primarily explored in academical works of the mid-twentieth century.

To address all of these issues, Russian linguistics requires specialized tools, the most important of which are general and specialized vocabularies (such as historical vocabularies) and electronic corpora, which came into general use in the 21st century thanks to the rapid development of computer tech-

nologies, allowing us to process massive volumes of texts – an unprecedented amount compared to the 'pre-corpus' period.

There is a lot of research going on in the aforementioned areas right now. Moreover, such projects figure large in our competition, since, as previously stated, advancement in contemporary Russian studies is only possible with active support of complex technological resources and research that requires labor-intensive processing of large texts.

Nonetheless, the interdisciplinary nature of our competition is most evident in the projects dealing with first language acquisition, language teaching, and the prevention and treatment of various speech disorders. This field of study is commonly referred to as psycholinguistics and/or neurolinguistics, but our projects go beyond these boundaries. In addition to the conventional neurolinguistic issues, they touch upon general and clinical psychology, sociology, and pedagogy. We paid special attention to this group of studies in terms of work selection and summarization of results – most of these projects would not be feasible without our support. Besides, the findings of these works have the greatest practical and social value because they are used in teaching (including schooling and pre-schooling), medicine, and other pragmatic spheres.

In total, the competition supported 37 projects by scholars from universities and academic centers in Moscow, St. Petersburg, Kazan, Tomsk and beyond. You will find 14 of them in this issue. Unfortunately, we cannot publish all notable works in one issue, so our reviewers attempted to strike a balance by including the most outstanding findings while reflecting all research areas. Nevertheless, we hope that we were able to demonstrate the competition agenda and its relevance.

For your convenience, we divided the articles into three sections reflecting the above-mentioned aspects of Russian linguistics, but please keep in mind that in some cases such division is rather artificial because some works look into multidimensional issues.

1. State of the Art, Variability, Language Contacts

The first section features works that investigate contemporary Russian languages, focusing on their variability and interactions with other languages spoken in Russia. The majority of studies make use of modern computer tools, such as electronic corpora and databases. In some cases, scholars even had to create such tools in order to address specific objectives. For example, the project headed by V.P. Zakharov (Saint Petersburg State University) presents a database of Russian prepositions, allowing to explore this traditionally difficult class of words. Another large-scale study led by G.I. Kustova (Russian Language Institute, Moscow) researches into synchronic variation using the National Corpus of the Russian Language – the most powerful e-tool for synchronic and diachronic Russian linguistics at the moment. Three projects focus on language contacts in Russia: one directed by Yu.E. Leshchenko (Perm State Humanitarian Pedagogical University) explores rare models of so-called combined trilingualism; another, headed by Ya.V. Myznikova (Saint Petersburg State University), looks into dialects and presents new findings about the Transvolga Region lingo. Finally, we'd like to highlight an outstanding project by N.G. Nesterova (Tomsk State University) investigating the peculiarities of contemporary media language in the context of the overall transformation of Russian society.

2. Corpora and Vocabularies

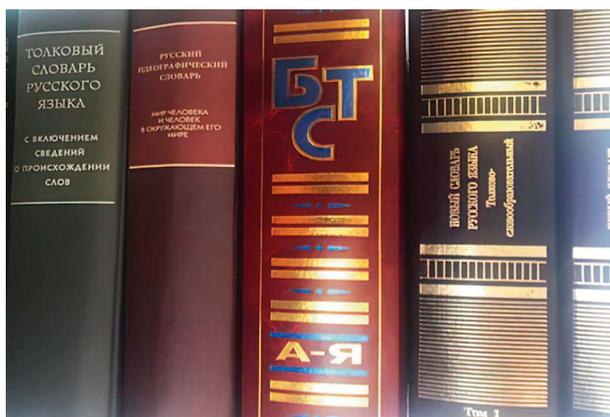
The second section presents a collection of works closely related to specialized dictionary and corpus-based Russian language study tools, the importance of which was highlighted above. The project supervised by M. Ya. Dymarsky (Herzen University, Saint Petersburg) describes a corpus of official Russian texts gathered by the authors. Another work by N.V. Kozlovskaya (Institute for Linguistic Studies, Saint Petersburg) offers a dictionary of terms introduced by the famous Russian philosopher and cosmist

N.F. Fyodorov. This project is beneficial not only for linguists, but also for philosophers and cultural historians. The study led by A.G. Kravetsky (Russian Language Institute, Moscow) continues the Great Dictionary of the Church Slavonic Language. This research is important due to the fact that the contemporary Church Slavonic language aids comprehension of the contemporary Russian language, as the two languages have been in close contact for many centuries. Another work supervised by A.N. Levichkin (Institute for Linguistic Studies, Saint Petersburg) documents the dictionary of Northern Pinezhsky dialects, combining lexicographic and dialectological components (whereas Ya.V. Myznikova's study of dialects included in the first section of this issue mainly focuses on language contacts and is based on a different type of dialectological material).

3. Acquisition & Teaching

And last but not least, the third section focuses on experimental psycholinguistic and neurolinguistic studies. A group of psychologists led by A.N. Veraksa (Lomonosov Moscow State University) conducted an important study on preschoolers' speech development. A project headed by E.A. Gorobets (Kazan Federal University) at the intersection of clinical medicine and neurolinguistics addresses antiepileptic therapy issues in connection with speech disorders. Another large-scale research led by O.V. Dragoy (HSE University, Moscow) focuses on dys-

* * *

lexia in children, which is currently, one of the most pressing problems in both neuro-linguistics and clinical psychology. Finally, the two projects that round out our compilation reflect upon pedagogy: M. Yu. Gudova's work (Ural Federal University, Yekaterinburg) addresses issues of multilingual education, while N.V. Sadykova's (Kazan Federal University) research focuses on the use of digital technologies in teaching bilingual children Russian.

As you can see, our competition brought together a diverse range of topics, materials, and approaches. Aside from their interdisciplinary nature, all of these works share a focus on innovative technologies and understudied areas of the Russian language, both in terms of its history and current development.

*Translation from Russian made
by the Translation agency Prima Vista*

РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВАРИАТИВНОСТЬ, ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Индекс УДК 81-13
Код ГРНТИ 16.31.21
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-17-26

В.П. ЗАХАРОВ, И.В. АЗАРОВА, А.В. ГОЛОВИНА, В.В. ГУДКОВ, А.Д. МОСКВИНА*

Квантитативная онтология и база данных русских предлогов

Задачи автоматической обработки текстов на естественном языке, выходящие за пределы представления о нём как «мешке слов», требуют выявления семантико-синтаксических отношений между его компонентами. Данная работа направлена на решение следующих задач: 1) описание совокупности русских предложных конструкций как системы взаимосвязанных отношений; 2) сбор данных корпусной статистики, отражающих иерархию значений предлогов; 3) описание значений предлогов как функции грамматической связи между знаменательными словами. Предложные значения описываются семантическими рубриками, основанными на понятии синтаксемы, введённом Г.А. Золотовой.

Полученные результаты базируются на частотных характеристиках, полученных из корпусов современных русских текстов. Описываются основные задачи, основные

* **Захаров Виктор Павлович** — кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Квантитативная грамматика русских предложных конструкций» (17-29-09159).

E-mail: v.zakharov@spbu.ru

Азарова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: ivazarova@gmail.com

Головина Анастасия Владимировна — магистр, старший технический писатель «Доктор Веб».

E-mail: st070508@student.spbu.ru

Гудков Вадим Вадимович — магистр, инженер по машинному обучению Medlinx.

E-mail: vadim0006@gmail.com

Москвина Анна Дмитриевна — магистр, преподаватель НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

E-mail: moskvina.anya@gmail.com

подходы и методы их решения, оригинальность и новизна подходов и полученных результатов. В числе важнейших результатов следует назвать грамматику и онтологию основных русских предлогов, исследование вторичных предлогов, банк данных предлогов с сетевым интерфейсом, комплекс автоматизированных процедур «вычисления» предложных значений.

Ключевые слова: русские предлоги, предложные конструкции, значение предлогов, компьютерная онтология, корпусная лингвистика, корпусная статистика, методология корпусного исследования

Введение

Данная статья представляет собой обзор основных результатов, полученных в ходе выполнения проекта РФФИ «Квантитативная грамматика русских предложных конструкций». Основная цель проекта — создание комплексного квантитативного корпусно-ориентированного лексико-грамматического описания русских предложных конструкций.

Эта работа направлена на решение следующих основных задач: 1) описать совокупность русских предлогов как особую предложную онтологию; 2) разработать типологию описания значений предлогов и предложных конструкций; 3) описать предложные значения как функцию семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами; 4) собрать корпусные статистические данные об использовании предлогов в разных значениях в различных корпусах; 5) разработать схему атрибуции предлогов; 6) сформировать базу предложных конструкций с возможностью поиска по различным критериям; 7) сформировать базу предлогов с параметрами схемы атрибуции и статистическими данными с возможностью поиска по различным критериям; 8) обеспечить онлайн-доступ к указанным базам данных.

Сущность предлагаемого нами подхода состоит в том, что в фокусе внимания находится структура семантико-синтаксических значений, выражаемых предложно-падежными конструкциями, в состав которых как единого целого вхо-

дят составляющие: и собственно предлог, и оформляемая предлогом зависимая форма существительного, и знаменательное слово, присоединяющее предложно-падежную форму. Выявление структуры предложных значений выполняется на базе статистического и семантического анализа предложных конструкций в корпусах современных русских текстов с учётом их сбалансированности.

Разработана технология сбора необходимой информации на основе обработки корпусных данных. В результате исследования получены частотные характеристики употребления всех первообразных и большого числа производных предлогов. Сформирован реестр единиц предложного типа. Разработана методология выявления степени «предложивания» таких единиц.

На основе морфологически размеченных корпусов сформирован систематизированный реестр конструкций, описанных в терминах семантических классов на основе синтаксем «Синтаксического словаря» Г.А. Золотовой [1]. Разработан комплекс автоматизированных инструментов и процедур «вычисления» указанных семантических классов.

Предлоги в русском языке неоднородны и разнообразны: существует небольшая группа первичных (первообразных) предлогов и большое количество вторичных (производных), причём последние мотивируются значимыми частями речи (существительными, наречиями, деепричастиями), которые могут сочетаться с первичными предлогами, формируя при этом кон-

струкции из нескольких слов. Анализ корпусной статистики показывает, что грамматикализация структурно-семантических отношений наиболее чётко проявляется в группе частотных предлогов, формирующих систему оппозиций, в которую встраиваются менее частотные первообразные и производные предлоги; для последних грамматикализация приводит к вытеснению их собственного лексического значения. Наиболее важным для выделения оппозиций является их грамматический характер по типу «признаковых категорий» Р. Якобсона [2], когда некоторый зачастую неочевидный на лексическом уровне признак маркируется как характерный для группы предложных конструкций, которым противопоставлена группа с возможной нейтрализацией значения этого признака. Выявление оппозиций позволяет выделить базовые семантические рубрики с учётом их «доли» в корпусной реализации предложных конструкций. В рамках каждой из рубрик представлено некоторое количество синтаксем. В структуре синтаксем можно выделить более дробные единицы – субсинтаксемы, содержащие в своём составе конкретные предлоги. Таким образом, можно сказать, что имеет место иерархическая онтологическая структура предложных значений, при этом сами значения определяются наполнением предложных конструкций.

Основные результаты исследования

Онтология и грамматика предложных конструкций

Значительная часть исследований проекта была направлена на разработку грамматики предложных конструкций современного русского языка с квантитативной оценкой её компонентов на базе сбалансированных корпусов современных текстов с учётом жанровых вариаций. В итоге была разработана квантитативная онтология русских предложных конструкций. Сложность построения онтологии связа-

на с тем, что предложные конструкции достаточно часто интерпретируются как нелексические или не вполне лексические языковые элементы, содержащие существенный грамматический компонент значений. М.И. Стеблин-Каменский [3] указывал на то, что существенным противопоставлением грамматических и лексических значений является степень их детализации: лексические значения могут содержать очень большое число конкретных, трудно формулируемых визуальных или функциональных компонентов, которые образуют целые лексико-семантические поля, описывающие все необходимые характеристики объектов и признаков, используемые в номинации конкретной национально-специфической лексической системы языка. В грамматической же системе сходные компоненты отображаются довольно схематично, без развёрнутой конкретизации. Зачастую грамматические значения вообще слабо соотносятся с какой-либо осмысленной характеристикой. Однако важно, что даже в таких случаях возможно выделение некоторых оппозиций, как это было продемонстрировано Р. Якобсоном [2] применительно как раз к значениям русских падежей и глагольным категориям. В описании оппозиций Р. Якобсон следовал собственной логике возможности нейтрализации некоторого маркированного грамматического значения, так называемой признаковой категории. Иначе говоря, оппозиция не противопоставляет признак «А» и «не А», как это обычно трактуют многие исследователи, а признаку «А» противопоставлен признак «не А или А». Описанные Р. Якобсоном оппозиции падежных значений довольно чётко реализуются в корпусной статистике. Мы будем использовать идею «признаковых категорий» при анализе значений предложно-падежных конструкций, поскольку чисто логические сопоставления значений невозможны в силу грамматического характера этих конструкций, что приводит к так называемой непоследовательности в употреблении предложно-падежных конструкций.

Поскольку невозможно интерпретировать предложно-падежную конструкцию как композиционную («значение предлога» + «значение падежной формы»), мы выбрали подход, предложенный Г.А. Золотовой [1], при котором предложно-падежная конструкция рассматривается как синтаксема – минимальная грамматическая конструкция, выражающая определённое значение. Количество синтаксем в «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой составляет несколько десятков. Одна и та же синтаксема может быть выражена разными предлогами в сочетании с разными падежными формами, которые могут обеспечивать синонимичную замену при некоторых глаголах, но в общем случае они не синонимичны.

Для создания количественного корпусного описания предложных конструкций нам предстояло переопределить необходимый и достаточный набор синтаксем как центральное звено грамматической онтологии. Как показали наши исследования реализации темпоративных и локативных синтаксем, сходные по значению синтаксем образуют группы, так называемые семантические рубрики, которые составляют верхний уровень оппозиций онтологии. Рубрика, как правило, содержит несколько синтаксем, которые в свою очередь могут подразделяться на подтипы. Таким образом, обозначается круг типовых оппозиций, представленных на трёх уровнях абстрагирования предложных грамматических значений. Каждый из элементов онтологии на определённом уровне будет задавать структуру возможных маркированных значений, характеризующихся количественными параметрами, которые соотносятся с ранговыми количественными позициями в системе противопоставлений на данном уровне онтологии и в заданном кластере значений.

Синтаксем частотных предлогов явно носят грамматический характер, исходя из соотношения их частот с частотами лексических единиц. Кроме того, синтаксем могут быть выражены так называемыми

производными предлогами, которые могут иметь гораздо меньшую частотность, при этом они более ясно выражают значение синтаксем и обладают текстовой вариативностью, характерной для лексических словосочетаний.

Опираясь на предложенные выше параметры реализации грамматических значений посредством предложных конструкций, можно представить конфигурацию онтологического ядра предложных конструкций, если рассмотреть типовые значения для частотной группы первообразных предлогов. В эту группу входят два суперчастотных предлога «в» и «на», к которым примыкает предлог «с», стабильно занимающий третью позицию в частотном списке, но с существенно меньшей частотой. Для прояснения грамматических оппозиций мы взяли ещё семь частотных предлогов из корпусной статистики общей тематики [4].

Для оценки наборов семантических рубрик, реализуемых в группе частотных предлогов, мы использовали идею признаковых категорий как основание для противопоставления грамматических значений в сбалансированном корпусе текстов кафедры математической лингвистики СПбГУ: локализация [8090 IPM], темпоратив [5090 IPM], объектив [3240 IPM], дериватив, т.е. образование производных предлогов и устойчивых выражений [2080 IPM], кваликатив [1160 IPM], партитив [690 IPM], квантитатив [430 IPM]. Долевое соотношение выделенных типов рубрик: локализация [35%], темпоратив [22%], объектив [14%], дериватив [9%], кваликатив [5%], партитив [3%], квантитатив [2%]. Существуют небольшие пересечения между рубриками при их синкретичном выражении: *лежать в нескольких метрах* (локализация + квантитатив + дериватив / устойчивое выражение).

В процессе работы по описанию предложно-падежных конструкций в терминах синтаксем классификация Г.А. Золотовой была переработана и переориентирована на применение в задачах,

связанных с автоматическим семантико-синтаксическим анализом. В дополнение к «Синтаксическому словарю» Г.А. Золотовой классификация включает не только первообразные предлоги, но и составные производные предлоги, которые недостаточно исследованы, а их статус в русской грамматике и лексикографии однозначно не определён [5].

Используя данные корпусной статистики о «долях» частотности предложной синтаксемы, а также сходств и различий при определении семантических типов лексем, занимающих позицию синтаксически главного и зависимого компонентов в предложной конструкции, мы построили иерархию типов: семантические рубрики → синтаксемы → субсинтаксемы.

Поясним структуру на примере наиболее частотной семантической рубрики локализации.

Наиболее частотная синтаксема локативов <«в/во» + форма предложного или местного падежа> [3700 IPM]: *сидеть в саду, гулять в лесу*. Это же значение может быть выражено предлогом <«на» + форма предложного или местного падежа> [1800 IPM]: *сидеть на стуле, дышать воздухом на веранде*.

А. Herskovits [6] разница в значениях была ассоциирована с идеей «включения объектов» для первого предлога и «опоры» и «смежности объектов» для второго. Однако различие в значениях имеет скорее лингвистический характер, поскольку «веранда» является трёхмерным объектом, и человек находится внутри неё. Эти подтипы синтаксем могут сочетаться в одном контексте: *сидеть на веранде в кресле, висеть в бильярдной на стене*. Обычно это трактуется как доказательство того, что перед нами «разные» семантико-синтаксические роли. Очевидно, что локализация объектов носит «телескопический» характер типа настраиваемого фокуса: более грубо или более точно. В таких случаях мы рассматриваем их как подтипы синтаксем (субсинтаксемы): вариант с «в» является локативом¹, а с «на» — локативом², уступающим первому по частотности.

Важным отличием указанных синтаксем является классификация объектов местоположения по типу их оформления с помощью «в» или «на» в зависимой от предлога форме. Часть объектов входят в область пересечения, для них в определённой степени выполняется указанное А. Herskovits [6] противопоставление, однако при потенциальной возможности двух вариантов локативов для объекта в корпусной реализации лишь один представлен как базовый. Подобным образом на реальном корпусном материале были проанализированы и описаны все грамматикализованные субсинтаксемы локатива. Более подробно все синтаксемы семантической рубрики локализации описаны в наших публикациях, например [7].

Необходимо указать на ещё одно важное свойство предложных синтаксем — их взаимодействие с префиксальными дериватами доминирующих глаголов. Обычная трактовка этой связи формулируется следующим образом: префиксальные глаголы создают конструкции «управляемых» предложно-падежных форм [8], причём префикс регулярно совпадает с предлогом в такой конструкции. Эти формы рассматриваются как управляемые в силу отношения восполнения (комплетивности) конструкции, поскольку без предложно-падежной формы будет возникать неясность, о чём идёт речь. В частности, префиксальные глаголы направленного движения связаны с директивом, департивом и транзитивом, причём практически все подтипы этих синтаксем представлены в корпусных данных.

Разработанная нами классификация предложных значений (онтология) является первой универсальной семантической классификацией значений предлогов и предложных конструкций. Полученная классификация также отличается от существующих словарных описаний предложных значений (Русский Викисловарь, Малый академический словарь) системностью и единообразием описания определяемых значений.

```

/* РУБРИКИ: СИНТАКСЕМЫ */
/* РАЗВЕРТЫВАНИЕ СИНТАКСЕМ РУБРИКИ ЛОКАЛИЗАЦИЯ */
/* СИНТАКСЕМЫ РАЗВЕРТЫВАЮТСЯ В ПОРЯДКЕ УБЫВАНИЯ КОРПУСНЫХ ЧАСТОТ */
LOCALIZATION ::    LOCATIVE |    # синтаксема Локатив
                   DIRECTIVE | # синтаксема Директив
                   DEPARTIVE | # синтаксема Департив
                   TRANSITIVE. # синтаксема Транзитив
                   .....
/* СИНТАКСЕМЫ: СУБСИНТАКСЕМЫ */
/* РАЗВЕРТЫВАНИЕ СУБСИНТАКСЕМ СИНТАКСЕМЫ ЛОКАТИВ */
/* СУБСИНТАКСЕМЫ РАЗВЕРТЫВАЮТСЯ В ПОРЯДКЕ УБЫВАНИЯ КОРПУСНЫХ ЧАСТОТ */
LOCATIVE ::        locative_1 |    # субсинтаксема локатив_1: "в/во" + предложный или местный падеж
                   locative_2 |    # субсинтаксема локатив_2: "на" + предложный или местный падеж
                   locative_3 |    # субсинтаксема локатив_3: "у"/ "возле"/ "около" + родительный
                                     падеж
                   locative_4 |    # субсинтаксема локатив_4: "за" + творительный падеж
                   locative_5 |    # субсинтаксема локатив_5: "под" + творительный падеж
                   locative_6 .    # субсинтаксема локатив_6: "по" + дательный падеж

```

Рис. 1. Формальная грамматика описания предложных конструкций (фрагмент)

На основе онтологии была разработана формальная грамматика описания предложных конструкций (порождающая грамматика гибридного типа AGFL), которая включает модуль аффиксов (грамматических структур типа «признак—значение») и правила порождения предложных конструкций современного русского языка с учётом линейного порядка слов, их грамматических типов и форм (рис. 1).

Комплекс автоматизированных процедур «вычисления» предложных значений

Исследования на тему автоматической семантической классификации предложных конструкций для других языков ведутся уже достаточно давно [9, 10], но до сих пор они немногочисленны и отсутствуют аналогичные исследования для русского языка.

Остановимся на методах автоматической классификации значений предложных конструкций. Большинство описанных в научной литературе исследований по проблеме семантической классификации предложных конструкций опирается на наличие готового корпуса с семантической разметкой (например, PropBank) или на использование семантической разметки из лексических баз данных (например, WordNet, см. [11]). Для русского языка кор-

пусов, размеченных в терминах синтаксем, нет, как и вообще нет таких ресурсов. Подход, использованный нами, базируется на специально сформированном корпусе семантически размеченных предложных конструкций, полученном непосредственно в ходе выполнения проекта.

Для описания грамматической таксономии помимо классического описания в Грамматике современного русского языка [12] и работ М.В. Всеволодовой [13, 14] для нас основным источником был словарь синтаксем Г.А. Золотовой [1].

Новизна исследования состоит в том, что разработанная нами методика корпусного анализа значения предложных конструкций на основе дифференциации значений в случайной выборочной совокупности контекстов позволила его выполнить без трудоёмкого формирования размеченных семантических корпусов.

На основе Банка предложных конструкций с ручной семантической разметкой была проведена автоматическая классификация значений предложных конструкций с использованием алгоритма машинного обучения с учителем [15]. Для выделения предложных конструкций был разработан на языке Python инструмент pphrase (<https://github.com/merionum/pphrase>), ба-

зирующийся на структурах зависимостей, получаемых в результате морфосинтаксической разметки корпуса с помощью модели UDPipe (<http://ufal.mff.cuni.cz/udpipe>). Инструмент позволяет извлекать полную предложную конструкцию вида «управляющее слово – предлог – именная группа зависимого слова» для простых и сложных предложений, имеющих соответствующую частеречную разметку в используемой модели UDPipe.

Реализованные в проекте методы классификации значений предложных конструкций с использованием алгоритма машинного обучения с учителем по сути и по результатам сопоставимы с имеющимся за-

рубежным опытом. Эффективность нашего подхода к применению методов машинного обучения с учителем для автоматического определения семантических значений предлогов подтверждается высокими показателями точности и полноты классификации. Выдача характеризуется высокими значениями точности и полноты (полнота 0.795, точность 0.771 на тестовом корпусе).

Также был сформирован Банк предлогов, в котором для каждого предлога содержится набор его характеристик (паспорт), выдаваемый пользователю по запросу к базе данных (<https://www.predlogy.ru/>). Паспорт каждого предлога включает следующие характеристики (рис. 2):

Паспорт предлога в

Варианты: **В0**

Тип: **Первообразный**

Падежи: **Винительный** , **Предложный**

Значения: **Инструментив** , **Квалификатив** , **Локатив** , **Ситуатив** , **Сурсив** , **Тематив** , **Темпоратив** , **Дестинатив** , **Директив** , **Квантитатив** , **Объект** , **Трансгрессив**

Подробнее о значениях

Стиль: **Общепотребимый**

Мотивирующее слово: Нет

Синонимы:

Показать +

Рис. 2. Интерфейс поиска в Банке предлогов (фрагмент)

- ◆ основная форма предлога;
- ◆ тип предлога (первообразный, производный);
- ◆ падежи зависимого от предлога слова;
- ◆ морфологические варианты предлога (например, *о/об/обо*);
- ◆ значения предлога в терминах разработанной классификации предложных синтаксем;
- ◆ мотивирующее слово предлога (при его наличии);
- ◆ лексикографические источники, в которых данная единица определяется как предлог;
- ◆ синонимы предлога;
- ◆ антонимы предлога;
- ◆ идиомы с предлогом (только для первообразных предлогов);
- ◆ стилистическая предрасположенность предлога.

В поисковом интерфейсе Банка также работает режим, позволяющий из введённого текста выделять предложные конструкции и определять их значение в терминах синтаксем.

Заключение

Полученные данные позволили критически осмыслить представленные в линг-

вистических и словарных описаниях значения предлогов, сгруппировать их в кластеры значений, имеющих сходные параметры контекстного окружения, сформулировать критерии грамматического использования именных, наречных и глагольных конструкций как производных предлогов. Выполненное исследование даёт возможность связать воедино работы в области лингвистической семантики, функциональной грамматики, грамматической таксономии, описания корпусной статистики лингвистических параметров текстов для разных функциональных стилей современного русского языка, формального описания грамматики предложных конструкций, создания размеченных корпусов как базы машинного обучения.

Таким образом, проведённое исследование позволяет нам представить в систематизированном виде предложные конструкции современного русского языка, уточнить и дополнить систему семантических типов, сопроводить конструкции характеристиками корпусной статистики, что является абсолютно новым способом представления данных, для которого нет аналогов не только в современной отечественной, но также и в зарубежной лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 4-е изд. М.: Наука, 1988.
2. Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
3. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974.
4. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
5. Zakharov V., Azarova I., Golovina A. Statistical analysis of Russian multiword prepositions. Nordsci Conference on Social Sciences, 2020. Vol. 3 (book 1). Pp. 191–200.
6. Herskovits A. Semantics and Pragmatics of Locative Expressions // Cognitive Science, 1985. Vol. 9. № 3. Pp. 341–378.
7. Zakharov V., Azarova I. Grammatical parallelism of Russian prepositional localization and temporal constructions // Text, Speech, and Dialogue: 23rd International Conference, TSD 2020, Brno, Czech Republic, September 8–11, 2020, Proceedings. 2020. Pp. 122–134. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-58323-1_13.

8. Скобликова Е.С. Роль лексики в словосочетаниях с управляемым компонентом // Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев, 1990. С. 25–46.
9. Litkowski Kenneth & Hargraves Orin. SemEval-2007 Task 06: Word-sense disambiguation of prepositions. 2007, Pp. 24–29. DOI: 10.3115/1621474.1621479.
10. Rudzicz F., Mokhov S. Towards a Heuristic Categorization of Prepositional Phrases in English with WordNet: Technical Report, Cornell University, 2003.
11. Girju Roxana. The Syntax and Semantics of Prepositions in the Task of Automatic Interpretation of Nominal Phrases and Compounds: A Cross-Linguistic Study. Computational Linguistics. 2009. Vol. 35. Pp. 185–228. DOI: 10.1162/coli.06-77-prep13.
12. Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.
13. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
14. Всеволодова М.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.
15. Gudkov V., Golovina A., Mitrofanova O., Zakharov V. Russian prepositional phrase semantic labelling with word embedding-based classifier // CEUR Workshop Proceedings, 2020. Vol. 2552. Pp. 272–284.

Quantitative Ontology and Russian Preposition Database

Viktor Pavlovich Zakharov – PhD in Linguistics; Associate Professor, Saint Petersburg State University; Project Leader, Quantitative Grammar of Russian Prepositional Structures (17-29-09159).

E-mail: v.zakharov@spbu.ru

Irina Vladimirovna Azarova – PhD in Linguistics; Associate Professor, Saint Petersburg State University; Project Member, Quantitative Grammar of Russian Prepositional Structures.

E-mail: ivazarova@gmail.com

Anastasia Vladimirovna Golovina – Master's Degree; Senior Technical Writer, Doctor Web.

E-mail: st070508@student.spbu.ru

Vadim Vadimovich Gudkov – Master's Degree; Machine Acquisition Engineer, Medlinx.

E-mail: vadim0006@gmail.com

Anna Dmitrievna Moskvina – Master's Degree; Lecturer, HSE University, Saint Petersburg.

E-mail: moskvina.anya@gmail.com

Automatic natural language processing that goes beyond the bag-of-words model requires an understanding of semantic and syntactic relationships between language components. This work attempts to address the following issues: 1) describe a set of Russian prepositional structures as an interconnected system; 2) collect corpus-based statistics reflecting preposition meanings and their hierarchy; and 3) describe meanings of prepositions acting as grammatical connectors for content words. Preposition meanings are described using categories based on G. A. Zolotova's concept of syntaxeme.

The results obtained are based on word frequencies extracted from corpora of contemporary Russian texts. This work describes the key objectives, approaches, methods, novelty, and findings of the research. The key findings include grammar and ontology of the main Russian prepositions, research into secondary prepositions (prepositions derived from content words), preposition database with a network interface, and a set of automated procedures aiding in 'working out' the meaning of a preposition.

Keywords: Russian prepositions, prepositional constructions, prepositional meanings, computational ontology, corpus linguistics, corpus statistics, corpus study methodology

REFERENCES

1. Zolotova G.A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa. 4-e izd. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
2. Jakobson R.O. Izbrannye raboty. M., 1985 (in Russian).
3. Steblin-Kamenskii M.I. Spornoe v yazykoznanii. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1974 (in Russian).
4. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). M.: Azbukovnik, 2009 (in Russian).
5. Zakharov V., Azarova I., Golovina A. Statistical analysis of Russian multiword prepositions. Nordsci Conference on Social Sciences, 2020. Vol. 3 (book 1). Pp. 191–200.
6. Herskovits A. Semantics and Pragmatics of Locative Expressions // Cognitive Science, 1985. Vol. 9. № 3. Pp. 341–378.
7. Zakharov V., Azarova I. Grammatical parallelism of Russian prepositional localization and temporal constructions // Text, Speech, and Dialogue: 23rd International Conference, TSD 2020, Brno, Czech Republic, September 8–11, 2020, Proceedings. 2020. Pp. 122–134. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-58323-1_13.
8. Skoblikova E.S. Rol' leksiki v slovosochetaniyakh s upravlyaemym komponentom // Ocherki po teorii slovosochetaniya i predlozheniya. Kuibyshev, 1990. S. 25–46 (in Russian).
9. Litkowski Kenneth & Hargraves Orin. SemEval-2007 Task 06: Word-sense disambiguation of prepositions. 2007, Pp. 24–29. DOI: 10.3115/1621474.1621479.
10. Rudzicz F., Mokhov S. Towards a Heuristic Categorization of Prepositional Phrases in English with WordNet: Technical Report, Cornell University, 2003.
11. Girju Roxana. The Syntax and Semantics of Prepositions in the Task of Automatic Interpretation of Nominal Phrases and Compounds: A Cross-Linguistic Study. Computational Linguistics. 2009. Vol. 35. Pp. 185–228. DOI: 10.1162/coli.06-77-prep13.
12. Shvedova N.Yu. (gl. red.). Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. M.: Nauka, 1980 (in Russian).
13. Vsevolodova M.V. Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. M., 2000 (in Russian).
14. Vsevolodova M.V., Polikarpov A.A. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya. Kn. 1: Vvedenie v ob'ektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2018 (in Russian).
15. Gudkov V., Golovina A., Mitrofanova O., Zakharov V. Russian prepositional phrase semantic labelling with word embedding-based classifier // CEUR Workshop Proceedings, 2020. Vol. 2552. Pp. 272–284.

Индекс УДК 811.161.1

Код ГРНТИ 16.41.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-27-36

Г.И. КУСТОВА*

Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов

Статья посвящена результатам проекта, направленного на изучение параметров вариативности современного русского языка, а также диахронических сдвигов, обусловливающих наблюдаемую синхронную вариативность. Исследовательская задача коллектива в рамках проекта – проведение серии конкретных исследований, охватывающих широкий круг проблем современной русистики в области морфологии, синтаксиса, лексической семантики, анализа поэтического текста, исследования жестов и др. Эти исследования объединены общим подходом к языку как к динамической, нестабильной, развивающейся системе. Исследования проводились на обширном корпусном материале, прежде всего на материале различных подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), с использованием современных количественных методов корпусного анализа.

Исследования велись по трём основным направлениям:

- 1) описание вариативности морфологических и синтаксических структур в письменных текстах;
- 2) описание вариативности морфологических и синтаксических структур в разных типах устного дискурса;
- 3) описание формальных параметров русского стиха и особенностей структуры поэтического текста.

Прикладная задача проекта – развитие и совершенствование НКРЯ как инструмента лингвистических исследований: пополнение его состава, коррекция лингвистической разметки, анализ поисковых возможностей корпуса и оценка достоверности результатов.

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, синхронная вариативность, микродиахронические изменения

* **Кустова Галина Ивановна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, руководитель проекта «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов» (17-29-09154).

E-mail: galinak03@gmail.com

Проект «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов» включал две важнейших составляющих: пополнение Национального корпуса русского языка и исследования на его базе.

Одна из стратегических задач проекта — развитие и совершенствование НКРЯ как инструмента лингвистических исследований: пополнение его состава новыми текстами, коррекция лингвистической разметки. За время реализации проекта НКРЯ был пополнен коллекциями: текстов в периодических изданиях XVIII–XIX вв. (рис. 1), периодики русской эмиграции первой волны, региональной прессы (табл. 1), текстов региональной блогосферы, устных воспоминаний, параллельных текстов, современной поэзии, снабжённой стиховедческой разметкой (табл. 2), — общим объёмом около 10 млн словоупотреблений.

Увеличение объёма корпуса является критически важным для повышения точности проводимых исследований и обоснованности выводов, поскольку цифровые ресурсы позволяют не только извлекать языковой материал и обнаруживать новые явления, но и составлять представление о тенденциях развития языка, а также получать количественные данные, достоверность которых зависит, в частности, от объёма и сбалансированности корпуса.

Разработанный концептуальный аппарат ориентирован на описание и объяснение актуальных процессов (микродиахронических изменений), которые происходят на разных участках языковой системы (в сфере именной и глагольной лексики, морфологических и синтаксических механизмов), а также на уровне организации текста (разговорного, поэтического, научного — в том числе устного научного дискурса). Исследования на базе корпуса проводились коллективом сотрудников (Д.О. Добровольский, К.М. Корчагин, Г.И. Кустова, А.Б. Летучий, Б.В. Орехов С.О. Савчук,

Д.В. Сичинава, Н.М. Стойнова) и охватывали ряд ключевых для развития современной лингвистики направлений.

1. Корпусно-ориентированные исследования фрагментов грамматики с точки зрения микродиахронии и синхронной вариативности

1.1. В рамках корпусного исследования вариативности в области именного словоизменения (XVIII–XXI вв.) проведён анализ одного из неустойчивых участков морфологической системы русского языка — вариантов употребления формы родительного падежа множественного числа с окончанием *-ов* и нулевым окончанием в трёх подкорпусах: I. XVIII – 1-я пол. XX в. (167 млн словоупотреблений); II. XX–XXI в. (174 млн); III. корпус СМИ 2000 гг. (332 млн).

В группе единиц измерения лексемы, для которых словари отмечают единственную нулевую форму род. п., в корпусном материале имеется вариативность — представлены обе формы род. п.: *децибел* — *децибелов* (соотношение форм 70% и 30%), *микрон* — *микронов* (64% и 36%), *карат* — *каратов* (48% и 52%, в газетном корпусе — 80% и 20%).

У новых единиц, появившихся в XX в., несмотря на рекомендации нормативных словарей использовать нулевую форму род. п. в сочетании с количественными числительными, также наблюдается вариативность форм род. п. мн. ч.: (*кило-*, *мега-*, *гига-*) *бит* / *битов* (95% и 5%, в газетном корпусе — 97% и 3%), (*кило-*, *мега-*, *гига-*) *байт* — / *байтов* (94% и 6%, в газетном корпусе — 96% и 4%), *зиверт* / *зивертов* (71% и 29%, в современных газетах — 83% и 17%).

Исследование форм род. мн. в группе существительных *pluralia tantum* (*выжимки*, *очистки*, *пожитки*, *задворки* и др.) также показало расхождение рекомендаций словарей и данных корпуса. Например, для слова *задворки* словари предлагают единственную форму род. мн. *задворок*, в то время как во всех корпусах фиксиру-

Рис. 1. Тексты ранних периодов (XVIII в. – первая половина XIX в.) в основном корпусе письменных текстов

ется вариативность (в корпусе XVIII – 1-й пол. XX в. преобладает форма *задворков* – 62%, а в современных текстах преобладает нулевая форма *задворок*: в основном – 65%, в газетном – 86%). Исследование электронной коммуникации в слабо кодифицированных сферах (блоги, соцсети), которые отражают тенденции разговорной речи, показало большое количество не рекомендуемых форм (ср.: *Использование фруктовых выжимков*).

Если на основании массового обследования, проведённого в 1960-е гг., были сделаны выводы о «медленном, но неуклонном процессе смены традиционной нормы», который выражался в том, что в момент акта речи предпочитается форма с нулевой флексией, а не форма на *-ов* [1], то в начале XXI в. ситуация более сложная и семантически и функционально обусловленная: в кодифицированной речи за определёнными лексемами закрепляется один из двух вариантов, а в разговорной речи допускается более свободное варьирование разных форм. Описательная грамматика должна объективно фиксировать такое положение дел, опираясь на данные корпусов.

1.2. Важным направлением работы было исследование устойчивых конструкций, образованных в результате фразеологизации и грамматикализации, в рамках универсального процесса языковой редукации.

Один из характерных примеров – экспрессивные конструкции на базе слов со значением отрицательной оценки (*ужас, кошмар, страх, страсть, жуть, беда, смерть: Страх как хотелось с ним поговорить; Поешь арбуза-то, смерть какой сладкий...; Там беда сколько этих лис!*) и положительной оценки (*прелесть, чудо, загляденье, красота, блеск, супер, ср.: Прелесть какая материя; Играл он чудо как хорошо; Вместе тренироваться – супер как полезно*). Исследование корпусных данных показало, что у многих экспрессивов эти конструкции образуют целую парадигму вариантов. Наиболее естественной (и исходной) является постпозиция экспрессива: *Сколько / столько народу набежало – ужас!; Как я устала – кошмар!; Какая хорошенькая – прелесть / супер!; Какая у него тачка – умереть не встать!; У меня сразу в голове такой план созрел – отпад!; Он так устаёт – просто беда*. Однако наи-

Таблица 1

**Новые издания, включённые в состав корпуса региональной
и зарубежной прессы**

Название издания	Тип издания	Кол-во словоупотреблений
«Белорецкий рабочий» (Белорецк, Башкортостан)	Районная	72 718
«Вестник района» (Советский район Марий Эл)	Районная	193 150
«Вечерний Оренбург»	Городская	1 235 820
«Вечерняя Казань»	Городская	893 325
«Городищенский вестник» (Городищенский район Пензенской области)	Районная	65 382
«Дагестанская правда» (Махачкала)	Региональная	49 126
«Деснянская правда» (Брянский район Брянской области)	Районная	1 153 414
«Земля Трубчевская» (Трубчевский район Брянской области)	Районная	426 351
«Ивановская газета»	Региональная	1 260 620
«Истоки» (Прохоровский район Белгородской области)	Районная	93 274
«Кабардино-Балкарская правда»	Региональная	150 854
«Красный город» (Йошкар-Ола)	Городская	114 161
«Липецкая газета» (Липецк)	Региональная	157 332
«Марийская правда» (Йошкар-Ола)	Региональная	261 252
«Местное время» (Пермь)	Региональная	10 798
«Молодёжная газета» (Уфа)	Региональная	124940
«Наша жизнь» (Ракитянский и Краснояружский районы Белгородской области)	Районная	182 008
«Новая жизнь» (Можайский район Московской области)	Районная	232 406
«Пензенская правда»	Региональная	463 042
«Призыв» (Владимир)	Региональная	162 074
«Советская Адыгея» (Майкоп)	Региональная	129 064
«Ульяновская правда»	Региональная	300 818
«Унечская газета» (Унечский район Брянской области)	Районная	64 403
«Уральский рабочий» (Екатеринбург)	Региональная	66 215
ВСЕГО		7 862 547

более распространённым случаем в НКРЯ является другая конструкция, когда восклицательная клауза стоит после рамочного показателя высокой степени; такую конструкцию, по аналогии со сложным предложением (ср.: *Ты не представляешь, как я устал!*) можно назвать псевдоподчинительной: *Ужас как он нам надоел; Прелесть какой вкусный!*. Кроме того, у экспрессивов есть конструкция с другим порядком компонентов, которую можно назвать инвертированной (достаточно редкая, поэтому для её обнаружения требуется корпус значительного объёма): *Зверя было «балго», и набили на льдине тюле-*

ней — беда сколько [Б.С. Житков (1929)]; *Пить хочется ужас как* [К. Букша (2013)]; *А пионы просто прелесть какие* [«Огонёк». № 11, 1959].

Инвертированная конструкция, в свою очередь, похожа на слусинг (или амальгаму), т.е. элидирование подчинённой клаузы (придаточного предложения) за исключением относительного местоимения: *She was talking with someone, but I don't know who*; *Я куда-то положил ключи, но не помню куда* (← *не помню, куда я положил ключи*), ср. [2–8]. Однако в действительности инвертированная восклицательная конструкция — не слусинг, а результат ин-

Таблица 2

Новые авторы, включённые в состав поэтического корпуса

Авторы	Количество текстов	Количество словоупотреблений
Наталья Горбаневская	796	40 913
Виктор Соснора	539	89 172
Виктор Кривулин	487	45 077
Елена Шварц	486	56 261
Борис Рыжий	467	42 527
Сергей Стратановский	413	25 632
Олег Юрьев	380	31 065
Ян Сатуновский	368	11 332
Александр Миронов	354	32 935
Наум Коржавин	291	53 434
Алексей Цветков	278	30 880
Кенжеев Бахыт	262	37 062
Александр Галич	190	41 944
Корней Чуковский	120	17 724
Олег Охупкин	102	23 091
Александр Башлачёв	66	16 826
Всеволод Зельченко	51	7 622
Григорий Дашевский	45	5 482
Рид Грачёв	7	783

версии в исходном предложении: *Ужас как пить хочется – Пить хочется ужас как* (ср. [9], где показано, что в русском языке подобные явления не сводимы к слуху, а также [10]).

Исследование механизмов грамматикализации и фразеологизации в сфере местоименной лексики проводилось на материале биместоименных дистрибутивных комплексов – БДК (ср. *похватили кто что успел*), образовавшихся на базе квазирелятивов (*похватили что успели*), которые являются результатом редукции относительных придаточных (*Бери что хочешь ← Бери всё, что ты хочешь взять*). Исследование проводилось на материале параллельных корпусов и охватывало славянские и некоторые западноевропейские (английский, французский, немецкий, испанский) языки. Анализ материала параллельных корпусов показал, что БДК имеются только в славянских языках (при

этом в болгарском, где сильна тенденция к аналитизму, они почти не встречаются, но широко представлены, например, в восточнославянских языках). В исследованных западноевропейских языках БДК отсутствуют, в связи с чем возникает проблема поиска эквивалента при переводе соответствующих комплексных единиц. При подборе переводных соответствий переводчики опираются на импликатуры ('различия'; 'вмешательство случайных факторов'; 'хаотичность') и когнитивные стереотипы, связанные с русскими дистрибутивами типа (*разбежались*) *кто куда; когда как* и под.

1.3. Исследование глагольных конструкций

В корпусном исследовании квазисинонимичных конструкций с повествовательным императивом (см. [11–13] и др.) *возьми и Vimp. vs. взял и V3pers.* проанализированы данные НКРЯ и Sketch Engine, позволяющие выявить некоторые тенденции,

характерные для заполнения свободного слота в конструкциях *возьми и...* и *взял и...*. Материал показывает, что в конструкции *возьми и...* больше всего употреблений с глаголами говорения (*А он возьми и скажи...*), примеры с другими глаголами (*А он возьми да и продай свой дом*) единичны, а в конструкции *взял и...* чаще встречаются глаголы, обозначающие неречевые действия (ср. *взял и уехал*). Показано, что в то время как форма повествовательного императива сама по себе безразлична по отношению к признаку контроля, конструкция *взял и...* в обычном случае предполагает, что субъект контролирует свои действия.

Исследована вариативность в контроле целевого инфинитива при глаголах каузации изменения позиции (*повесил сушить vs. повесил сушиться*). Выявлены семантические и синтаксические факторы, отвечающие за выбор контроля.

Описан целевой инфинитив при глаголах движения (*поехал учиться*). На корпусном материале рассмотрен ряд частотных асимметрий между разными глаголами движения. Показано, что по разным характеристикам, связанным с конструкцией целевого инфинитива, глаголы движения делятся на неодинаковые группы, при этом не наблюдается прямых корреляций с существующими пространственными классификациями глаголов движения.

На материале НКРЯ описана футуральная конструкция с глаголом *стать* (*стану делать*), которая сопоставлена по частотным характеристикам (распределение по лицам, сочетаемость с отрицанием, с контролируемыми vs. неконтролируемыми предикатами и под.) с конструкцией прошедшего времени (*стал делать*) и с конструкцией аналитического будущего (*буду делать*). Показано, что по всем рассмотренным признакам она отличается от обеих конструкций и занимает между ними промежуточное положение.

Проведено описание частотных характеристик сериальных конструкций с глагола-

ми движения и позиции (*сидит читает, пошёл покурил*): выявлен круг глаголов, тяготеющих к данному типу конструкций, и круг форм, в которых они склонны / не склонны употребляться.

1.4. Статистический анализ дискурсивных формул русского языка с позиции диахронии

Под дискурсивными формулами понимаются устойчивые изолированные конструкции, ср.: *Ещё бы!*; *Не то слово!*; *То-то же* и под. Они, в отличие от традиционно понимаемых конструкций (ср. основные положения грамматики конструкций в [14–16]), не содержат переменных: свободным слотом для них становится предшествующая реплика другого говорящего. Изменения частотности дискурсивных формул видны даже на относительно небольшом временном отрезке. Исследование проведено на материале текстов НКРЯ, относящихся к XIX–XX вв., т.е. охватывает промежуток в 200 лет. Список дискурсивных формул был распределён по десятилетиям употребления каждой из них, что позволило выделить три основные группы формул: появляющиеся, употребляющиеся на протяжении длительного периода, исчезающие формулы. После этого была предпринята попытка проверки гипотезы структурной сменяемости дискурсивных формул. Исходное предположение состояло в том, что дискурсивные формулы, относящиеся к одному структурному классу, сменяют друг друга таким образом, что старая формула уходит из употребления, а на её место приходит новая формула, состоящая практически из тех же элементов. Однако проверка показала, что разные варианты одной формулы сосуществуют, дополняя друг друга.

2. Сопоставительные корпусные исследования на материале текстов разных жанров и типов

2.1. Корпусное исследование средств организации устного научного дискурса в сравнении с письменной научной речью

Жанры устной научной речи (УНР) соотносимы с жанрами письменной научной речи (монография, учебник – цикл лекций; раздел монографии, учебник – лекция; статья – доклад и др.). Все они представлены в НКРЯ, что позволяет изучать особенности письменной и устной научной речи в сопоставительном аспекте. Исследование жанра устного доклада в сравнении со статьёй показало, что устные доклады существенно отличаются по частотным характеристикам лексико-синтаксических средств выражения гипотетичности: частотность вводных слов *наверное, видимо, по-видимому, кажется, наверняка* в устных выступлениях в несколько раз превосходят соответствующие показатели для статей (например, частота на миллион словоупотреблений (ipm) для *наверное* составляет 403 в докладах и 8,7 в статьях, для *видимо* – 205 и 82,4, для *наверняка* – 65 и 1,5).

Гибридный характер УНР состоит в том, что, с одной стороны, она продуцируется по законам устной речи (отсюда сегментация потока речи, исправления, перестройка, хезитации, инвертированный порядок слов – особенно эти свойства обнаруживаются в случае, когда устная речь сопровождает показ презентации доклада), а с другой стороны, отбор речевых средств производится из арсенала книжно-письменного научного стиля (термины, синтаксические клише научной речи и др.).

2.2. Исследование региональных особенностей русской устной речи стало возможно благодаря включению в НКРЯ региональных корпусов устной речи. Так, например, для коллекции устной речи жителей Приморья как полиэтнического региона были выявлены региональные особенности и характерные отклонения от общелитературной речи на разных уровнях языковой системы – лексическом (большое количество названий местных реалий, лексических заимствований из украинского языка, языков коренных народов, китайского и корейского языков), морфосинтаксическом (особенно-

сти употребления предлогов, глагольного управления).

3. Контрастивные исследования на материале параллельных корпусов

На материале немецко-русского корпуса исследованы лингвоспецифичные особенности близких по формальным критериям и/или по внутренней форме слов и выражений. Были рассмотрены некоторые языковые явления, представляющие серьёзные трудности как для сопоставительной лексикологии, так и для двуязычной лексикографии.

Исследован ряд грамматических и грамматизирующихся конструкций на материале шведско-русского параллельного корпуса. В результате этого исследования собран материал для пополнения одноязычных и межъязыковых конструктиконов (конструктиконы – базы данных по конструкциям). Исследование имеет ареальную перспективу (поскольку схожие конструкции калькируются и варьируют в языках одного ареала, в данном случае – циркумбалтийского).

4. Корпусное исследование стихотворной речи

4.1. Собрание текстов НКРЯ является уникальным по разнообразию корпусов. Важным отличием от других корпусов является поэтический корпус, который снабжён специальной стиховедческой разметкой и позволяет изучать русскую поэтическую речь как в плане структурных особенностей, так и в плане эволюции.

В рамках проекта было предпринято корпусное исследование цезуры в эволюции русского 5-стопного ямба, которое показало, что граница между классическими размерами (такими как 5-стопный ямб) и неклассическими (такими как дольник и тактовик) не должна восприниматься как непреодолимая: последние являются прямыми следствиями эволюции ритма первых. Однако это невозможно показать, если руководствоваться принятыми в русском стиховедении способами анализа

ритмики стиха, стремящимися изолировать различные типы размеров и игнорирующими их связь друг с другом. Для того чтобы выявить эту связь, в качестве ключевого для анализа стиха принято понятие цезуры, что позволило уточнить эволюцию русского 5-стопного ямба.

4.2. Была поставлена задача решить классическую проблему соотношения стиха и прозы в практической плоскости — с использованием алгоритмов машинного обучения. Созданы модели машинного обучения, позволяющие подтвердить или опровергнуть имеющиеся в науке предположения относительно разграничения стиха и прозы. На обучающей выборке поэзии и прозы объёмом 2300 текстов (117 657 прозаических строк и 62 196 стихотворных строк) были натренированы модели с использованием алгоритмов Naive Bayes, Random Forest и Support Vector Classification. Признаками в одном случае выступали длины строк, а в другом — разница в длине строк-соседей, взятая по модулю. Тестовая выборка состояла из 100 текстов объёмом 17 146 строк. Наилучшие показатели продемонстрировал классификатор Random Forest, способный правильно классифицировать 93% строк. Support Vector Classification показал средние значения полноты и точности. Худшие показатели у классификатора, построенного на Naive Bayes. Обнаружилось, что соизмеримость длин строк, исчисляемых в сло-

гах, действительно является важным критерием выделения стихотворной строки. При этом длина строки в буквах не играет значимой роли.

Таким образом, каждая из созданных моделей может быть использована для классификации стихотворных и прозаических текстов.

В целом работа над проектом позволила выявить участки грамматической нестабильности в современном русском языке и те актуальные процессы (синхронную вариативность, микродиахронические изменения), которые можно зафиксировать с помощью корпусных и статистических методов. Они были выявлены, в частности, в области словообразования (именной суффиксации и глагольной префиксации); в области именного словоизменения; в области глагольных форм и конструкций; в области формирования и пополнения определённых классов местоимений (кварелиативов и дистрибутивов); в области дискурсивных формул; в области синтаксических структур (функционирование вводных оборотов; вариативное оформление зависимых клауз в полипредикативных структурах). Результаты этих исследований складываются в единую картину существования современного русского языка в разных аспектах (литературном, устном, региональном) и найдут отражение в словарях, грамматиках, учебной и научной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык и советское общество / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968.
2. Abels K., Movement and Islands, The Oxford Handbook of Ellipsis, 16. UK, Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 1–43.
3. Chung S., Ladusaw W., McCloskey J. Sluicing and Logical Form, Natural Language Semantics. 1995. № 3. P. 239.
4. Lakoff G. Syntactic amalgams, Chicago Linguistic Society. 1974. № 10. P. 321.
5. Lasnik H. Multiple sluicing in English? Syntax. 2014. № 17 (1). P. 1.
6. Merchant J. The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis. UK, Oxford: Oxford University Press, 2001.
7. Stjepanović S. P-stranding under Sluicing in a Non-P-Stranding Language? Linguistic Inquiry. 2008. № 39 (1). P. 179.

8. Testeleys Y., Bylinina E. Sluicing-Based Indefinites in Russian, *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting*. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications. 2005. Pp. 355–264.
9. Иомдин Л.Л. Гипотеза о двух синтаксических началах // Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря; Под ред. Ю.Д. Апресяна, М.: Языки славянских культур, 2010. С. 129–141.
10. Danielewiczowa M. *Struktura i znaczenie eksklamatywów. Na materiale współczesnej polszczyzny*. Poland, Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2014.
11. Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения. II. (Императив в русском языке), *Вопросы языкознания*. 1998. № 2. С. 88.
12. Gronas M. The Origin of the Russian Historical Imperative, *Russian Linguistics* 2006. № 30 (1). С. 89.
13. Kor Chahine I. O *vozmōzhnom puti grammatikalizacii russkogo *vzjaty**, *Russian Linguistics*. 2007. № 31 (3). P. 231.
14. *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communicative Situations and Prepatterned Speech*, F. Coulmas ed. USA, The Hague: Mouton, 1981.
15. Fillmore Ch.J. The Mechanisms of «Construction Grammar», *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Vol. 14. USA, Berkeley, 1988. Pp. 35–55.
16. Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of *let alone*, *Language*. 1988. № 64. P. 501.

Language System Dynamics: A Corpus-Based Study of Synchronic Variation and Diachronic Changes in Various Texts

Galina Ivanovna Kustova – Doctor of Philology; Senior Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Project Leader; Language System Dynamics: A Corpus-Based Study of Synchronic Variation and Diachronic Changes in Various Texts (17-29-09154).
E-mail: galinak03@gmail.com

This article presents the findings of a project exploring variation parameters of the contemporary Russian language and its diachronic changes causing synchronic variations. The key objective of this research is to conduct a series of studies embracing a broad range of contemporary Russian linguistic issues in morphology, syntax, lexical semantics, poetry analysis, sign language, etc. These studies all take the same approach to language, viewing it as a dynamic, unstable, and evolving system. All studies use massive corpus-based texts, specifically various sub-corpora of the Russian National Corpus, and employ modern quantitative corpus-based analysis methods.

The three key research areas:

- 1) morphological and syntactical variation in written texts;
- 2) morphological and syntactical variation in various types of oral discourse;
- 3) formal characteristics of Russian poetry and unique features of poetic text structure.

The project's practical goal is to develop and improve the Russian National Corpus as a linguistic research tool, including updating, tagging, search capacity analysis, and integrity assessment.

Keywords: Russian National Corpus, synchronic variation, micro-diachronic changes

REFERENCES

1. Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo / Pod red. M.V. Panova. M.: Nauka, 1968 (in Russian).
2. Abels K., Movement and Islands, The Oxford Handbook of Ellipsis, 16. UK, Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 1–43.
3. Chung S., Ladusaw W., McCloskey J. Sluicing and Logical Form, Natural Language Semantics. 1995. № 3. P. 239.
4. Lakoff G. Syntactic amalgams, Chicago Linguistic Society. 1974. № 10. P. 321.
5. Lasnik H. Multiple sluicing in English? Syntax. 2014. № 17 (1). P. 1.
6. Merchant J. The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis. UK, Oxford: Oxford University Press, 2001.
7. Stjepanović S. P-stranding under Sluicing in a Non-P-Stranding Language? Linguistic Inquiry. 2008. № 39 (1). P. 179.
8. Testelefs Y., Bylinina E. Sluicing-Based Indefinites in Russian, Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications. 2005. Pp. 355–264.
9. Iomdin L.L. Gipoteza o dvukh sintaksicheskikh nachalakh // Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovyara; Pod red. Yu.D. Apresyana, M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. S. 129–141 (in Russian).
10. Danielewiczowa M. Struktura i znaczenie eksklamatywów. Na materiale współczesnej polszczyzny. Poland, Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2014.
11. Pertsov N.V. K probleme invarianta grammaticheskogo znacheniya. II. (Imperativ v ruskom yazyke). Voprosy yazykoznanija. 1998. № 2. S. 88 (in Russian).
12. Gronas M. The Origin of the Russian Historical Imperative, Russian Linguistics 2006. № 30 (1). S. 89.
13. Kor Chahine I. O vozmožnom puti grammatikalizacii russkogo *vzyat'*, Russian Linguistics. 2007. № 31 (3). P. 231.
14. Conversational Routine: Explorations in Standardized Communicative Situations and Prepatterned Speech, F. Coulmas ed. USA, The Hague: Mouton, 1981.
15. Fillmore Ch.J. The Mechanisms of «Construction Grammar», Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Vol. 14. USA, Berkeley, 1988. Pp. 35–55.
16. Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone, Language. 1988. № 64. P. 501.

Индекс УДК 81'23

Код ГРНТИ 16.21.29

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-37-49

**Ю.Е. ЛЕЩЕНКО,
Т.И. ДОЦЕНКО,
Т.С. ОСТАПЕНКО***

Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель

Исследование, осуществлённое в рамках проекта «Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель», рассматривает ряд важнейших проблем, связанных с изучением трилингвизма как уникального лингвокогнитивного явления. Объектом исследования является комбинированный трилингвизм (специфическое сочетание трёх языков, усвоенных индивидом в разных условиях и разном возрасте); материалом исследования послужили экспериментальные данные, полученные от национально-русских билингвов (носителей коми-пермяцкого и русского/татарского и русского языков), изучающих третий (английский) язык в качестве иностранного. Результатом реализованного проекта является разработка интегративной модели комбинированного трилингвизма, включающая три уровня: 1) уровень дескриптивных характеристик комбинированного трилингвизма, специфика которого определяется сочетанием ряда переменных факторов; 2) уровень языковой деятельности, репрезентирующий специфику межъязыковых взаимодействий в сознании комбинированного трилингва, которые проявляются как в структуре ментального лексикона, так и непосредственно в речевой деятельности; 3) уровень когнитивных процессов, моделирующий влияние комбинированного трилингвизма на исполнительные функции индивида.

* **Лещенко Юлия Ефимовна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного научно-исследовательского университета, руководитель проекта «Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель» (17-29-09074).

E-mail: naps536@mail.ru

Доценко Тамара Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: tamaradotsenko@bk.ru

Остапенко Татьяна Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: osttania@yandex.ru

Ключевые слова: комбинированный трилингвизм, языковая ситуация, языковое сознание, межъязыковые взаимодействия, кодовые переключения, когнитивные преимущества, трансфер

Введение

Под трилингвизмом понимаются владение индивидом тремя языками и способность пользоваться ими в различных целях [1], при этом уровень владения каждым из языков и сферы их применения могут различаться [2, 3]. Понятийный аппарат трилингвологии в настоящее время находится на стадии разработки, что проявляется, среди прочего, в отсутствии чёткого подразделения трилингвизма на подтипы. По аналогии с двуязычием естественного типа (спонтанное усвоение двух языков в условиях естественного языкового окружения) и искусственного типа (целенаправленное изучение второго/иностранного языка в учебной ситуации) [4, 5] можно выделить также естественный трилингвизм (спонтанное овладение тремя языками) и искусственный трилингвизм (усвоение носителем одного языка двух иностранных языков в учебных условиях).

Однако в современном мире гораздо более распространённым оказывается триязычие комбинированного типа, представляющее собой сочетание естественного и учебного способов усвоения разных языков одним и тем же индивидом [6]. Комбинированный трилингвизм возникает в тех случаях, когда естественный билингв (обычно — носитель этнического языка и официального государственного языка страны проживания) усваивает ещё один (третий по счёту) язык в учебных условиях. По сравнению с «чистыми» типами трилингвизма изучение трилингвизма комбинированного типа осложняется сочетанием в нём целого ряда разнородных факторов, таких как способ усвоения каждого из языков (естественный vs искусственный), последовательность усвоения (одновременное vs по-

следовательное), возраст усвоения (ранний детский возраст vs школьный), уровень владения (высокий vs относительно низкий) и т.д. Взятые в совокупности, эти факторы определяют уникальную специфику комбинированного трилингвизма, изучение которого представляет собой важную научную проблему в рамках единой теории многоязычия.

Постановка вопроса об особенностях языковой и когнитивной деятельности при комбинированном трилингвизме логически обусловлена результатами исследований двуязычия. Экспериментальные данные указывают на то, что два языка билингва сосуществуют в едином ментальном пространстве [7, 8], находятся в тесном контакте друг с другом и активно взаимодействуют между собой на языковом уровне [9–12]. При этом, согласно известной гипотезе о когнитивных преимуществах билингвизма (Bilingual Costs and Advantages Hypothesis) [13], двуязычие соотносится с более высоким уровнем развития когнитивных процессов (гибкости и адаптивности внимания, тормозного контроля, способности сопротивляться интерференции и т.д.) [14–17].

Что касается триязычной ситуации, на сегодняшний день вопрос о влиянии трилингвизма на языковую и когнитивную деятельность его носителей остаётся открытым, поскольку в научной литературе представлено недостаточно исследований на данную тему. Целью реализованного проекта являлся детальный анализ двух разновидностей комбинированного трилингвизма, складывающегося из национально-русского билингвизма и изучения иностранного языка, включая экспериментальное исследование особенностей речевой и когнитивной деятельности его носителей.

Экспериментальное исследование

Участники исследования

В исследовании принимали участие две группы комбинированных трилингвов: 67 носителей коми-пермяцко-русского билингвизма, изучающих английский язык в качестве иностранного, и 58 носителей татарско-русского билингвизма, изучающих английский язык в качестве иностранного (всего 125 человек). Все информанты являются студентами национальных отделений вуза/колледжа, учебная программа которых включает как общеобразовательные предметы на русском языке, так и специальные предметы на этническом (коми-пермяцком/татарском) языках. Средний возраст информантов на момент проведения экспериментов составил 19,7 лет.

Коми-пермяцко-русское и татарско-русское двуязычие распространено во многих районах Пермского края, на территории которых дети с раннего возраста усваивают этнический и русский языки. Преимущественной сферой использования этнического языка является сфера повседневной коммуникации; в то же время, помимо семейно-бытового общения, коми-пермяцкий/татарский языки активно используются в сфере образования, культуры, интернет-коммуникации, СМИ и т.д. Что касается русского языка, то он является доминирующим средством общения в официальной коммуникации (образовательной, деловой, общественно-политической сферах). Третий (иностраный) язык, согласно учебной программе, преподаётся со второго класса общеобразовательной средней школы; на сегодняшний день подавляющее число коми-пермяцких и татарских школьников и студентов изучают английский язык; средний уровень владения этим языком варьирует от элементарного до базового (A1 – A2).

Методы исследования

Сложность изучаемой проблемы обусловила комплексный междисциплинарный подход к её решению: в исследовании

применялись методы когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики. Реализованный проект включал в себя три этапа.

На первом этапе в целях составления детализированного языкового портрета информантов был разработан комплексный опросник для социолингвистического анкетирования. Опросник включает 29 вопросов и позволяет получить подробные сведения об особенностях усвоения трёх языков, уровне их функциональной активности, специфике оперирования и т.д. (фото заполненного опросника представлено в Приложении 1). Результаты проведённого опроса были подвергнуты статистической обработке с использованием методов структурных группировок, корреляционного анализа и факторного анализа, что позволило не только выявить корреляции между разными факторами, составляющими в своей совокупности языковой фон информантов, но и смоделировать ряд конфигураций комбинированного трилингвизма, сформированных различными сочетаниями этих факторов (рис.).

На втором этапе было реализовано экспериментальное моделирование отдельных аспектов речевой деятельности информантов, для которого применялись методики ассоциативного эксперимента (свободный ассоциативный эксперимент, цепочечный ассоциативный эксперимент), классификационного эксперимента (эксперимент на группировку слов, основанный на методе первичной категоризации), эксперимента по выявлению межъязыковой синтаксической сочетаемости. Все эксперименты проводились на трёх языках: коми-пермяцком, русском и английском (для информантов-коми-пермяков) и татарском, русском и английском (для информантов-татар). Пример стимульного бланка для эксперимента по выявлению межъязыковой синтаксической сочетаемости представлен в Приложении 2.

На третьем этапе было осуществлено сопоставительное изучение отдельных аспектов когнитивной деятельности

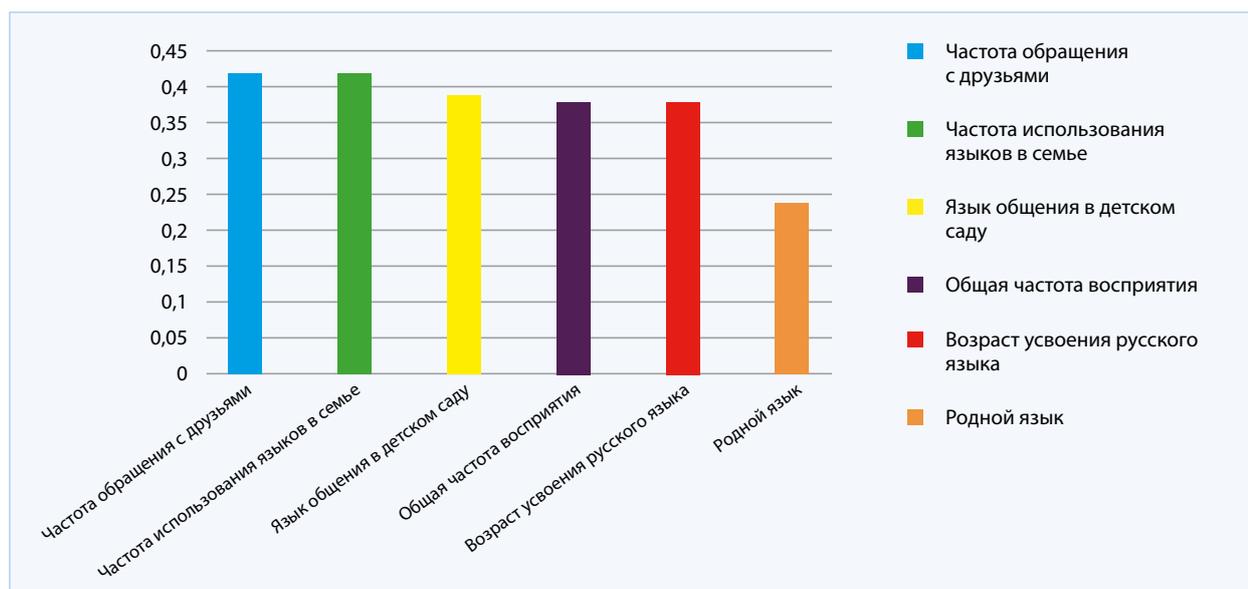

Рис. Иерархия социалингвистических и психалингвистических факторов, оказывающих влияние на формирование языковых привычек информантов

информантов-трилингвов и информантов-билингвов. Моделирование когнитивных процессов осуществлялось при помощи серии психалингвистических экспериментов, позволяющих проанализировать когнитивную гибкость информантов (способность быстро переключаться между различными видами деятельности), тормозный контроль (способность противостоять влиянию иррелевантных стимулов, затрудняющих выполнение поставленной задачи) и устойчивость внимания (способность в течение определённого времени выполнять монотонную деятельность, требующую повышенной концентрации внимания).

Материалы исследования

Материалом анализа в реализованном проекте послужили следующие экспериментальные данные:

- 1) 125 анкет, полученных в ходе социалингвистического опроса информантов (всего 3625 ответов на отдельные вопросы);
- 2) 20 250 ассоциативных реакций, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента (информантам было предъявлено по 54 стимула на каждом из трёх известных им языков с задани-

- ем отреагировать на каждый стимул первой пришедшей в голову реакцией);
- 3) 7500 цепочек реакций, полученных в ходе направленного ассоциативного эксперимента (информантам было предъявлено по 20 стимулов на каждом из трёх известных им языков с заданием отреагировать на каждый стимул последовательностью из 6 реакций);
- 4) 500 группировок слов разных языков, полученных в ходе классификационного эксперимента (информантам было предъявлено по 64 слова на разных языках с заданием распределить их на 4 подгруппы по любым основаниям);
- 5) 186 межъязыковых ассоциативно-вербальных пар (сочетаний слов коми-пермяцкого и русского/татарского и русского языков), полученных в ходе эксперимента по выявлению межъязыковой синтаксической сочетаемости (информантам предлагалось ответить на вопрос о том, используют ли они в своей речи и слышат ли в речи окружающих предъявленные им пары слов);
- 6) 56 заполненных таблиц Горбова-Шульте;
- 7) 56 вариантов теста Бурдона;
- 8) 56 вариантов теста Струпа.

Результаты исследования

3.1. По результатам социолингвистического опроса был составлен детальный языковой портрет комбинированных трилингвов — носителей коми-пермяцкого/ татарского и русского языков, изучающих английский язык в качестве иностранного. К основным проанализированным параметрам относятся языковая самоидентификация коми-пермяков и татар, возраст и последовательность усвоения каждого из трёх языков, частота и сферы их употребления, а также их эмоционально-оценочный статус (использовался метод семантического дифференциала). Полученные результаты сводятся к следующим:

- ♦ около трети наших информантов (31%) склонны идентифицировать себя как трилингвов — людей, в той или иной степени владеющих тремя языками;
- ♦ средние показатели возраста и последовательности усвоения разных языков у коми-пермяков и татар демонстрируют одинаковую тенденцию (этнический язык с рождения + русский язык в возрасте 3–5 лет + английский язык в возрасте 9–10 лет);
- ♦ коми-пермяцкий/ татарский язык является основным средством внутрисемейной коммуникации; сочетание коми-пермяцкого/ татарского и русского языков используется в сфере дружеского общения (включая общения в различных мессенджерах и социальных сетях), а также в учебной ситуации; английский используется преимущественно в учебной ситуации, а также в интернет-коммуникации;
- ♦ наибольшую согласованность при оценивании имеют русский и английский языки (оба единодушно определяются как статусные, нужные, частотные, активно используемые); оценивание этнического языка выявило больше расхождений по параметрам современности, нужности, статусности и частотности.

3.2. По результатам серии психолингвистических экспериментов проанализированы особенности языковой деятель-

ности комбинированных трилингвов — носителей коми-пермяцкого/ татарского и русского языков, изучающих английский язык в качестве иностранного. Экспериментально доказано наличие множественных разнонаправленных и разнотипных межъязыковых взаимодействий, затрагивающих разные уровни языковой системы трилингвов; описаны основные типы и специфические характеристики таких взаимодействий. Полученные данные демонстрируют следующие закономерности:

- ♦ межъязыковые взаимодействия при комбинированном трилингвизме носят асимметричный характер, т.е. различаются по частоте в зависимости от направления. Структура рассматриваемой триязычной конфигурации характеризуется доминантной позицией русского языка, подчинительной по отношению к нему позицией этнического языка и наиболее слабой позицией иностранного языка;
- ♦ при комбинированном трилингвизме существует прямая зависимость между активностью межъязыковых взаимодействий и одновременным усвоением двух первых языков в раннем детском возрасте;
- ♦ активный характер межъязыковых взаимодействий проявляется в речи комбинированных трилингвов в виде межъязыковых коллокаций — устойчивых воспроизводимых сочетаний слов двух разных языков, основанных на механизме кодовых переключений. Межъязыковые коллокации имеют высокую частотность, при этом говорящие в целом не склонны разграничивать их элементы по признаку языкового кода;
- ♦ в основе межъязыковых коллокаций лежат два типа триггеров, стимулирующих кодовые переключения: лингвистический и экстралингвистический. В качестве лингвистических триггеров в подавляющем большинстве случаев выступают заимствованные русские слова, имеющие разную степень адаптации

в этническом языке; экстралингвистическим триггером является ситуативная отнесённость слова, стимулирующего переход на другой язык;

- ♦ одним из важнейших проявлений межъязыковых взаимодействий при комбинированном трилингвизме является лингвистический трансфер, который активно включается в процессы заимствования, протекающие «в режиме реального времени» (ещё не зафиксированы в системе языка, но устойчиво закреплены в сознании говорящих). Модифицированные в результате трансфера лексические единицы могут частично утрачивать свою лингвистическую специфичность: происходит «стирание» дифференцирующих признаков таких единиц, что позволяет говорящим свободно сочетать их в разных языковых контекстах;
- ♦ овладение третьим (иностранным языком) при комбинированном трилингвизме сопровождается процессами металингвистического трансфера, т.е. испытывает на себе влияние специфических стратегий и навыков, выработанных в ходе усвоения этнического и русского языков. Сопоставление результатов экспериментов, проведённых с трилингвами (коми-пермяками и татарами) и билингвами (русскими, изучающими английский как второй язык), показало, что носители двух родных языков активно переносят имеющийся в их арсенале набор коммуникативных навыков и умений на процессы усвоения нового языка.

3.3. По результатам серии психолингвистических экспериментов были изучены отдельные свойства когнитивных процессов носителей коми-пермяцкого/татарского и русского языков, изучающих английский язык в качестве иностранного. Результаты проведённых экспериментов в целом подтвердили существование эффекта когнитивных преимуществ для национально-русских билингвов; при этом полученные данные позволяют объяснить отсутствие положительных результатов в других ис-

следованиях и обосновать необходимость использования модифицированных экспериментальных методик.

Использованная исследовательская программа представляла собой батарею тестов, измеряющих уровень концентрации и переключаемости внимания и сопротивляемость интерференции: тест Горбова-Шульте, тест Бурдона, тест Струпа. Каждый тест включал две модификации экспериментального задания, предъявляемые по возрастанию уровня сложности (примеры экспериментальных заданий представлены в Приложении 3).

В тесте Горбова-Шульте информантам предъявлялась таблица с ячейками, заполненными хаотично расставленными цифрами/буквами, которые необходимо было распределить в нужном порядке. При обработке результатов были подсчитаны средние и медианные значения скорости реагирования для каждой группы информантов, а также количество допущенных ошибок; затем показатели билингвов и монолингвов были сопоставлены между собой. Полученные результаты указывают на то, что изначально обе группы информантов в целом одинаково успешно «включались» в выполнение экспериментального задания; однако переход к иной, более сложной символической системе (от цифр к буквам) на фоне сохранности общего паттерна реагирования вызывал больше затруднений у русских, чем у коми-пермяков/татар.

В тесте Бурдона информантам предъявлялись страницы текстового документа, каждая строка которого была заполнена хаотичным набором букв/цифр, среди которых требовалось найти определённые символы. Время выполнения теста было фиксированным для всех информантов (5 минут); для каждого участника подсчитывалось количество правильно найденных символов, количество допущенных ошибок, а также пропущенных «целевых» символов. Сопоставление полученных результатов показало, что при выполнении обоих заданий носители двух родных язы-

ков стабильно демонстрируют более высокие показатели, чем носители одного языка (билингвы дают большее количество правильных ответов и реже пропускают искомые символы). При этом разрыв между коми-пермяцкими/татарскими и русскими информантами увеличивается при выполнении второго по счёту задания: количество правильных ответов у билингвов становится существенно больше, чем у монолингвов, а число пропущенных символов, наоборот, резко снижается.

В тесте Струпа информантам предлагалось определить цвет написания слов-цветообозначений, предъявляемых изолированно/в виде стимульных цепочек, при этом фиксировалась скорость реагирования и количество допущенных ошибок. Согласно полученным результатам, в среднем русские информанты выполняли первое по счёту задание быстрее, чем коми-пермяцкие/татарские информанты, в то время как при выполнении второго задания более высокую скорость выполнения продемонстрировали коми-пермяцкие/татарские информанты. При этом у каждого отдельно взятого информанта – комбинированного трилингва показатели ускорения при переходе от выполнения первого задания ко второму выше, чем у учебных билингвов.

В целом результаты данного этапа исследования выявили две важнейшие закономерности. Во-первых, одними из специфических свойств естественного двуязычия являются повышенная адаптивность исполнительных функций и общая когнитивная пластичность, которая проявляется в лёгкости переходов между разными кодовыми системами. Во-вторых, активное использование двух языков приводит к формированию устойчивых паттернов внимания, которые проявляются в способности концентрироваться на выполнении отдельного действия и одновременно с этим успешно подавлять различные интерферирующие влияния. Когнитивные преимущества билингвов по показателям адаптивности отдельных исполнительных

функций наглядно демонстрируются при использовании предложенной нами двухэтапной методики проведения экспериментов и хорошо выявляются даже на примере наиболее спорной возрастной категории двуязычных говорящих – молодых людей в возрасте 18–25 лет.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать ряд важных выводов, касающихся проанализированных типов комбинированного трилингвизма.

Комбинированный трилингвизм представляет собой особую разновидность триязычия, характеризующуюся специфической лингвокогнитивной и социокогнитивной конфигурацией. Специфика подобных конфигураций, сформированных на основе национально-русского билингвизма, дополненного изучением иностранного языка, определяется в каждом конкретном случае уникальным сочетанием таких вариативных факторов, как возраст усвоения языков, уровень владения ими, функциональная активность и частота использования.

Три языка, представленные в сознании комбинированного трилингва, активно взаимодействуют между собой и оказывают влияние друг на друга. Ведущими типами межъязыковых взаимодействий при комбинированном трилингвизме являются кодовые переключения и трансфер. Кодовые переключения провоцируются разными типами триггеров и зачастую являются неосознанными (не фиксируются говорящими как переход от одной языковой системы к другой). Трансфер в ситуации комбинированного трилингвизма подразделяется на лингвистический (уподобление отдельных языковых паттернов) и металингвистический (перенос общих стратегий формирования языковой компетенции под влиянием предшествующего опыта).

На уровне когнитивных процессов носители комбинированного трилингвизма имеют определённые преимущества над

носителями учебного билингвизма. Эти преимущества проявляются в повышенной активности адаптивных механизмов, «настраивающих» быстрое включение в новый вид деятельности, а также способности гибко координировать концентрацию и переключаемость внимания в ходе решения различных когнитивных задач. Судя по всему, повышенные адаптивные способности комбинированных трилингвов могут определять более высокий уровень их способностей к обучению различным (в том числе — неязыковым) видам деятельности.

Полученные в рамках реализации проекта научные результаты могут послужить основой для дальнейшего изучения иных вариантов комбинированного трилингвизма, представленных на территории России (на материале других этнических групп, в условиях иной языковой ситуации, при другом соотношении его составляющих) и необходимы для создания универсальной модели комбинированного триязычия, обобщающей его основные закономерности и потенциальные траектории развития.

Приложение 1. Пример заполненного опросника

Приложение 2. Пример стимульного бланка для эксперимента по выявлению межъязыковой синтаксической сочетаемости

Приложение 3. Примеры экспериментальных заданий

Тест Горбова-Шульте (числовой вариант)

Тест Горбова-Шульте (буквенный вариант)

Тест Бурдона (буквенный вариант)

Тест Бурдона (числовой вариант)

Тест Струпа (вариант с изолированными стимулами)

Тест Струпа (вариант с цепочками стимулов)

АНКЕТА

- Имя *Ирина Викова* Возраст *23*
- Место рождения *с. Тавасово, Турджарский р-н*
- Место проживания Вашей семьи (если не совпадает с местом рождения) *Пермь*
- Какие языки Вы знаете? *Пермяцкий, русский*
 - Какой язык является родным:
 - для вас? *Пермяцкий*
 - для мамы? *Перм.*
 - для папы? *Перм.*
 - Какой язык вы чаще слышите в семье: коми-пермяцкий или русский? *Перм.*
 - На каком языке вы говорите дома:
 - с мамой? *Перм.*
 - с папой? *.....*
 - с бабушкой (дедушкой)? *.....*
 - На каком языке вы обычно говорите с друзьями? *русский*
 - С какого возраста вы говорите на русском языке? *с детства ≈ 4-5 лет*
 - С какого возраста Вы говорите на коми-пермяцком языке? *с детства раннее*
 - На каком языке Вы начали говорить раньше: на русском или коми-пермяцком? *К-П*
 - Если вы ходили в детский сад, то на каком языке вы говорили в детском саду:
 - с воспитателем? *русский*
 - с детьми? *К-П*
 - Какой язык вы чаще слышите в вузе: коми-пермяцкий или русский? *русский*
 - На каком языке вы обычно говорите в вузе? *Перм.*
 - На каком языке Вы общаетесь с одноклассниками (в вузе, вне вуза) *Перм.*
 - Какой язык вы чаще используете в речи? *русский*
 - Говорите ли Вы на коми-пермяцком языке?
 - Нет
 - Да

15. Если Вы говорите на коми-пермяцком языке, оцените, как часто Вы его используете:

- редко
- скорее редко чем часто
- скорее часто чем редко
- часто
- скорее часто чем очень часто
- скорее очень часто чем часто
- очень часто

16. Как часто Вы говорите на русском языке:

- редко
- скорее редко чем часто
- скорее часто чем редко
- часто
- скорее часто чем очень часто
- скорее очень часто чем часто
- очень часто

17. Какой язык вы чаще слышите: коми-пермяцкий или русский? *русский*

18. Какой язык вы чаще слышали в школе: коми-пермяцкий или русский? *русский*

19. Обозначьте примерное соотношение (в %) использования коми-пермяцкого и русского языков в процессе обучения в вузе (например, 60% - русский язык, 40% - коми-пермяцкий):

40 % русский язык *60* % коми-пермяцкий

20. С какого и по какой класс вы изучали коми-пермяцкий язык в школе? *с 1 по 9 кл.*

21. С какого класса вы изучали русский язык в школе? *с 1 по 11 кл.*

22. В каком возрасте Вы начали учить иностранный язык? *с 5 кл.*

23. Какие иностранные языки Вы изучали в школе? *англ., франц.*

24. С какого класса школы и по какой вы учили английский язык в школе? *с 5 по 11 кл.*

25. На каком языке велись уроки иностранного языка в школе?

- на русском;
- на коми-пермяцком;
- преимущественно на русском с использованием коми-пермяцкого;
- преимущественно на коми-пермяцком с использованием русского;
- в равной степени на обоих языках.

26. Пользуетесь ли Вы иностранным языком в других ситуациях кроме учебной? Каким? (.....) Подчеркните нужный вариант / варианты:

не пользуюсь;

- читаю в интернете;
- переписываюсь в соцсетях;
- смотрю фильмы на иностранном языке
- использую в компьютерных играх
- слушаю песни на иностранном языке

27. На каком языке Вы пишете СМС сообщения, ведёте переписку в соцсетях? *рус. яз.*

28. На каком языке Вы читаете книги? *рус. яз., к-н*

29. Оцените по десятибалльной шкале (1 – очень плохо – очень хорошо), насколько хорошо Вы владеете:

- а) коми-пермяцким языком *8*
 б) русским языком *8*
 в) иностранным языком *1*

Продолжение приложения 2

Словосочетания	Слышу (+)/ не слышу (-)	Использую (+)/ не использую (-)	Комментарии
Тодны о себе			
Вежорты жизнь			
Тодны домашнее задание			
Удж тяжёлая			
Велотыны в ВУЗе			
Удж добросовестная			
Уналё тодся слово			
Сетавны добро			
Пондотны дело			
Виль платье			
Уналё тодся актер			
Лыддотны рассказ			
Уналё тодся история			
Погодя хорошая			
Вежорты тему			
Погодя плохая			
Вовлыны домой			
Имейтны семья			
Вовлыны вовремя			
Пондотны урок			
Кывзыны внимательно			
Вовлыны на пары			
Баитны смеясь			
Керку высокий			
Баитны ни о чем			
Керны на совесть			
Лун хороший			
Сетавны долг			
Лыддотны книгу			
Кыв длинное			
Имейтны все			
Учотик собака			
Сёрникузя о жизни			
Пондотны рассказ			
Инька хорошая			
Рыг темные			
Босьтны тетрадь			

Приложение 2

Задание: Прочитайте следующие пары слов. Слышите ли / слышали ли Вы и используете ли / использовали ли Вы такие сочетания в речи? Если возможно, дайте свои комментарии.

Словосочетания	Слышу (+)/ не слышу (-)	Использую (+)/ не использую (-)	Комментарии
Кыв родной			
Баитны много			
Морт высокий			
Чожа делать			
Зоночка симпатичный			
Удж трудная			
Морт маленький			
Керны работу			
Думайтны о чем-то			
Лун сегодняшний			
Учотик ребенок			
Думайтны о будущем			
Мунны домой			
Сетавны конфет			
Любитны семья			
Мунны гулять			
Ыджыт дом			
Вежорты окружающих			
Бур подруга			
Ыджыт зарплата			
Чожа идти			
Кыв русский			
Ыджыт мечта			
Нывкаок красивая			
Виль телефон			
Вовлыны в кино			
нывкаок маленькая			
Кывзыны окружающих			
Велотись добрый			
Кывзыны лекцию			
Кокнига приближать			
Сёрникузя пройтись			
Кывзыны товарища			
Гожум жаркое			

Тест Горбова-Шульте (числовой вариант)

1	21	2	6	12	7	7
20	5	17	8	22	13	18
19	11	12	8	23	3	19
17	24	24	10	10	13	5
21	2	11	18	6	22	3
4	9	25	4	15	9	23
15	1	16	14	20	14	16

Тест Горбова-Шульте (буквенный вариант)

Б	Т	У	А	К
И	З	Ч	М	Г
Й	Р	С	О	Ё
В	Ц	Ф	Е	Д
Л	Ж	П	Н	Х

Тест Бурдона (буквенный вариант)

Н К Е Л Ы С Н Л С А К Е К Х Е В С К Х Д Р К М Б Э Г К З Р У
 Ц В Х Е И С Т Л В К Л Ш Ю Г К П У В Г Л Д Т С Я К Ш В Ы Л
 Я Б Ж С Н А У Х С Р К Л М В З Г Л П О А Ы Ф Э Х Ь М В К Л Н М
 Ч К Л Р Т К С В Х Е И В Л К Т Ч К Л Х Д Б В Н К А С В И Д З Г В
 К Л Т К Т В Е С Н А И С Е К Н У Х Н А С Н И В П Е И Т Х Д Б Ю
 Ж Ъ Л Щ Г О Ш Л О Г Р И Н П М А Е К С В Ц Ф П К М И Н О Р
 Т Л З Ю Х Т Э Р Н М У Н Г Ш З Д Л Х О Б Р М П С К В Ф А У М С
 Н К Т И Л Д З Х Б Т К В У З Н А Л И Д И М Р А Н К В Д Ш Б Т С
 В Ф Х Б Э К Л А И С Ш О В Х К О Л Б А Н О В С П Л О Й Ш Р А
 Л Г О С Т Д И Б К П В С Б Г Л К Р П Р И К О В Л Т М Н У Д Х Б
 С Р Л Г Д К У В С Т М Л Н О Л К С В Х Е М В А И М С К А Л Д
 Г Т Е В Д Х Д Б И Т Х Г К У К Л М Н К Е Л Ы С Н Л С А К Е К Х
 Е В С К Х Д Р К М Б Э Г К З Р У Ц В Х Е И С Т Л В К Ш Ю Г К П
 У В Г Л Д Т С Я К Ш В Ы Л Я Б Ж С Н А У Х С Р К Л М В З Г Л П
 О А Ы Ф Э Х Ь М В К Л Н М Ч К Л Р Т К С В Х Е И В Л К Т Ч К Л
 Х Д Б Р Н К А С В И Д З Г В К Л Т К Ш В Е С Н А И С Е К Н У Х
 Н А С Н И В П Е И Т Х Д Б Ю Ж Ъ Л Щ Г О Ш Л О Г Р И Н П М А
 Е К С В Ц Ф П К М И Н О Р Т Л З Ю Х Т Э Р Н М О Н Г Ш З Д Л
 Х О Б Р М П С К В Ф А У М С Н К Т И Л Д З Х Б Т К В У З Н А Л
 И Д И М Р А Н К В Д Ш Б Т С В Ф Х Б Э К Л Л А И С Ш О В Х К
 О Л Б А Н О В С П Л О Й Ш Р А Л Г О С Т Д И Б К П В С В Г Л К
 Р П Р И К О В Л Т М Н У Д Х Б С Р Л Г Д К У Ф С Т М Л Н О Л К
 С В Х Е М В А И М С К А Л Д Г Т Е В Д Х Д Б И Т Х Г К У К Л М
 Н К Е Л Ы С Н Л С А К Е К Х Е В С К Х Д Р К М Б Э Г К З Р У Ц
 В Х Е И С Т Л В К Л Ш Ю Г К П У В Г Л Д Т С Я К Ш В Ы Л Я Б
 Ж С Н А У Х С Р К Л М В З Г Л П О Л Ы Ф Э Х Ь М В К Л Н М Ч
 К Л Р Т К С В Х Е И В Л К Т Ч К Л Х Д Б Р Н К А С В И Д З Г В К
 Л Т К Ш В Е С Н А И С Е К Н У Х Н А С Н И В П Е И Т Х Д Б Ю
 Ж Ъ Л Щ Г О Ш Л О Г Р И Н П М А Е К С В Ц Ф П К М И Н О Р
 Т Л З Ю Х Т Э Р Н М У Н Г Ш З Д Л Х О Б Р М П С Х В Ф А У М
 С Н К Т И Л Д З Х Б Т К В У З Н А Л И Д И М Р А Н К В Д Ш Б Т
 С В Ф Х Б Э К Л А И С Ш О В Х К О Л Б А К О Л Б А Н О В С П Л
 Р А Л Г О С Т Д И Б К П В С Б Г Л К Р П Р И К О В Л Т М Н У Д
 Х Б С Р Л Г Д К У Ф С Т М Л Н О Л К С В Х Е М В А И М С К А Л
 Д Г Т Е В Д Х Д Б И Т К Г К У К Л М А Ж Ш У В Л Л В Ю А О З К
 Е Т Р И Н Ь П О У Е Н Г Ф Р Ц

Тест Бурдона (числовой вариант)

3358791545394480782021270269866971514
 2488487562510162580511090394205774138
 9001384965047756342888286513057723295
 4266127080171635615593768372245184994
 1208367368286691592435177090543045221
 3361078098399807823591454404831076746
 0942958177468094109218244857313702389
 7344160095316243579448175893186309720
 4141560703798782951820621994678396054
 0815575598909039169436546882242717106
 8549836837316242910977270906024315158

Тест Струпа (вариант с изолированными стимулами)

КРАСНЫЙ

Тест Струпа (вариант с цепочками стимулов)

ФИОЛЕТОВЫЙ

КРАСНЫЙ

ЗЕЛЁНЫЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. Cenoz J. Defining Multilingualism // Annual Review of Applied Linguistics. Vol. 33. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. Pp. 3–18.
2. Anastassiou F., Andreou G., Liakou M. Third language learning, trilingualism and multilingualism: A review // European Journal of English Language, Linguistics and Literature. 2017. Vol. 4 (1). Pp. 60–73
3. Барышников Н.В. Дидактический трилингвизм // Теоретическая и экспериментальная лингводидактика. Пятигорск, 2003. С. 6–15.
4. Baker C. Parent's and Teacher's Guide to Bilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2014. P. 288.
5. Булгарина Б.А., Брагина М.А., Новоселова Н.В., Золотых Е.А. Теоретико-методологические основы классификации и типологизации билингвизма // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2017. Т. 14 (3). С. 384–392.
6. Лещенко Ю.Е., Доценко Т.И., Остапенко Т.С. Динамическая модель мультилингвизма и её применение для анализа трилингвальной ситуации // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. Вып. 6. С. 44–51.
7. Li W. Research perspectives on bilingualism and multilingualism // The Blackwell handbook of research methods on bilingualism and multilingualism / W. Li, M. Moyer (eds). Oxford, UK: Blackwell, 2008. Pp. 3–17.
8. Jarvis S., Pavlenko A. Crosslinguistic influence in language and cognition. New York: Routledge, 2008.
9. Angelis de G., Dewaele J.-M. The development of psycholinguistic research on cross-linguistic influence // The Exploration of Multilingualism: Development of Research on L3, Multilingualism and Multiple Language Acquisition / L. Aronin, B. Hufeisen (eds). Amsterdam: J. Benjamins, 2009. Pp. 63–77.
10. De Groot A. Language and cognition in bilinguals and multilinguals: An introduction. New York, NY: Psychology Press, 2011.
11. Andreou G., Anastasiou F. Vocabulary interaction among the three languages of trilingual children // Selected Papers from the ISTAL. 2011. Pp. 111–117.
12. Bot de K. The multilingual lexicon: modelling selection and control // The International Journal of Multilingualism. 2004. № 1. Pp. 17–32.
13. Bialystok E., Craik F., Green D., Gollan T. Bilingual minds // Psychological science in the public interest. 2009. Vol. 10 (3). Pp. 89–129.
14. Poarch G., Van Hell J. Executive functions and inhibitory control in multilingual children: Evidence from second language learners, bilinguals, and trilinguals // Journal of Experimental Child Psychology. 2012. Vol. 113 (4). Pp. 535–551.
15. Green D., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // Journal of cognitive psychology. 2013. Vol. 25 (5). Pp. 515–530.
16. Woumans E., Duyck W. The bilingual advantage debate: Moving toward different methods for verifying its existence // Cortex. 2015. Vol. 73. Pp. 356–357.
17. Noort van den M., Struys E., Bosch P., Jaswetz L., Perriard B., Yeo S., Barisch P., Vermeire K., Lee S., Lim T. Does the bilingual advantage in cognitive control exist and if so, what are its modulating factors? A systematic review // Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9 (3). P. 27.

The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People's Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model

Yulia Efimovna Leshchenko – PhD in Linguistics; Associate Prof., Theoretical and Practical Linguistics Department, Perm State University; Project Leader, The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People's Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model (17-29-09074).

E-mail: naps536@mail.ru

Tamara Ivanovna Dotsenko – PhD in Linguistics; Associate Prof., Department of General Linguistics, Russian and Permyak Languages, and Language Teaching Methods, Perm State University; Project Member, The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People's Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model.

E-mail: tamaradotsenko@bk.ru

Tatiana Sergeevna Ostapenko – PhD in Linguistics; Senior Lecturer, Romance and Germanic Languages and Intercultural Communication Department, Perm State University; Project Member, The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People's Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model.

E-mail: osttania@yandex.ru

The study, The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People's Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model, focuses on a number of highly topical issues concerning trilingualism as a unique linguistic and cognitive phenomenon. Exploring combined trilingualism (the acquisition of three languages under different conditions and at different ages), this work is based on experimental data derived from Russian bilinguals (native speakers of the Permyak and Russian languages or the Tatar and Russian languages) studying a third (English) as a foreign language. This resulted in an integrative combined trilingualism model consisting of three levels: 1) level of descriptive features of combined trilingualism determined by a number of variables; 2) level of language behavior representing specifics of cross-linguistic interactions in combined trilinguals which manifest themselves both in the mental lexicon structures and directly in speech; and 3) level of cognitive process modeling the influence of combined trilingualism on executive functions of a person.

Keywords: combined trilingualism, linguistic situation, linguistic consciousness, cross-language interactions, code switching, transfer, cognitive advantage

REFERENCES

1. Cenoz J. Defining Multilingualism // Annual Review of Applied Linguistics. Vol. 33. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. Pp. 3–18.
2. Anastassiou F., Andreou G., Liakou M. Third language learning, trilingualism and multilingualism: A review // European Journal of English Language, Linguistics and Literature. 2017. Vol. 4 (1). Pp. 60–73
3. Baryshnikov N.V. Didakticheskii trilingvizm // Teoreticheskaya i eksperimental'naya lingvodidaktika. Pyatigorsk, 2003. С. 6–15 (in Russian).
4. Baker C. Parent's and Teacher's Guide to Bilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2014. P. 288.
5. Bulgarina B.A., Bragina M.A., Novoselova N.V., Zolotykh E.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy klassifikatsii i tipologizatsii bilingvizma // Vestnik RUDN. Seriya «Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'». 2017. T. 14 (3). S. 384–392 (in Russian).

6. Leshchenko Yu.E., Dotsenko T.I., Ostapenko T.S. Dinamicheskaya model' mul'tilingvizma i ee primeneniye dlya analiza trilingval'noi situatsii // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2018. Vyp. 6. S. 44–51 (in Russian).
7. Li W. Research perspectives on bilingualism and multilingualism // The Blackwell handbook of research methods on bilingualism and multilingualism / W. Li, M. Moyer (eds). Oxford, UK: Blackwell, 2008. Pp. 3–17.
8. Jarvis S., Pavlenko A. Crosslinguistic influence in language and cognition. New York: Routledge, 2008.
9. Angelis de G., Dewaele J.-M. The development of psycholinguistic research on cross-linguistic influence // The Exploration of Multilingualism: Development of Research on L3, Multilingualism and Multiple Language Acquisition / L. Aronin, B. Hufeisen (eds). Amsterdam: J. Benjamins, 2009. Pp. 63–77.
10. De Groot A. Language and cognition in bilinguals and multilinguals: An introduction. New York, NY: Psychology Press, 2011.
11. Andreou G., Anastasiou F. Vocabulary interaction among the three languages of trilingual children // Selected Papers from the ISTAL. 2011. Pp. 111–117.
12. Bot de K. The multilingual lexicon: modelling selection and control // The International Journal of Multilingualism. 2004. № 1. Pp. 17–32.
13. Bialystok E., Craik F., Green D., Gollan T. Bilingual minds // Psychological science in the public interest. 2009. Vol. 10 (3). Pp. 89–129.
14. Poarch G., Van Hell J. Executive functions and inhibitory control in multilingual children: Evidence from second language learners, bilinguals, and trilinguals // Journal of Experimental Child Psychology. 2012. Vol. 113 (4). Pp. 535–551.
15. Green D., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // Journal of cognitive psychology. 2013. Vol. 25 (5). Pp. 515–530.
16. Woumans E., Duyck W. The bilingual advantage debate: Moving toward different methods for verifying its existence // Cortex. 2015. Vol. 73. Pp. 356–357.
17. Noort van den M., Struys E., Bosch P., Jaswetz L., Perriard B., Yeo S., Barisch P., Vermeire K., Lee S., Lim T. Does the bilingual advantage in cognitive control exist and if so, what are its modulating factors? A systematic review // Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9 (3). P. 27.

Индекс УДК 811.161.1'282.8

Код ГРНТИ 16.21.63

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-50-60

Я.В. МЫЗНИКОВА*

Русские говоры Симбирского Заволжья в контексте этноязыкового взаимодействия

Исследование посвящено описанию русских говоров левобережной части Ульяновской области в аспекте межэтнического взаимодействия. Русские говоры Симбирского Заволжья представляют особый интерес для автора исследования в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения. На базе собранных и расшифрованных аудиозаписей была предпринята попытка показать, что некоторые из этих местных традиций, связанных со способами ведения хозяйства, стали общими для славянских, тюркских и финно-угорских народов в данном регионе, что нашло отражение и в языках этих народов. Вторичный характер русских говоров некоренной для них территории обусловил наличие неисконных элементов. В русских говорах Симбирского Заволжья этнокультурное взаимодействие в наибольшей степени проявляется в лексической сфере, где отмечается значительное число заимствований, преимущественно в тематической группе пастбищного скотоводства. Это, например, наименования групп домашних животных, различные наименования отгороженного места, загона для пастбищного содержания скота (*карда, база*). Результаты этноязыкового взаимодействия выявляются и в других лексико-тематических группах, в частности в лексике пищи, ландшафта, растительного и животного мира. Особо можно отметить заимствованные элементы в незнаменательной лексике (*айда, аба*). В грамматической сфере русских говоров Симбирского Заволжья также выявлены некоторые особенности, имеющие параллели в мордовских (эрзя и мокша) и тюркских (чувашском и татарском) языках.

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, говоры Симбирского Заволжья, тюркские языки, финно-угорские языки, языковые контакты, заимствования, этноязыковое взаимодействие, заимствованная лексика

Целью проведённого исследования стало выявление результатов этнокультурного взаимодействия в русских говорах Симбир-

ского Заволжья, а также в традициях, культурных стереотипах, принципах коммуникации в данном социуме. Применялись как традиционный в диалекто-

* **Мызникова Янина Валерьевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия» (17-29-09021).
E-mail: janinam@mail.ru

логии подход к описанию дифференциальных признаков говора, так и сопоставительные методы для выявления фактов воздействия других языков, с которыми русские говоры Симбирского Заволжья находятся в ситуации контакта. Междисциплинарный подход обусловлен естественной близостью объектов изучения диалектологии, этнографии, культурологии, социолингвистики и других научных отраслей, сфокусированных на исследовании социума.

Исследование базируется на материалах, собранных в ходе шести диалектологических экспедиций на территории левобережных районов Ульяновской области. В период с 2012 г. по 2018 г. был обследован ряд населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов (рис. 1).

В результате было записано около 200 часов речи информантов в сёлах и деревнях Кремёнки, Кременские Выселки, Ивановка, Дмитриево-Помряскино, Крас-

Рис. 1. Ульяновская область с районами и соседними субъектами РФ

ная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русский Юрткуль, Матвеевка, Большая Канда, Крестово-Городище, Белая Рыбка, Ерыклинск, Старая Майна, Старый Белый Яр. Мы опросили более 50 информантов. Для сбора данных использовалась программа «Лексического атласа русских народных говоров» [1]. На основе произведённых записей был сформирован корпус диалектных текстов, а также подготовлен дифференциальный словарь русских говоров Симбирского Заволжья с этнографическими сведениями. Особое внимание уделялось текстам с этнокультурной тематикой, содержащим описание материальной и духовной культуры сельского населения региона, ремёсел, традиций, обрядов. Тексты содержат и некоторые элементы фольклора: народные песни, игры, свадебный и похоронный обряды. На основе анализа собранных материалов разработано комплексное описание русских говоров Симбирского Заволжья, выявлены их особенности, в том числе сформированные под влиянием полиэтнической среды данного региона.

Особенности этнической ситуации на территории Симбирского Заволжья

Этническая история Ульяновской области, как и всего Среднего Поволжья, — это история взаимодействия трёх этнокультурных групп населения: финно-угорской, славянской и тюркской. По переписи 2010 г., основную часть населения Ульяновской области составляют русские — 73,6%. Помимо русских в области живут татары — 12,2%, чуваша — 7,8%, мордва — 3,2% и другие национальности — 3,2%. Мордовские племена — автохтонное население междуречья Оки, Суры и Средней Волги. Мордва делится на две основные группы: эрзя, занимавшая в прошлом левобережье р. Суры, и мокша, обитавшая в бассейне р. Мокши. В Ульяновской области проживает преимущественно мордва-эрзя [2, с. 28]. Тюркоязычные племена, предки чувашей — болгары и сувары — появились в Среднем По-

волжье в VII–VIII вв. среди финно-угорских народов и заняли господствующее положение, основав государство Волжская Булгария. Основная территория Волжской Булгарии была расположена в междуречье Камы и Черемшана. Об этом свидетельствуют многочисленные находки древних городищ в Симбирском Заволжье (рис. 2). В 1236–1238 гг. государство было разгромлено татаро-монгольским войском и вошло в состав Золотой Орды, позднее — Казанского ханства [3, с. 21].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (табл. 1), русские составляют абсолютное большинство жителей Старомайнского района, там же находится большая часть сёл и деревень с преобладанием русского населения. Несколько меньше доля русского населения в Мелекесском и Чердаклинском районах. В Новомалыклинском районе русское население преобладает только в административном центре Новая Малыкла (39%).

По мнению Г.П. Анашкиной и Л.П. Шабалиной, соседство с другими народами наложило отпечаток на материальную культуру русских Ульяновского Поволжья. Так, от татар и чувашей русские переняли способ сушки снопов, местоположение печи (отступая от задней стены), вмазанные в печь котлы, некоторые традиционные блюда; от финно-угорских народов — хозяйственную постройку (подвал), некоторые элементы одежды, традиционные блюда [2, с. 15].

Формирование русских говоров Симбирского Заволжья в условиях этноязыковых контактов

Говоры Ульяновской области в целом и Симбирского Заволжья в частности исследованы меньше, чем соседние говоры на территории Самарской области и говоры Среднего Поволжья на территории республик Чувашия и Марий Эл. Наиболее содержательными являются исследования Д.И. Алексеева и В.Ф. Барашкова [4, 5, 6]. Значительно более основательные труды

Рис. 2. Симбирское Заволжье на карте городищ Волжско-болгарского и Казанского царств

посвящены исследованию соседних говоров: С.А. Мызников дал подробную этноязыковую характеристику русских говоров Среднего Поволжья (Чувашской Республики и Республики Марий Эл); Т.Ф. Зиброва, М.Н. Барабина, Т.Е. Баженова ведут активную работу по описанию самарских говоров [3, 7, 8]. В отношении русских говоров Ульяновской области отметим не-

значительное число исследований, посвящённых особенностям формирования этих говоров в условиях этноязыкового взаимодействия. В последние десятилетия появились работы С.А. Мызникова и Е.Ф. Галушко, в которых диалектная лексика региона рассматривается в тесной связи с этнокультурными и этноязыковыми вопросами [9–12].

Таблица 1

**Этнический состав населения левобережных районов
Ульяновской области**

Район	Русские, %	Татары, %	Чуваши, %	Мордва, %
Мелекесский	66,9	14,5	12,2	2,3
Новомалыклинский	31,1	29,1	15,0	19,0
Старомайский	77,3	7,6	6,9	1,8
Чердаклинский	62,7	20,8	8,9	2,5

Вторичный характер русских говоров некоренной для них территории Симбирского Заволжья обусловил ряд особенностей лексической сферы этих говоров. В первую очередь, это наличие неисконных лексических элементов. Симбирское Заволжье является регионом длительных взаимодействий на одной территории разных по языку, культуре и религии народов. Наибольшей унификации подверглась хозяйственно-бытовая сфера, так как она обусловлена природно-географическими условиями существования этноса. Так, уже в начале XX столетия основным направлением хозяйствования у всех народов региона становится пахотное земледелие, распространяются общие технологии, виды сельскохозяйственных орудий. В то же время укоренившиеся в Среднем Поволжье русские общины усваивают сложившиеся в данном регионе традиции скотоводства. Длительные этнокультурные контакты отразились и на обоюдных заимствованиях кулинарных традиций, которые непосредственно связаны с направлениями хозяйственной деятельности. Все эти общие сельскохозяйственные и бытовые традиции нашли отражение и в языках контактирующих народов.

Отражение этноязыкового взаимодействия в лексической сфере говоров Симбирского Заволжья

В целом лексика пастбищного скотоводства отражает достаточно древнее влияние тюркских традиций. Так, все принятые в Поволжье наименования

стада животных (*отара, табун, гурт, ватага*), а также наименование овечьего пастуха (*чабан*) являются достаточно древними тюркизмами [13]. Тюркизмом, возможно, является и отгонное слово для овец *аррй*.

Зафиксированы различные наименования отгороженного места, загона, где скот мог отдохнуть во время выгона, где был водопой, где доили на выгоне коров. Лексема *калда* (фонетический вариант *карда*) является наиболее распространённым наименованием огороженного места для скота не только в говорах Ульяновской области, но и в соседней Самарской области [7, с. 90]. Слово *калда* (и вариант *карда*) весьма употребительно в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках: татар. *киртә, кәртә* 'ограда, ограждение; жердь; двор'; чуваш. *карта* 'изгородь, загородка, прясло; загон, хлев, надворная постройка' [14, с. 135]. Вопрос о его этимологии поднимался неоднократно, но однозначного решения пока не имеет [3, с. 89–90]. Вариативность фонетического оформления, а также оттенков значения этой лексической единицы в русских говорах подтверждает заимствованный характер: *Вот доила я фсю дорогу, калда там угромадна, по двес'ти голоф ф каждой*. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н.

Е.Н. Шипова приводит в словаре тюркизмов лексему *бйза*, которая отмечена в Пензенской области [13, с. 46], в говорах Симбирского Заволжья данная лексема встречается в значении 'огороженное место для отдыха скота' (*Аддыхал скот — были базы, загоны, дома если —*

хлеф. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н). А.Е. Аникин лексему *ба́за* 'огороженное место для скота' с большой вероятностью возводит к тюркским источникам: тат. *baz* 'яма, погреб', калм. (<тюрк.) *baz* 'конюшня' [15, Т. 2, с. 71].

Лексему *махáн* ('конина, мясо лошади', 'падаль, мясо павшего животного', *перен.* 'о замороженном, тощем животном или человеке') сами местные жители считают тюркской по происхождению: *махан — конина, пѣ-татарски-тѣ махан — лоша́т'*. Русские Юрткули, Старомайнский р-н. Е.Н. Шипова предполагает монгольский источник данной лексики, А.Е. Аникин допускает тюркское посредничество [13, с. 231].

Из сельскохозяйственной лексики тюркского происхождения отметим широко распространённую лексему *бахча́* [13, с. 70]. В русских говорах Симбирского Заволжья лексема *бахча́* (*ба́хча*) встречается в значении 'огород': *А то ешо ба́хчы называлис, вот на этих ба́хчах сажали капусту, моркофку, с'вёклу*. Старый Белый Яр, Чердаклинский р-н.

Лексема *такме́нь* 'сельскохозяйственный инструмент, тямка' (*У каво матыги, у каво такмени́, а у нас бараз'ник — мы полем*. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н) может быть связана своим происхождением с татар. *китман* 'кетмень, мотыга' [16, Т. 1, с. 584]. Лексема *кетмень* приводится в БАС в значении «старинное сельскохозяйственное орудие вроде мотыги, употребляемое в Средней Азии» [17, Т. 5, с. 930].

Лексема *ка́лки* 'костра, кострика' (*У нас солома была. Как пужар — за час двацат' домоф горела, ка́лки летали прям омѣтам*. Красная Река, Старомайнский р-н) может быть сопоставлена с данными из мордовских языков: морд. мокша *калга* 'костра — отбросы льна, конопли после трепания и чесания' [18, с. 219]; морд. эрзя *калго* 'костра, кострика' при наличии глагола *калгамс* 'грызть, лущить (орехи, семечки)' и прилагательного *калгодо* 'твёрдый, жёсткий, грубый' [19, с. 227].

Этнокультурное взаимодействие проявилось и в заимствованиях кулинарных

традиций и соответствующей лексики. Широко известная в литературном языке лексема *курага́* несомненно является тюркским заимствованием: татар. *курэгэ* 'сушеные абрикосы без косточек' от тюрк. *куру* 'сохнуть'; *курак, куруг* 'сухой' [13, с. 198]. Ввиду неподходящих для выращивания абрикосов климатических условий волжские татары или чувашаи могли называть курагой другие высушенные плоды, в частности похожую на курагу по вкусовым качествам тыкву. В русских говорах Симбирского Заволжья лексема *курага́* (также *курага́*) используется в значении 'вяленые (сушёные) в печи кусочки тыквы, употребляемые в качестве сладостей' (*Тыкву сушили, курагой называли. Вот у меня мат' обарит её, нарежыт, она значыт в глинянам горшке парила*. Ерыклинск, Мелекесский р-н). Само кушанье широко распространено и у мордвы.

Из других кулинарных традиций, отражающих межэтническое взаимодействие русских и других народов Поволжья, отметим супы из баранины: *кулéш* и *шурпу́*. *Шурпа́* (крепкий жирный суп из баранины с добавлением зелени, пряностей, лапши, овощей), который обычно готовится на открытом огне' хорошо известна русским левобережной Волги, хотя и характеризуется ими как «татарское блюдо»: татар. *шулла* 'бульон, суп' [16, Т. 2, с. 636], чуваш. *шурпе* 'похлёбка' [20, Т. 2, с. 465]. В селе Крестово-Городище (Чердаклинский р-н) в подобном значении зафиксирована лексема *кулéш* — 'пастуший суп из баранины с добавлением пшена, картошки': *И вот он [отец] варил на костре кулéш эта бес картошки, мок картошки немношка туда пустить, на баранине, и пшено кинет*. Овечьему пастуху (чабану или овчару) полагалась баранина, из которой он мог готовить похлёбку. При этом в БАС *кулéш* определяется как «обл. жидкая каша; густая крупяная похлёбка» [17, Т. 5, с. 1817]. Таким образом, своеобразие пищевой традиции отразилось в особом значении слова *кулéш*: мясной суп (характерный для тюркской традиции), а не жидкая каша.

Рис. 3. Берег Волги у села Старый Белый Яр

Значительную группу заимствований можно найти в составе лексики ландшафта. Это, как правило, ранний слой заимствований преимущественно из тюркских языков.

Елáнь, елáнка ‘возвышенная открытая равнина’ (*Елáнка* – *эта гора*. Ерыклинск, Мелекесский р-н), ср. башк. *yalan* ‘поле, открытая местность’, казан., турец. *alan* ‘открытое место в лесу, поляна’ [21, Т. 2, с. 13; Т. 4, с. 554; 13, с. 131].

Юр ‘открытое, возвышенное место, не защищённое от ветров’ (*А у нево избёнка-тъ стаяла на самам юру*. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н), ср. татар. *ур* ‘вал (со рвом)’; *ур* ‘маленькое возвышение, холм’ (тел., алт., каз., саг., койб., кач.) [13, с. 430; 16, Т. 2, с. 479].

Яр ‘высокий крутой берег реки’ (*Крутой берег яр могли назват’*. *Вот Красный Яр-тъ, ево ш не перьсеяли, он на горе*. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н), ср. татар. *яр* ‘берег; обрыв; яр’; казах. *жар* ‘яр; берег; обрыв; крутизна’; турец. *уар* ‘про-

пасть, бездна; пучина’ [13, с. 439; 16, Т. 2, с. 716]. На крутом высоком берегу расположено село Старый Белый Яр (рис. 3).

Урёма ‘пойменный лес и кустарник по берегу рек, поросшая кустарником низменность по руслу рек’. М. Фасмер подтверждает и уточняет тюркскую этимологию: «Из чув. **ugata*, тат., мишар. *agata* низкое место около реки, поросшее ольхой» [21, Т. 4, с. 167].

Мар ‘холм, курган’ (*Эта Мары́, Марóво поле. Мары́* – холм *пъсре-ди поля*. Ерыклинск, Мелекесский р-н), ср. мордовское *мар* ‘куча, бугор, холм, отдельная вершина, курган’ [19, с. 362; 18, с. 361].

Из лексики растительного и животного мира, характерной для Среднего Поволжья, укажем следующие заимствованные элементы.

Тал ‘ива’ (*Оне разные талы́. Щас вот этим тал’ником река-та фся зарошшая*. Ерыклинск, Мелекесский р-н); также исполь-

зуется в собирательном значении ‘ивовые прутья’ (*Тал – знаи? Прут*. Ерыклинск, Мелекесский р-н). Общетюркское **tal* ‘ива’ восстанавливается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [22, с. 125]. Помимо данной лексемы в Поволжье используются и другие, связанные с этим корнем лексемы: *тальник* ‘кустарниковая ива’, *каратал* и *чернотал* ‘ива пятитычинковая, ива корзиночная’, *краснотал* ‘ива остролистная, красная верба’. Лексема *каратал* – результат тюркского влияния, ср. татар. *кара* ‘чёрный’ и *тал* ‘ива’ [16, с. 683, 186], а *чернотал* и *краснотал* – кальки с заимствованным вторым корнем (*тал*). *Тальник* – производное от *тал* со значением ‘кустарниковая ива’ (*Вот тал’ник – эт вот самый краснотал и ес’т*. Ерыклинск, Мелекесский р-н).

Ещё одно тюркское заимствование: *ка́рга* ‘ворона’ (*От карог нада поставит’ пугала, арбус ка́рги склевали*. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н). Слово

карга в этом значении имеется во многих тюркских языках, в частности в татарском [13, с. 169].

Лексема *мазірки* используется в Среднем Поволжье в значении 'кладбище' (*Радуница — и вот тогда все ходят на мазарки. Оне ждут гот на мазарках все усопшы. Красная Река, Старомайнский р-н*). Слово представляет собой адаптированное на русской почве заимствование из тюркских языков [13, с. 226]. Для сопоставления можно привести татар. *мазар* 1) 'могила, гробница'; 2) 'кладбище' [16, Т. 2, с. 11].

Рассмотрим следующие лексические материалы: *кулыснуться* 'упасть' (*И где и эта ты так кулыснулась?* Крестово-Городище, Чердаклинский р-н), а также фразеологизм *кулысь кувырки*, обозначающий внезапную смерть (*Заручаца нел'зя, можэт, зафтра чэво приключица, и кулысь кувырки!* Красная Река, Старомайнский р-н). Указанные лексемы можно сопоставить с морд. эрзя *куло/мс* 'умереть', *кулсе/мс* 'умирать', *кулозь* 'мёртвый', *кулы* 'мёртвый' [19, с. 312]. В данном случае можно предполагать мордовское влияние.

Иноязычное влияние в русских говорах Поволжья проявляется и в сфере незначительной лексики. К тюркским источникам возводят чрезвычайно употребительное в Поволжье междометие (и усилительную частицу) *айда́* [13, с. 25; 15, Т. 1, с. 121].

Экспрессивное междометие *а́ба!* (часто с повтором: *а́ба-а́ба-а́ба!*) выражает удивление, обеспокоенность, расстройство: *Аба-аба, где эта? — Да вот там...* Базарно-Мордовские Юрткули, Старомайнский р-н. В Словаре русских народных говоров находим: «Аба́, вопр. част. Неужели. Симб., Орлов 1859. Куйбыш., Кузнецова 1961» [23, Т. 1, с. 187]. Для сравнения приве-

дём данные из мокша-мордовского: *аба* — частица 'разве, или' [18, с. 21]. Однако к зафиксированному нами междометию ближе по значению данные тюркских языков. А.Е. Аникин для *аба́* 'неужели' симб., куйб., *абба́* межд. 'восклицание для выражения удивления' казан. [23, Т. 1, с. 187, 189] предполагает тюркские источники: башк. *аба* межд. 'ну и ну! надо же! (выражение удивления, а также возмущения, обиды)', также башк. *абаву* межд. 'выражение боли, испуга, страха', татар. *абаву* межд. 'выражение испуга, удивления, отвращения' [15, Т. 1 с. 62]. В чувашском *ана* — междометие, выражающее удивление 'ах, ба! смотри-ка!' [20, Т. 1, с. 51]. Таким образом, можно считать вполне установленным влияние в использовании междометия *аба!* в русских говорах.

* * *

Этнокультурное взаимодействие нашло отражение в различных тематических группах лексики говоров Симбирского Заволжья. Выявлены и некоторые особенности в грамматической сфере русских говоров, которые также могут быть связаны с этноязыковым контактом. В частности, отмечена тенденция к выражению временных и пространственных отношений в русских говорах Симбирского Заволжья беспредложными конструкциями. В то же время в мордовских (эрзя и мокша) и тюркских (чувашском и татарском) языках временные и пространственные отношения выражаются синтетически, аффиксально, при помощи местно-временных падежей. Также в русских говорах отмечены неизменяемые формы числительных, обнаруживающие параллели в чувашском, тюркском и мордовских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1994.
2. Анашкина Г.П., Шабалина Л.П. Русские // Из этнической истории Ульяновской области (Краткие очерки): Сборник. Ульяновск: обл. газетное изд-во, 1993. С. 11–16.

3. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005.
4. Алексеев Д.И. Говор с. Архангельского Чердаклинского района Ульяновской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. Куйбышев: [б. и.], 1953.
5. Барашков В.Ф. Русские говоры Ульяновской области. Ульяновск: Изд-во УГПИ, 1977.
6. Барашков В.Ф. По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск: Симбирская книга, 1994.
7. Баженова Т.Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017.
8. Зиброва Т.Ф., Барабина М.Н. Атлас говоров Самарского края. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009.
9. Мызников С.А. Особенности лексики русских говоров Ульяновской области // Вестник РГНФ. 2013. № 2 (71). С. 105–116.
10. Галушко Е.Ф. Лексика Симбирского края в историко-культурном аспекте (проблемы интерпретации) // Вестник УлГПУ. Вып. 4. Ульяновск, 2008. С. 68–71.
11. Галушко Е.Ф. Тюркизмы в русских говорах Ульяновской области // Русское слово: Материалы межрегиональной научно-практической конференции памяти профессора Е.И. Никитиной (25 августа 2015 г.). Вып. 7. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2015. С. 15–22.
12. Галушко Е.Ф. Наименования изделий из теста в русских говорах Ульяновской области // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и костромской край: Сборник материалов и исследований Международной научной конференции (Кострома, 7–9 ноября 2016 г.). Кострома: КГУ, 2016. С. 106–112.
13. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976.
14. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
15. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–13. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2007–2019.
16. Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А–Л); Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
18. Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М.: Рус. яз., Дигора, 1998.
19. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебренникова и др. М.: Рус. яз.; Дигора, 1993.
20. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 1996.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001.
23. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.

Russian Dialects of the Transvolga Simbirsk Area in the Context of Ethnic and Language Contacts

Yanina Valerievna Myznikova – PhD in Linguistics; Associate Prof., Russian Language Department, Saint Petersburg State University; Project Leader, Russian Dialects of the Transvolga Simbirsk Area in the Context of Ethnic and Language Contacts (17-29-09021).

E-mail: janinam@mail.ru

The study examines Russian dialects spoken of the Volga River's left bank in the Ulyanovsk region in the context of inter-ethnic contacts. The interest in this topic stems from the region's polyethnic and multilingual environment, which is driven by the presence of multiple peoples (Slavic, Turkic, Finno-Ugric) in the same area. After collecting and transcribing records, the researchers attempted to demonstrate that the Slavic, Turkic, and Finno-Ugric peoples residing in this region share some housekeeping traditions, which are reflected in their languages. The presence of borrowed elements in the Russian dialects of those peoples residing in non-native territories is explained by their secondary character. Ethnic and cultural contacts mainly influence dictionary in the Russian dialects of the Transvolga Simbirsk area, as the lexical sphere contains a large number of borrowings, primarily in cattle farming, such as names of animal groups, various names of enclosures and sheds (karda, baza). Ethnic and language contacts affect other lexical groups as well, including food, landscape, plants, animals. Borrowings among functional words deserve special attention (aida, aba). The grammar of the Russian dialects of the Transvolga Simbirsk area also features elements of the Mordovic (Erzya and Moksha) and Turkic (Chuvash and Tatar) languages.

Keywords: dialectology, Russian dialects, dialects of the Simbirsk Trans-Volga region, Turkic languages, Finno-Ugric languages, language contacts, borrowings, ethnolinguistic interaction, borrowed dictionary

REFERENCES

1. Programma sobiraniya svedenii dlya Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov. Ch. 1–2. SPb.: In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 1994 (in Russian).
2. Anashkina G.P., Shabalina L.P. Russkie // Iz etnicheskoi istorii Ul'yanovskoi oblasti (Kratkie ocherki): Sbornik. Ul'yanovsk: obl. gazetnoe izd-vo, 1993. S. 11–16 (in Russian).
3. Myznikov S.A. Russkie govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Marii El. SPb.: Nauka, 2005 (in Russian).
4. Alekseev D.I. Govor s. Arkhangel'skogo Cherdaklinskogo raiona Ul'yanovskoi oblasti: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kuibyshevskii gos. ped. in-t im. V.V. Kuibysheva. Kuibyshev: [b. i.], 1953 (in Russian).
5. Barashkov V.F. Russkie govory Ul'yanovskoi oblasti. Ul'yanovsk: Izd-vo UGPI, 1977 (in Russian).
6. Barashkov V.F. Po sledam geograficheskikh nazvanii Ul'yanovskoi oblasti. Ul'yanovsk: Simbirskaya kniga, 1994 (in Russian).
7. Bazhenova T.E. Leksika samarskikh govorov: tipologicheskoe i leksikograficheskoe opisanie. Samara: SGSPU, 2017 (in Russian).
8. Zibrova T.F., Barabina M.N. Atlas govorov Samarskogo kraja. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2009 (in Russian).
9. Myznikov S.A. Osobennosti leksiki russkikh govorov Ul'yanovskoi oblasti // Vestnik RGNF. 2013. № 2 (71). S. 105–116 (in Russian).

10. Galushko E.F. Leksika Simbirskogo kraja v istoriko-kul'turnom aspekte (problemy interpretatsii) // Vestnik UGPU. Vyp. 4. Ul'yanovsk, 2008. S. 68–71 (in Russian).
11. Galushko E.F. Tyurkizmy v russkikh govorakh Ul'yanovskoi oblasti // Russkoe slovo: Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati professora E.I. Nikitinoi (25 avgusta 2015 g.). Vyp. 7. Ul'yanovsk: UGPU im. I.N. Ul'yanova, 2015. S. 15–22 (in Russian).
12. Galushko E.F. Naimenovaniya izdelii iz testa v russkikh govorakh Ul'yanovskoi oblasti // Gromovskie chteniya. Vyp. 3: Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoi krai: Sbornik materialov i issledovanii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kostroma, 7–9 noyabrya 2016 g.). Kostroma: KGU, 2016. S. 106–112 (in Russian).
13. Shipova E.N. Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke. Alma-Ata: Nauka, 1976 (in Russian).
14. Akhmet'yanov R.G. Obshchaya leksika material'noi kul'turnarodov Srednego Povolzh'ya. M., 1989 (in Russian).
15. Anikin A.E. Russkii etimologicheskii slovar'. Vyp. 1–13. M.: In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN; In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN, 2007–2019.
16. Tatarsko-russkii slovar': V 2 t. T. 1 (A–L); T. 2 (M–Ya). Kazan': Magarif, 2007 (in Russian).
17. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. M.; L., 1948–1965 (in Russian).
18. Mokshansko-russkii slovar' / Pod red. B.A. Serebrennikova, A.P. Feoktistova, O.E. Polyakova. M.: Rus. yaz., Digora, 1998 (in Russian).
19. Erzyansko-russkii slovar' / Pod red. B.A. Serebrennikova i dr. M.: Rus. yaz.; Digora, 1993 (in Russian).
20. Fedotov M.R. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka. V 2 t. Cheboksary: Chuvashskii gos. in-t gumanitarnykh nauk, 1996 (in Russian).
21. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / Per. snem. i dop. O.N. Trubachyova. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1987 (in Russian).
22. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika: 2-e izd., dop. M.: Nauka, 2001 (in Russian).
23. SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. Vyp. 1–52. M.; L.; SPb.: Nauka, 1965–2021 (in Russian).

Индекс УДК 81.42. 37.01
Код ГРНТИ 16.01.11. 19.21.07
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-61-71

Н.Г. НЕСТЕРОВА, Е.В. ВОЛКОВА, Ю.С. САБАЕВА, С.В. ЕРМОЛЕНКО, Т.Е. АРСЕНЬЕВА*

Новые тексты и новая грамотность как следствие трансформаций в медиадискурсе

Цель статьи – обосновать появление, развитие и роль для лингвистической науки феноменов *новый текст* и *новая грамотность*, рассматриваемых в контексте трансформаций дискурсов и текстов в современном медиaprостранстве. Определены и описаны основные условия, вызывающие трансформации в медиадискурсе: к ним отнесены конвергенция СМИ, расширение функций сайтов СМИ, распространение СМИ в социальные сети, интеграция в медиадискурс других институциональных дискурсов.

Выявлены ключевые признаки новых медиатекстов на основе сравнения с традиционными по следующим параметрам: канал распространения, отношения между автором и адресатом, структура текста, языковые особенности, основной код.

Охарактеризовано понятие новой грамотности, расцениваемое в исследовании как синтез компетенций, которыми должны владеть все участники медиадискурса: автор, адресат, исследователь – каждый в соответствии со своим функционалом.

В качестве материала для анализа использовались новые тексты просветительского медиадискурса, функционирующие на разных медийных площадках: телевизионный и радиодискурс, паблики в социальных сетях, гипертекстовые интернет-ресурсы, медицинские блоги, научные новости. Особое внимание в исследовании уделено аудиовизуальным средствам массовой коммуникации как стремительно развивающимся медиаресурсам.

* **Нестерова Наталья Георгиевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (ТГУ), руководитель проекта «Новая грамотность» в новых текстах средств массовой коммуникации» (17-29-09132).

E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Волкова Евгения Владимировна — кандидат филологических наук, заведующий центром тестирования иностранных граждан Томского политехнического университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: evgeniavolkova@yandex.ru

Сабаева Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного ТГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: juliyasab2014@mail.ru

Ермоленко Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка как иностранного ТГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: faschanova@gmail.com

Арсеньева Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, и.о. начальника управления информационной политики ТГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: jadviga27@mail.ru

Ключевые слова: новый текст, медиатекст, гипертекст, поликодовость, медиадискурс, интеграция дискурсов, социальные сети, дискурсивные практики, новая грамотность

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что дискурс средств массовой коммуникации отражает самые последние, новые тенденции и феномены социальной реальности. Динамика современного медиадискурса обусловлена появлением в XXI в. новых медиа, определивших развитие новых медиакоммуникаций, новых медиатекстов и формирование новой грамотности.

Новаторский характер исследования определил лингводискурсологический аспект изучения феноменов новой грамотности и нового текста, направленный на описание формы и содержания новых текстов средств массовой коммуникации. По результатам мониторинга зарубежной и отечественной научной литературы в таком ключе новая грамотность и новые тексты ранее не изучались.

Эмпирическую базу исследования составили разные типы просветительских медиатекстов: 1) тексты о русском языке и русской культуре в широком её проявлении, медицинские и научно-популярные тексты, бытующие в медиасфере; 2) тексты, ориентированные на разные категории граждан: студентов (российских и иностранных), детей и взрослых; 3) тексты, формирующие новую медийную грамотность, необходимую для реализации личности в социуме, в том числе в профессиональной сфере. Выбор источников и материала для изучения новых текстов обусловлен тем, что просветительская медиакоммуникация (и её продукт — просветительский медиатекст) расценивается в качестве стратегической, как призванная формировать коммуникативно грамотную и медиаграмотную личность, готовую жить и работать в новых обстоятельствах меняющегося мира.

Три ключевых понятия (*новая грамотность, новый текст, средства массовой коммуникации*), изучаемые в исследовании во взаимосвязи, предопределили его междисциплинарность. Она выражается в следующем: 1) методологическую базу исследования составили работы разных гуманитарных направлений; 2) рассмотрены формы интеграции дискурсов: медийного и просветительского; 3) результаты, полученные в ходе достижения поставленной цели, имеют теоретическую и практическую значимость для лингвистики, журналистики, теории дискурса, теории образования, а также вносят вклад в развитие междисциплинарных направлений: медиалингвистики, медиаобразования, социо- и психолингвистики, лингвопрагматики. Наиболее существенным является вклад в медиалингвистику, её лингводискурсологическое направление.

Результаты теоретико-фундаментального уровня

Наиболее значительные результаты теоретико-фундаментального уровня связаны с рассмотрением трансформаций в медиадискурсе XXI в. и функционирования новых текстов. Активный интерес к интегративным процессам выразился в многочисленных зарубежных и российских исследованиях, посвящённых гибридным медиа, гибридным медиатекстам, гипертекстуальности, например: [1–3].

Уникальность изучения новых текстов обусловлена авторскими концепциями. Так, радиотекст в исследовании рассмотрен как сложное структурное и коммуникативное целое, включающее, наряду с аудиозаписью эфира, видеотрансляции радиопередач и тексты, размещённые на сайте радиостанции в разных формах репрезентации.

В ходе исследования введено понятие гиперрадиотекста, составляющими которого в рамках разрабатываемой концепции являются звучащий в эфире текст, анонсы радиопрограмм, чат во время прямого эфира, интернет-комментарии к радиопрограммам, блоги журналистов и комментарии к ним, другие тексты, объединённые сайтом радиостанции в единое коммуникативное пространство радиодискурса [4, 5]. Предложенная концепция принята медиалингвистическим сообществом, что нашло отражение в словаре-справочнике «Медиалингвистика в терминах и понятиях», в который включены словарные статьи о радиотексте, радиодискурсе, комментарии к радиопрограмме, поликодовости радиотекста [6].

За короткий период времени радио претерпело существенные динамические изменения на пути от традиционного аудиального СМИ к аудиально-визуальному (с появлением сервиса «Сетевизор») и кон-

вергентному – видеорадио. Видеорадио сегодня «можно *смотреть* на самых разных медиаплощадках – сайте радиостанции, её канале на YouTube, в соцсетях» [7]. С интеграцией в социальные сети радио становится социально-сетевым [8], а радиотекст реализуется как новый текст, получивший принципиально новые формы функционирования.

Особенность реализованного в исследовании подхода выразилась в последовательном введении в исследовательское поле новых текстов средств массовой коммуникации. Так, на примере публичной страницы (ПС) радиостанции «Сибирь» в социальной сети «ВКонтакте» обоснована научная идея, в соответствии с которой страница радиостанции в соцсети квалифицирована как новый текст в структуре гиперрадиотекста и радиодискурса (подробнее об этом в [9, 10]). Выявлены и описаны структурные элементы исследуемого нового текста (рис. 1).

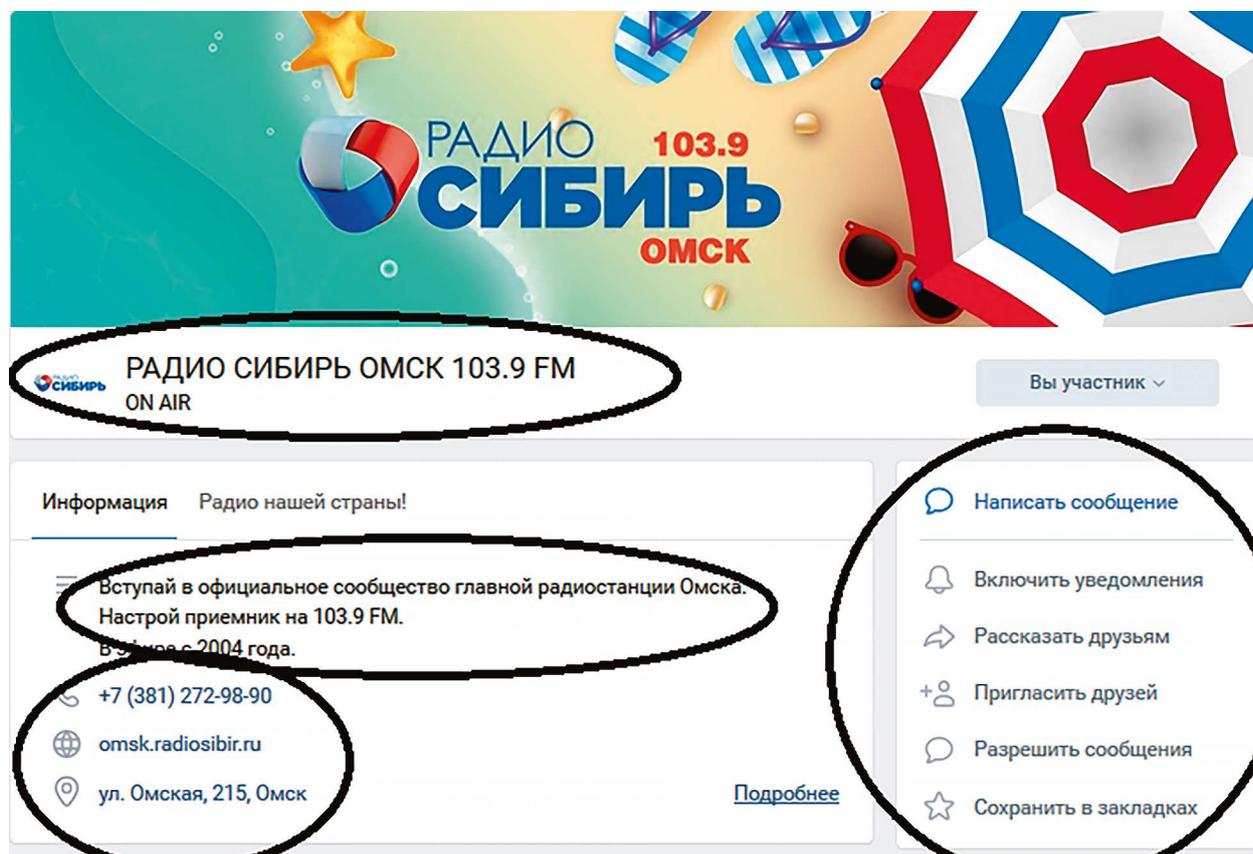

Рис. 1. Профиль публичной страницы Радио «Сибирь» «ВКонтакте» как заглавная часть текста

Установлены специфические для данного типа текста языковые средства, обладающие лингвопрагматическим потенциалом. Изучены дискурсивные практики, обеспечивающие индивидуальную связь радиостанции с каждым слушателем. Они рассмотрены не только как формы реализации личностно ориентированной коммуникации, но и как способ расширения временных границ программы, так как коммуникация продолжается после эфира на пространстве ПС.

В качестве новых текстов рассмотрены комментарии к радиопрограмме и радиоблогу, которые квалифицируются как продукты новой специфической дискурсивной практики, обеспечивающей реальную обратную связь адресата с другими участниками медиакommunikации и усиливающей диалогичность радиодискурса. Выявлено, что исследованные новые тексты – публичная страница радиостанции в социальной сети, комментарий адресата к радиопрограмме, радиоблог – синтезируют признаки письменности и устности.

С позиций медиалингвистики исследована структура научных новостей (science news), которые представляют собой многоуровневый текст, где используется несколько семиотических кодов. Science news относятся к новым текстам, одной из ключевых особенностей которых является смещение фокуса от содержания к форме подачи. Рассмотрены новости науки, опубликованные на различных каналах: в онлайн-версиях общественно-политических СМИ, в научно-популярных медиа и в Telegram-каналах. Проведён анализ структуры новостей науки в разных типах медиа.

Трансформации медиадискурса обусловлены интеграцией в него иных дискурсов. Особое внимание уделено проблеме медиатизации профессиональных дискурсов. Эмпирический материал представлен новыми текстами медицинской направленности, размещёнными на различных интернет-ресурсах, которые объединяют традиционные и новые форматы медиакommunikации. Так, специализированный

медицинский сайт рассматривается в исследовании как гипертекст, включающий медиатексты теле- и радиовещания, видеоролики, представленные на платформе YouTube, ссылки, позволяющие переходить на сторонние ресурсы в Интернете.

Отдельное внимание уделено медицинским медиатекстам, созданным врачами различных специальностей в профессиональных аккаунтах социальных сетей.

В результате анализа структурного и жанрового своеобразия новых текстов выявлены процессы трансформации традиционных жанров и формирования новых жанров, обусловленные функционированием медицинского текста в медиасреде. Рассмотрен информационно-просветительский медицинский сайт «Доктор Мясников» (рис. 2). Выбор доктора Мясникова в качестве субъекта исследования профессиональной коммуникации в медиадискурсе обусловлен комплексом данных биографии врача-телеведущего, его профессиональной карьеры в медицине и активной медийной деятельности. На примере сайта «Доктор Мясников» и других медицинских аккаунтов в Интернете выявлена специфика гипержанровой природы нового текста: установлена коммуникативная цель информирования и просвещения массовой аудитории в области медицины и здравоохранения, определена жанровая структура, включающая медицинские, публицистические, PR-жанры, охарактеризована формальная организация интернет-ресурсов, обусловленная образом адресата и функционированием гипержанра в Интернете [11].

Специальное внимание в работе получило понятие поликодовости как одной из ключевых особенностей нового текста. Описаны способы и средства конструирования многоуровневого, многослойного текста, основанного на мультимедийности, интерактивности, инфографике, на использовании разнообразных знаковых кодов и способов обратной связи. Анализ специализированного медицинского медиатекста как поликодового текста новой природы позволил проследить процессы

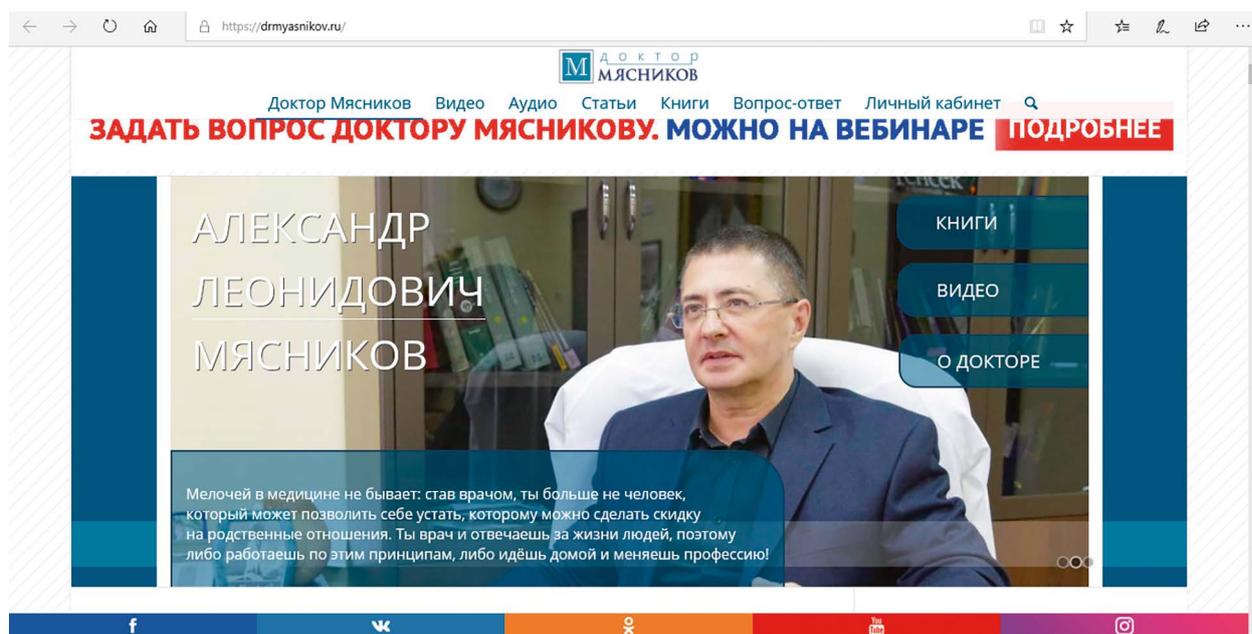

Рис. 2. Специализированный интернет-сайт как имиджевый гипертекст

трансформации традиционных, линейных текстов и выявить способы представления информации в новых текстах: сжатие информации, изменение объёма за счёт приёма гипертекстуальности, построение новой структуры (композиции) текстов, замена словесных конструкций невербальными, дополнение текста мультимедийными компонентами, способствующими более эффективному восприятию информации адресатом.

Ключевой характеристикой новых медиа является изменение функций адресанта и адресата. Категория авторства в новых медиа претерпевает значительные изменения и трансформируется в «соавторство». В частности, на примере радиодискурса рассмотрены специфичные новые дискурсивные практики, проявляющиеся в деятельности радиоведущего одновременно на двух площадках (в эфире и социальной сети) и порождении текста при участии адресата. Адресат использует новые возможности восприятия им радиоконтента (радиослушатель превратился в «радиозрителя») и становится активным участником такого дискурса (рис. 3).

Новой особенностью функционирования радио в соцсети стала активная пози-

ция адресата, который совмещает роль радиослушателя с ролью пользователя страницы в социальной сети.

Выявленные и проанализированные особенности новых медиатекстов отражены в статье средствами графики (рис. 4).

Существенной чертой новых медиа стала также их взаимосвязанность, переплетённость форм и форматов, которая обусловила размывание границ между массовой коммуникацией и межличностным общением. Жанровое разнообразие новых медиа ничем не ограничено, кроме технических возможностей самого автора.

Новые медиатексты в целом ориентированы на быстрое восприятие информации, на картинку, а не текст. Размещение всех медиа в сети Интернет обусловило визуализацию и фрагментацию текстовой информации: медиатекст разбивается на небольшие фрагменты, которые перемежаются инфографикой, фотографиями, картинками, видеовставками, отсылками к другим источникам: содержание медиапродукта должно быть понятно адресату любого возраста и социального статуса.

Форма новых медиатекстов стала определяться зависимостью от поисковых систем. Обязательным элементом любого

РАДИО СИБИРЬ ТОМСК - 104.6 FM
28 июн в 15:00

Сегодня у нас в гостях побывала прекрасная Татьяна Дахно - издатель и главный редактор томского периодического журнала MyWay 🌹

Поговорили о тенденциях гляцевых печатных изданий, о работе главного редактора и о многом другом 🌿

Прикрепляем запись, чтобы вы смогли послушать разговор в режиме онлайн 🎧❤️

Радио Сибирь – Гость в студию 28 июня MyWay

8 642

Рис. 3. Пост с видеозаписью встречи с гостем студии

современного медиапродукта являются ключевые слова, которые позволяют медиатексту встраиваться в систему глобального поиска информации. Короткие заголовки также способствуют реализации этой цели. Одним из значимых признаков новых текстов становится их динамизация. Ключевым параметром цифрового материала является время потреб-

ления: в большинстве случаев адресат не дочитывает материал до конца. Происходит смещение фокуса от содержания, информационного плана к форме подачи: чем более разнообразны каналы передачи информации, чем более информация структурирована, визуализирована, тем больше шансов, что она дойдёт до адресата [12].

Рис. 4. Соотношение традиционного и нового медиатекстов

Результаты реализации прикладного аспекта исследования

Прикладной аспект работы связан с развитием понятия *новая грамотность* применительно к разрабатываемой теме.

Изучение истоков, истории развития, современных концепций новой грамотности в рамках данного исследования приводит к пониманию, что содержательно это понятие коррелирует с *медиаинформационной грамотностью*. В рамках избранного аспекта предложено понимание новой грамотности, релевантное для указанного подхода к анализу материала и для материала как такового. Новая грамотность в медиалингвистическом аспекте характеризуется как сложное явление, которое рассматривается одновременно как свойство новых коммуникаций и как новая компетенция.

Рассмотрение нового текста с позиций новой грамотности вводит научную проблему в сферу образования с помощью средств массовой коммуникации, что обеспечивает научную значимость для медиа-

образования [13]. В соответствии с междисциплинарным подходом предложено дифференцировать новую грамотность как понятие общее, соотносимое с новыми компетенциями, необходимыми современному человеку для успешной самореализации в социуме, и как понятие частное, связанное с определённой сферой профессиональной реализации.

На материале научных и научно-популярных новостей обосновано, что медиаграмотность и, в частности, способность к критическому осмыслению информации в массмедиа, является одной из важнейших компетенций человека в эпоху экономики знаний. При этом постоянно растущий поток *science news* является не только способом просвещения аудитории, но и одним из инструментов для управления наукой, в связи с чем усиливается значимость изучения особенностей и потенциала этого формата. Доказано, что ориентация на новую грамотность должна стать одним из важнейших принципов современной коммуникативной личности, стремящейся к ка-

чественному образованию, саморазвитию, профессиональному самосовершенствованию. Данная установка реализована в образовательном процессе: в курсах «Критическое мышление и письмо», «Активные процессы в современном русском языке», «Современная лингвистика», а также в других курсах разных образовательных программ бакалавриата и магистратуры Томского государственного университета.

Предложено понимание *новой грамотности* в медиасфере как сложного феномена, который детерминируется изменениями социокультурных условий и реализуется компетенциями, специфично («по-новому») применяемыми автором и адресатом новых медиатекстов. Под новой грамотностью при данном подходе понимаются компетенции, позволяющие автору создавать, адресату адекватно интерпретировать (в том числе критично оценивать), а исследователю – изучать новые тексты во всём разнообразии их репрезентации [14]. На текстовом уровне новая грамотность проявляется в свойствах новых медиатекстов, выраженных в новых, противопоставленных традиционному, текстовых признаках.

Исследование новой грамотности в новых медиатекстах реализовано посредством выявления стратегий построения и восприятия новых текстов, анализа различных знаковых систем в новых поликодовых текстах, осмысления тенденций развития современных текстовых структур, рассмотрения новых форм интерактивности и обратной связи в медиадискурсе, изучения новых форм авторства, анализа активных языковых процессов.

Анализ медиатекстов по предложенной модели позволил решить задачу выявления эффективных стратегий взаимодействия автора и адресата в контексте новой грамотности. Так, пересечение медицинского, просветительского и маркетингового дискурсов в медиасреде приводит к размыванию границ профессионального дискурса, что определяет коммуникативное поведение врача в медиaprостранстве

и способствует трансформации его коммуникативных целей. Профессиональной медицинской целью в медиадискурсе становится просветительская цель, реализация которой происходит при использовании маркетинговых возможностей, представляемых медийной коммуникативной сферой. Таким образом, обоснована идея о том, что процессы создания новых текстов и новая грамотность (медиаграмотность) становятся следствием трансформаций профессиональных дискурсивных практик врача в медиадискурсе, требующих от специалиста новых компетенций. Установлена взаимосвязь популяризации медицинского знания в медиaprостранстве и стремления массовой аудитории к новой информационной грамотности [15].

Заключение

Проведённое исследование подтвердило целесообразность избранной логики анализа: от изучения трансформаций просветительского медиадискурса разной тематической направленности – к *новым медиатекстам* с их новыми текстовыми признаками (формами существования и новыми дискурсивными практиками), далее – к новой грамотности как совокупности компетенций, обеспечивающих адресату адекватное взаимодействие с новыми текстами. Избранная логика позволила актуализировать взаимосвязь и взаимообусловленность понятия *новый текст* с ключевыми понятиями медиалингвистики *медиатекст* и *медиадискурс*; с отражающими динамические процессы в медиасфере понятиями *интеграция дискурсов* и *новые дискурсивные практики*; с новыми медиа, благодаря которым происходят процессы интеграции (*социальные сети*); с результатами указанных процессов, реализованных в форме *гипертекста*, неотъемлемым признаком которого является *поликодовость*. Ориентация в таком сложном, многомерном медиaprостранстве возможна только при условии овладения *новой грамотностью*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mast J., Coesemans R., Temmerman M. Hybridity and the News: Blending Genres and Interaction Patterns in New Forms of Journalism // Journalism: Theory, Practice & Criticism, 2017. № 18. Pp. 3–10.
2. Splendore S., Brambilla M. The Hybrid Journalism That We Do Not Recognize (Anymore) // Journal. Media. 2021. № 2 (1). Pp. 51–61.
3. Круглова Л.А. Гибридные медиа: роль видео в новых медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 101–105.
4. Нестерова Н.Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Изд-е 2-е. М.: Флинта, 2019.
5. Нестерова Н.Г. Радиодискурс и радиотекст в условиях новых коммуникаций // Медиалингвистика. 2019. № 6 (3). С. 382–402.
6. Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 220–221, 228–231, 380–381.
7. Журавлёва А.А. Визуальное радио как важнейший тренд в развитии современного российского радиовещания // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института». Челябинск: Изд-во Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, 2019. С. 103–107.
8. Ермоленкина Л.И. Контекстные макроструктуры как механизм формирования диалогических моделей коммуникации в дискурсе социально-сетевое радио // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 55–60.
9. Сабаева Ю.С. Медиаобраз Сибири в социальных сетях (на материале официальных страниц радиостанций «Радио Сибирь. Омск», «Радио Сибирь. Томск» в социальной сети «ВКонтакте») // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 2. С. 498–516.
10. Нестерова Н.Г. Сабаева Ю.С. Публичная страница радиостанции в социальной сети как текст в структуре радиодискурса (на примере публичной страницы «Радио Сибирь» в социальной сети «ВКонтакте») // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 29–36.
11. Волкова Е.В. Структура специализированного интернет-сайта как имиджевый гипертекст // Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире». Нур-Султан, 2019. С. 1643–1648.
12. Арсеньева Т.Е., Фащанова С.В. Новые медиа и новые тексты: к вопросу о специфике // Казанская наука. 2018. № 12. С. 97–100.
13. Нестерова Н.Г., Фащанова С.В. Феномен «новой грамотности» в средствах массовой коммуникации // Current issues of the Russian language teaching XIII. Brno, 2018. Pp. 166–175.
14. Нестерова Н.Г., Волкова Е.В. О «новой грамотности» в контексте приоритетного вектора развития гуманитарного образования // Гуманитарные науки. № 3 (55). С. 27–33.
15. Волкова Е.В. Интернет-коммуникация как способ формирования профессионального имиджа медицинского сообщества // Материалы 7-й Международной научно-практической и образовательной конференции «Медицинский дискурс: вопросы теории и практики». Тверь, 2019. С. 28–34.

New Texts and New Literacies as a Result of Media Discourse Transformations

Natalia Georgievna Nesterova — Doctor of Philology; Prof., Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk State University; Project Leader, New Literacies in New Texts in the Media (17-29-09132).

E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Evgenia Vladimirovna Volkova — PhD in Linguistics; Head of the Foreign Nationals Assessment Center, Tomsk Polytechnic University; Project Member, New Literacies in New Texts in the Media.

E-mail: evgeniavolkova@yandex.ru

Yulia Sergeevna Sabaeva — PhD in Linguistics; Associate Prof., Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk State University; Project Member, New Literacies in New Texts in the Media.

E-mail: juliyasab2014@mail.ru

Svetlana Vladimirovna Yermolenko — PhD in Linguistics; Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Tomsk State University; Project Member, New Literacies in New Texts in the Media.

E-mail: faschanova@gmail.com

Tatiana Evgenievna Arsenieva — PhD in Linguistics; Acting Head of the Data Policy Division, Tomsk State University; Project Member, New Literacies in New Texts in the Media.

E-mail: jadviga27@mail.ru

The purpose of this work is to explain the emergence and development of such phenomena as New Text and New Literacies in the context of discourse and text transformation in today's media space, as well as their role for linguistics. The authors define and describe the main conditions resulting in media discourse transformation: media convergence, expansion of electronic media functions, expansion of mass media into social media, and integration of various institutional discourses into media discourse.

The key features of new media texts (as opposed to traditional ones) are the dissemination channel, the author-addressee relationship, the text structure, language specifics, and the main code.

This work defines new literacy as a synthesis of competences required of all media discourse participants (author, addressee, researcher) based on their roles.

The analyzed materials included new texts of educational media discourse from various media platforms, such as television, radio, social media pages, hypertext electronic resources, medical blogs, and science news. The study focuses primarily on audio and video mass media as rapidly advancing media resources.

Keywords: new text, media text, hypertext, polycode, media discourse, discourse integration, social networks, discourse practices, new literacy

REFERENCES

1. Mast J., Coesemans R., Temmerman M. Hybridity and the News: Blending Genres and Interaction Patterns in New Forms of Journalism // Journalism: Theory, Practice & Criticism, 2017. № 18. Pp. 3–10.
2. Splendore S., Brambilla M. The Hybrid Journalism That We Do Not Recognize (Anymore) // Journal. Media. 2021. № 2 (1). Pp. 51–61.
3. Kruglova L.A. Gibridnye media: rol' video v novykh media // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2010. № 4. S. 101–105 (in Russian).
4. Nesterova N.G. Sovremennyi radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskii aspekt). Izd-e 2-e. M.: Flinta, 2019 (in Russian).

5. Nesterova N.G. Radiodiskurs i radiotekst v usloviyakh novykh kommunikatsii // Medialingvistika. 2019. № 6 (3). S. 382–402 (in Russian).
6. Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: Slovar'-spravochnik / Pod red. L.R. Duskaevoi. M.: Flinta, 2018. S. 220–221, 228–231, 380–381 (in Russian).
7. Zhuravlyova A.A. Vizual'noe radio kak vazhneishii trend v razvitii sovremennogo rossiiskogo radioveshchaniya // Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tsifrovizatsiya kommunikativno-kul'turnoi pamyati: rol' zhurnalistiki kak sotsial'nogo instituta». Chelyabinsk: Izd-vo Ural'skogo federal'nogo universiteta im. B.N. El'tsina, 2019. S. 103–107 (in Russian).
8. Ermolenkina L.I. Kontekstnye makrostruktury kak mekhanizm formirovaniya dialogicheskikh modelei kommunikatsii v diskurse sotsial'no-setevogo radio // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 2 (208). S. 55–60 (in Russian).
9. Sabaeva Yu.S. Mediaobraz Sibiri v sotsial'nykh setyakh (na materiale ofitsial'nykh stranits radiostantsii «Radio Sibir'. Omsk», «Radio Sibir'. Tomsk» v sotsial'noi seti «VKontakte») // Kommunikativnye issledovaniya. 2019. T. 6. № 2. S. 498–516 (in Russian).
10. Nesterova N.G. Sabaeva Yu.S. Publichnaya stranitsa radiostantsii v sotsial'noi seti kak tekst v strukture radiodiskursa (na primere publichnoi stranitsy «Radio Sibir'» v sotsial'noi seti «VKontakte») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 465. S. 29–36 (in Russian).
11. Volkova E.V. Struktura spetsializirovannogo internet-saita kak imidzhevyy gipertekst // Materialy XIV Kongressa MAPRYAL «Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire». Nur-Sultan, 2019. S. 1643–1648 (in Russian).
12. Arsen'eva T.E., Fashchanova S.V. Novye media i novye teksty: k voprosu o spetsifike // Kazanskaya nauka. 2018. № 12. S. 97–100 (in Russian).
13. Nesterova N.G., Fashchanova S.V. Fenomen «novoi gramotnosti» v sredstvakh massovoi kommunikatsii // Current issues of the Russian language teaching XIII. Brno, 2018. Pp. 166–175 (in Russian).
14. Nesterova N.G., Volkova E.V. O «novoi gramotnosti» v kontekste prioritnogo vektora razvitiya gumanitarnogo obrazovaniya // Gumanitarnye nauki. № 3 (55). S. 27–33 (in Russian).
15. Volkova E.V. Internet-kommunikatsiya kak sposob formirovaniya professional'nogo imidzha meditsinskogo soobshchestva // Materialy 7-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi i obrazovatel'noi konferentsii «Meditsinskii diskurs: voprosy teorii i praktiki». Tver', 2019. S. 28–34 (in Russian).

РУССКИЙ ЯЗЫК: КОРПУСА И СЛОВАРИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Индекс УДК 811.161.1; 81'33; 81'38; 342
Код ГРНТИ 16.01.29; 16.21.55; 16.31.00; 10.09.91
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-72-87

М.Я. ДЫМАРСКИЙ, С.А. КРЫЛОВ, О.Е. ФРОЛОВА, М.А. ШИРИНКИНА*

Корпус официально-деловых текстов русского языка

Статья информирует о созданном в 2018–2020 гг. Официально-деловом корпусе русского языка (ОДКРЯ). Корпус включает 294 документа (2 183 493 словоупотребления), охватывающих всю российскую историю, от договоров Руси с Византией (912 г.) до наших дней. Столь представительное собрание правовых документов на русском языке создано впервые. Кратко охарактеризованы вошедшие в корпус наиболее важные документы, сыгравшие определяющую роль в становлении правовой системы российского государства на разных этапах его истории. Возможности корпуса продемонстрированы, в частности, примером таблицы с данными об употреблении конкретной лексики (свобода) по годам, полученной при помощи встроенной в корпус поисковой машины. Показано, что корпус будет способствовать решению целого ряда задач, связанных с совершенствованием официально-деловой разновидности русского языка, оптимизацией языковой формы законодательства, изучением становления официально-делового стиля и его жанровой системы, углублением сведений об истории правовой мысли в России.

* **Дымарский Михаил Яковлевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)» (17-29-09158).

E-mail: dym2005@list.ru

Крылов Сергей Александрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: krylov-58@mail.ru

Фролова Ольга Евгеньевна — доктор филологических наук, заведующая лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

Ширинкина Мария Андреевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: m555a@yandex.ru

Ключевые слова: официально-деловой стиль, законодательный документ, корпус, информационные технологии в лингвистике, история государства и права

Задачи проекта

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [9] и «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [7] определяют статус русского языка как языка межнационального общения и языка законотворчества. Именно в этой области наиболее плодотворно сотрудничество юристов и лингвистов, обеспечивающее анализ существующих юридических документов. Законодательным текстам должны быть присущи точность, внятность, недвусмысленность и доступность для граждан, чью жизнедеятельность эти документы регулируют и регламентируют. Необходимость совершенствования официально-деловой разновидности государственного языка РФ, оптимизации языковой формы законодательства, ясно осознаваемая и широко обсуждаемая в последнее время всеми, кто причастен как к законотворчеству, так и к применению закона, диктует потребность в специализированном инструменте, который облегчит поиск оптимальных форм выражения, позволит использовать богатый потенциал, созданный десятками поколений российских юристов. Содружество юриста и лингвиста позволяет решить и проблемы совершенствования языка законодательства и адекватного межстилевого «перевода» законодательного текста со специального на общелитературный язык.

Между тем существующие корпуса русского языка и справочные правовые системы выполнить функцию упомянутого инструмента не могут, так как они не отражают всего многообразия документных текстов и не позволяют воссоздать целостную картину юридического

функционального подстиля. Кроме того, в них нет возможности проследить изменения в юридической терминосистеме, а также особенности формирования юридического функционального подстиля русского языка и важных юридических понятий и лингвистических категорий — таких, например, как субъект права, модальность в аспекте прав и обязанностей, оценка.

Заполнить обозначенную лауну призван созданный в ходе работы над проектом официально-деловой корпус русского языка (ОДКРЯ). Он включает не «образцы жанров» официального дискурса, а конкретные юридические документы.

ОДКРЯ-I (2018)

Первый «том» ОДКРЯ был создан в 2018 г. Он включил 101 документ, начиная с «Табели о рангах...» (1722) и заканчивая редакциями Конституции РФ XXI в. (<http://odkrja.starling.pw>). Корпус содержит законодательные акты, отражающие основные этапы становления российского права: «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» (1714), «Табель о рангах» (1722), «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785), «Указ об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» (1803), «Манифест об освобождении крестьян» (1861), декреты советской власти (1917–1921), Конституция РСФСР 1918 г. (рис. 1), Конституции СССР 1923, 1936, 1977 гг., Конституция РФ в редакциях 1993, 2008 и 2014 гг., Уголовный кодекс РСФСР и РФ в 41 редакции (с 1922 по 2018 г.), Пакт Молотова–Риббентропа (1939), Семейный кодекс РФ (1995), Трудовой кодекс РФ (2001) и целый ряд других значимых документов.

Рис. 1. Конституция РСФСР 1918 г.

Как видно из приведённого перечня, в корпусе отражена отраслевая дифференциация законодательства: уголовное, семейное, трудовое и другие отрасли права. Представлен в диахронии жанровый ассортимент основных нормативных актов Российского государства: табель, декрет, кодекс, конституция, закон, положение, постановление, акт и т.д.

ОДКРЯ-II (2019)

Второй «том» ОДКРЯ (2019) включает 49 уникальных — чрезвычайно значимых для истории Российского государства — правовых текстов (в общей сложности 597 334 словоупотребления), в том числе такие документы, как «Русская правда» (в двух списках) (см. рис. 2), «Псковская судная грамота», «Судебники» 1497 и 1550 гг., «Соборное уложение» 1649 г., наследовавшее в том числе «Стоглаву» — Соборному уложению 1551 г. (рис. 3), и др. Таким образом, охват текстов в ОДКРЯ был расширен до пределов от древнерусского периода до наших дней [2].

«Русская правда» является одним из основных письменных источников права Киевской Руси и представляет собой свод правовых норм разной направленности (уголовных, наследственных, торговых и процессуальных). В состав корпуса включены наиболее ценные списки документа (Троицкий и академический).

«Псковская судная грамота» — свод законов Псковской республики, регламентирующий прежде всего гражданско-правовые отношения, обязательственное и судебное право, а также отражающий некоторые виды политических и государственных преступлений. На протяжении XII–XIII вв. Псков, через который проходили пути к Балтийскому морю и в Европу, являлся по существу самостоятельным государством, основным нормативно-правовым актом в котором и была «Псковская судная грамота».

«Судебник» 1497 г. — первый законодательный памятник, содержащий юридические нормы, общие для всего Российского

государства; является результатом основной работы по кодификации русского права — объединения и переработки существовавших до него нормативных актов, а также дополнения новыми необходимыми правовыми нормами. «Судебник» 1550 г., в основу которого положен «Судебник» 1497 г., отражает реформаторскую деятельность Ивана Грозного.

В «Соборном уложении» 1649 г. Романовы впервые предприняли попытку систематизировать российское законодательство и классифицировать правовые нормы по отраслям права.

«Указ об учреждении губерний» урегулировал весьма значимую составляющую государственного устройства России — принцип административно-территориального деления, установленный Указом Петра I в 1708 г.

Включённые во второй том ОДКРЯ нормативные акты Советского государства отражают динамику развития принципов и положений базовых отраслей права в нём: гражданского (Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.), административного (КОАП РСФСР 1984 г., КОАП РСФСР 2001 г.), уголовного (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Основные начала уголовного законодательства Союза ССР 1924 г., Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.).

Тенденции развития специальных отраслей права позволяют продемонстрировать соответствующие нормативные акты: лесного законодательства (Основной закон о лесах 1918 г., Лесной кодекс РСФСР 1923 г., Основы лесного законодательства СССР 1984 г., Лесной кодекс РСФСР 1985 г.), земельного (Земельные кодексы 1926 и 1988 гг.), водного (Водный кодекс РСФСР 1972 г.), трудового (Кодексы законов о труде 1922, 1971 и 1990 гг.), жилищного (Жилищный кодекс 1923 г.), социального (О средствах массовой информации 1991 г., Законы о СМИ 2017 и 2018 гг. — нацеленные на продвижение масс-медиа в РФ), семейного (Кодекс законов об актах

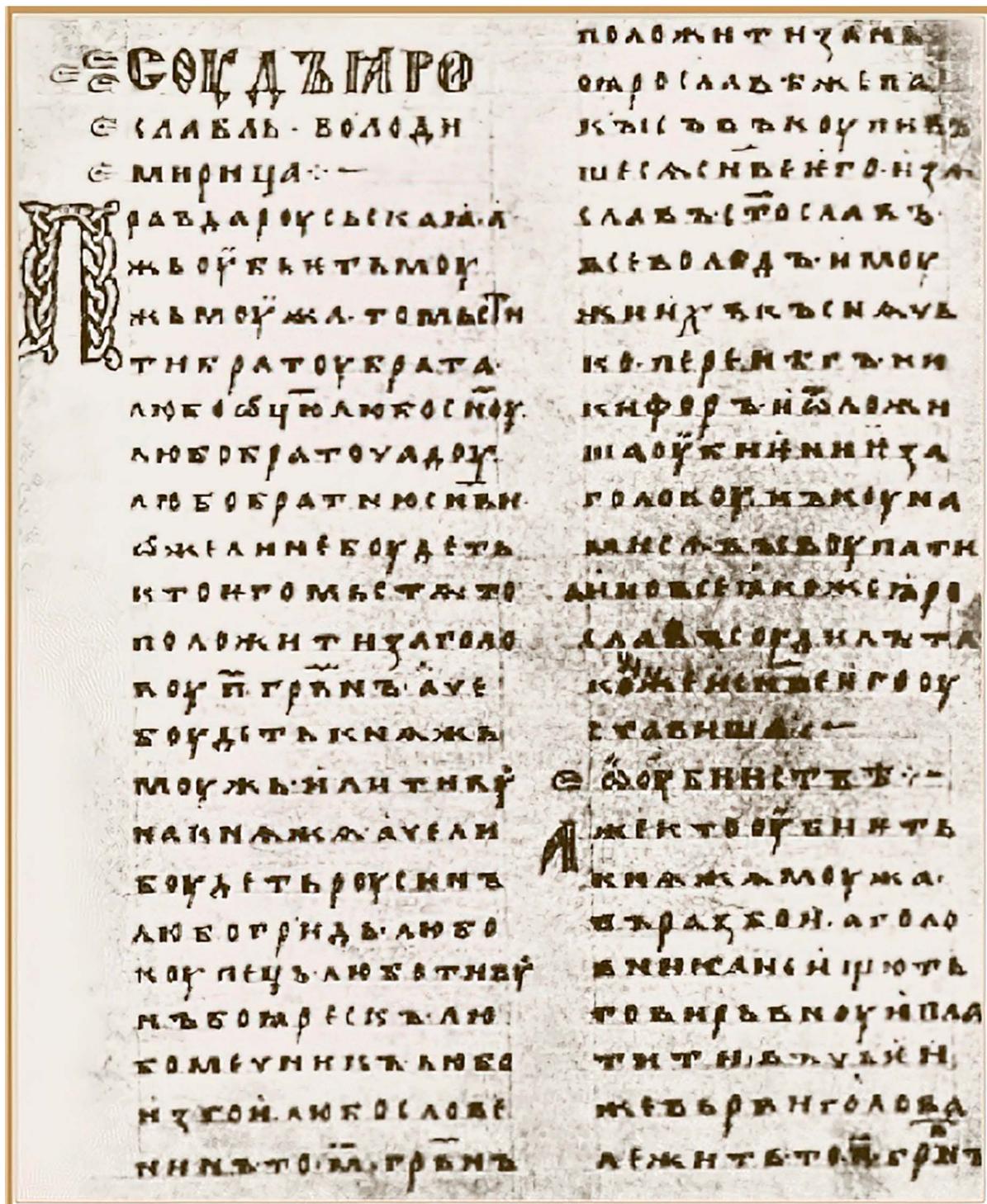

Рис. 2. Страница Русской правды. XIII в.

гражданского состояния 1918 г., Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г., Кодекс законов о браке и семье РСФСР 1969 г., Основы законодательства о браке 1990 г.). Так, основные редакции кодексов о браке и семье отражают этапы и тенденции развития системы советского семейного права,

регулирующего специфические семейные правоотношения, которые отличают его от других отраслей, в частности от гражданского права.

Наряду с этим в ОДКРЯ в 2019 г. включены базовые процессуальные акты: гражданского процессуального права (Гражд-

Рис. 3. Стоглав (титульный лист)

данский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г., Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г., Основы гражданского законодательства СССР 1990 г.) и уголовного процессуального права (Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., а также комментарии к отдельным статьям).

Наконец, особую ценность представляют отражённые в ОДКРЯ-2019 основные акты базовой, системообразующей отрасли национальной системы права — конституционного права, закрепляющего первоосновы таких явлений, как правовой статус личности и её взаимоотношения с государством и гражданским обществом, организация государства и функционирование публичной власти (Конституция СССР 1924 г., Конституции РСФСР 1925, 1937 и 1978 гг.).

ОДКРЯ-III (2020)

В 2020 г. ОДКРЯ был дополнен ещё 144 текстами. Среди них — «Договор Руси с Византией» (912 и 945 гг.), «Суд Ярослава Владимировича» (1113), «Двинская уставная грамота» (1397), «Новгородская судная грамота» (1440), «Белозерская уставная грамота» (1488), «Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией» (1653). Существенно дополнены коллекции документов XVIII–XIX вв.: добавлены основополагающие документы, регулирующие военную сферу государственного устройства («Устав воинский...» и «Артикул воинский...» 1716 гг.), «Манифест об общем учреждении министерств» (1811), Проект конституции Никиты Муравьёва (1825), Свод законов Российской империи (1832), Уложение о наказаниях (1845), Положение о губернских и уездных земских учреждениях (1864), Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (1881) и др. В корпус включены также документы, изданные Временным правительством (1917), и многое другое.

Договоры Руси с Византией 912 и 945 гг. — это, с одной стороны, наиболее ранние (из до-

шедших до нас) источники письменного древнерусского права, с другой — ранние памятники международного права, содержащие торговые, процессуальные и уголовные нормы.

В состав корпуса в 2020 г. включены также переводы на русский язык «Русской правды» (Троицкий список в переводе В.Н. Сторожева и Академический список в переводе Б.Б. Кафенгауза) и комментарии к этим документам. Как известно, «Русская правда» не только являлась действующим нормативным актом в период существования Древнерусского государства, но и служила руководством при судебных разбирательствах в течение нескольких следующих веков; отдельные её нормы стали источниками юридических документов периода феодальной раздробленности на Руси, а затем — кодификации права в едином Российском государстве.

Особую ценность представляют включённые в корпус памятники права вехового периода Руси — жалованные, духовные, уставные (указные), судные, таможенные грамоты («Двинская Уставная грамота», «Псковская судная грамота», «Новгородская судная грамота», «Белозерская уставная грамота», «Белозерская таможенная грамота»), дающие представление о судеустройстве, судепроизводстве, порядке местного земского самоуправления, деятельности таможен и демонстрирующие стилиевые черты деловой речи раннего периода. В лингвистическом отношении весьма важным представляется перевод первого общегосударственного правового сборника — «Судебника» 1497 г.

Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией (1653) — документ, закрепивший важные изменения в отношениях двух братских народов.

Во времена Петра I активизировалась законодательная деятельность, возникли различные формы правовых актов: манифесты, указы, уставы, регламенты, инструкции. Эти жанровые формы также

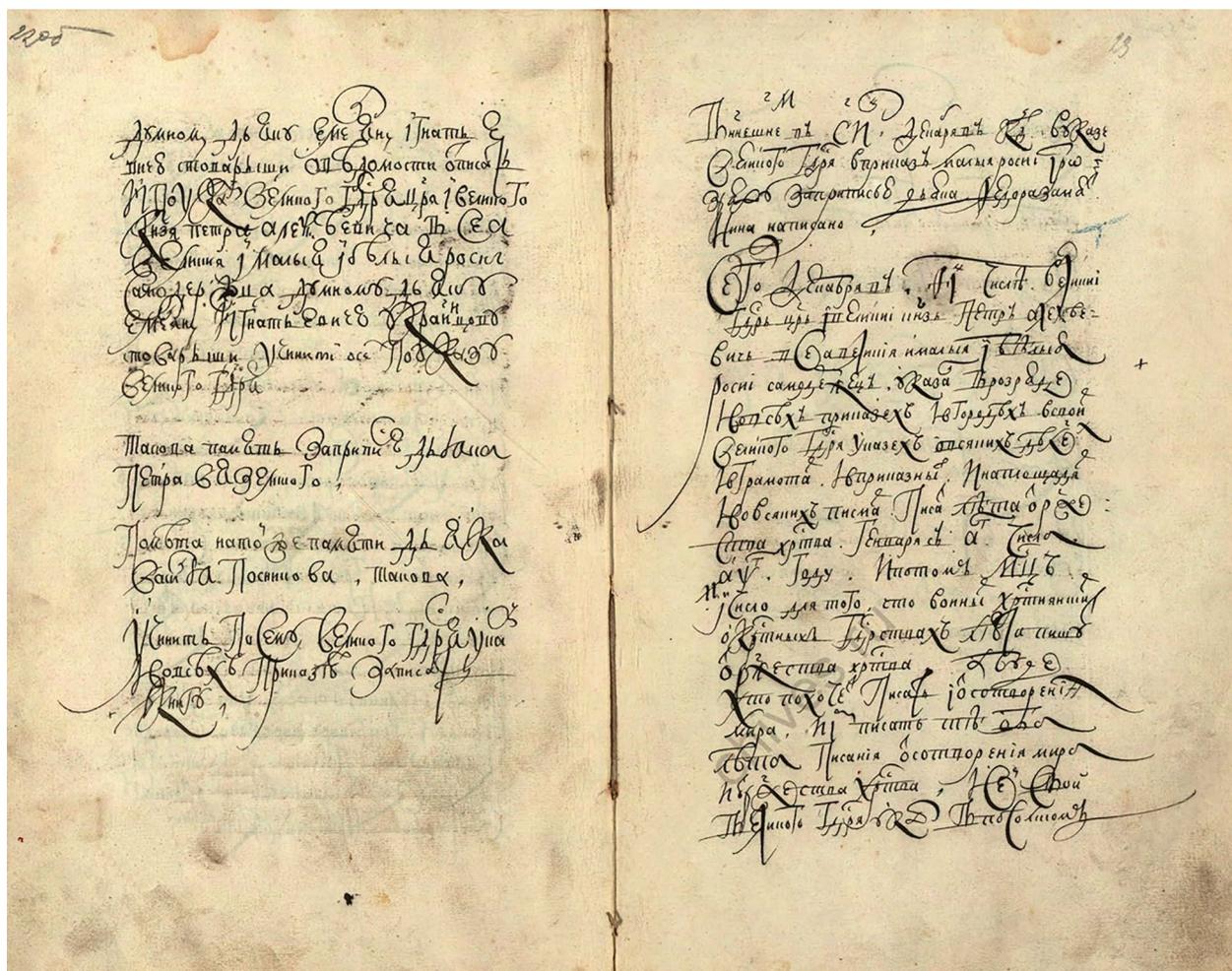

Рис. 4. Письмо думному дяку с приложением копии Указа Петра I «О введении в России с 1 января 1700 г. летоисчисления от Рождества Христова» 1699 г.

нашли отражение в новом томе ОКДРЯ (именные указы об отмене в судебных делах очных ставок, о поручении правительствующему Сенату, о должности фискалов, о «возпрещении взяток и посулов и наказание за оное», о должности генерал-прокурора и др.; Устав воинский; Краткое изображение процессов и судебных тяжб; Артикул воинский с кратким толкованием и мн. др.) (рис. 4–6). Форма акта определяла сферу его действия, что свидетельствовало о развитии тенденции к отраслевому делению права, продолжавшемуся до конца XVIII в.

Среди правовых источников XIX в., вошедших в третий том корпуса, особо выделим Свод законов Российской Империи (1832), представляющий собой образец систематизации существующих государ-

ственных актов, в котором были сведены воедино действующие правовые нормы, ставшие впоследствии базой для создания Гражданского и Уголовного уложений. Отметим также ряд документов, которыми регламентировалось проведение крестьянской реформы 1861 г. — порядок и условия освобождения крестьян и передачи им наделов.

Документы начала XX в. отражают переход страны к новому конституционному строю и процессы формирования первого российского законодательного органа — Государственной думы. Так, значение «Основных Государственных законов Российской Империи» (1906) заключается в том, что фактически они являлись первой российской конституцией. Их историческая роль прогрессивна: начался переход

генералы	Генерал-лейтенантъ Канцлеръ Шляхты Высшійеи совѣтъ	Адмиралы Прохъ Флоръ	
генералы Кавказскіе	Президенты Шляхты	Вице Адмиралы	Адмиралы
генералы Малороссіи	Оберъ-секретарь Высшійеи совѣтъ Шляхты Оберъ-президентъ Шляхты	Шляхты Высшійеи совѣтъ	Адмиралы Генералы
бригады	Генералъ лейтенантъ Вице-президентъ Шляхты Президентъ Шляхты Канцлеръ Шляхты Оберъ-секретарь Шляхты	Канцлеры Шляхты	Адмиралы Генералы
Шляхты	Генералъ лейтенантъ Вице-президентъ Шляхты Генералъ Шляхты Генералъ Шляхты Совѣтъ Шляхты	Канцлеры Шляхты	Адмиралы Генералы
Шляхты	Секретарь Шляхты	Канцлеры Шляхты	Адмиралы Генералы
Малороссіи	Вице-президентъ Шляхты Президентъ Шляхты Оберъ-секретарь Шляхты	Канцлеры Шляхты	Адмиралы Генералы

Рис. 5. Список Табели о рангах (1722 г.)

России от абсолютной к конституционной монархии, были провозглашены основные права и свободы человека.

Отдельную группу в корпусе составили акты Временного правительства (записи из журнала заседаний Временного правительства, декларация о его составе и задачах, постановления об усилении наказаний, о введении смертной казни на фронте, о создании земельных комитетов, о временном переименовании Совета Министров, о возложении обязанностей губернаторов, о недопустимости смещения рабочими администрации предприятий и т.д.), провозгласившего полную политическую амнистию, основные права и свободы граждан, равноправие солдат с гражданами, создание милиции (вместо полиции) и начало подготовки к Учредительному собранию.

Октябрьский период истории государства и права представлен группой документов Советской республики (Приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; Декретами о праве отзыва делегатов, о порядке утверждения и опубликования законов, об учреждении Совета Народных Комиссаров, об уничтожении сословий и гражданских чинов, о суде, о социализации земли; Резолюциями Владимирского губернского съезда советов рабочих и солдатских депутатов о текущем моменте и ВЦИК по поводу запроса левых эсеров), отразивших новое «революционное правосознание» и сыгравших весомую роль в истории страны.

Безусловную ценность представляют документы 1920-х – 1930-х гг., которые представлены различными жанрами (указ,

ПРАВДА

ВОЛИ МОНАРШЕИ.

Во опредѣленіи наслѣдника державы своей
Успавомѣ Державнѣишаго Государя нашего

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОТЦА ОТЕЧЕСТВА

Императора и Самодержца Всероссийскаго
и прочая, и прочая, и прочая.

Сего 1722 году, февраля въ 11 день.

ПУБЛИКОВАННЫМЪ

УТВЕРЖДЕНА,

и всенародною присягою

СВИДѢТЕЛЬСТВОВАНА.

Здѣ пространиѣе, простосердечныхъ радн, но мало
вѣдущихъ чловѣкѣ

ПОКАЗУЕТСЯ.

Рис. 6. Указ Петра I о престолонаследии

приказ, кодекс, закон, конституция, устав, положение, постановление), отражающими интенсивную кодификацию права соответствующего периода, несущими информацию о политико-экономических изменениях в стране и – в лингвистическом аспекте – фиксирующими многообразие форм правового общения.

Неоспоримо значение директив советского руководства периода Великой Отечественной войны, среди которых особая роль отводится Приказу Народного Комиссара обороны Союза ССР № 227, известному в народе под названием «Ни шагу назад!». Эти документы показательны как в юридическом смысле (поскольку иллюстрируют чрезвычайный правовой режим военного времени), так и в лингвистическом (они представляют собой образцы военно-патриотической риторики и демонстрируют процессы межстилевой интерференции).

Правовые акты 1950-х – 1980-х гг. отражают новые подходы к формированию идеологии (в ней усилились национально-патриотические мотивы, культ вождя и т.п.) и процессы образования государственных и партийных органов (Комитета государственной безопасности, органов прокурорского надзора и др.). В декабре 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства, на базе которых формировались кодексы союзных республик.

Документы 1990-х гг. отражают путь национального самоопределения бывших союзных республик, закрепляют принципы их суверенности. Необходимость коренных конституционных реформ в России начала 1990-х гг. повлекла разработку проекта новой Конституции РФ (1993), отразившего иное, чем прежде, соотношение полномочий Президента и парламента в государстве, а также преобразования в экономической, социальной, политической и государственной системах (см. [1, 4, 10, 14]). Особую значимость имеют документные тексты новейшего времени («Договор о принятии в РФ Республики Крым и Конституция Республики Крым» (2014)).

В целом содержание ОДКРЯ определяется прежде всего потребностями и общими исследовательскими интересами специалистов различных отраслей знания. Многообразие представленных в ОДКРЯ документных текстов (их жанрово-стилистических форм [11, 13, 15], редакций, темпоральных характеристик) позволяет обеспечить высокую степень достоверности базирующихся на них исследований, посвящённых истории государства и права [12], развитию делового русского языка, становлению русской культуры (см., в частности: [3, 5]) и др.

Объём и некоторые возможности ОДКРЯ

Таким образом, созданный в итоге работы над проектом Официально-деловой корпус русского языка включает 294 текста (2 183 493 словоупотребления), охватывающих всю российскую историю. Столь представительное собрание правовых документов на русском языке уникально.

Корпус снабжён поисковой машиной и сплошной лексико-грамматической разметкой, что позволяет получать выборки лексических единиц, словоформ с полной информацией об их употреблении, строить диаграммы динамики их употребления и т.д. [6]. Это даёт возможность юристам (прежде всего историкам права), историкам, лингвистам, культурологам получать точную картину динамики употребления той или иной лексемы, проследить изменения понятийного строя правовых документов, стилистические изменения и многое другое.

Приведём пример результата поиска по корпусу. При поиске по лексеме (возможен также поиск по словоформам, автоматическое составление частотного словаря по корпусу и др.) система выдаёт диаграммы употребительности лексемы по годам создания документов, представленных в корпусе, и таблицу с полными сведениями (приведена таблица для лексемы *свобода*; в каждой строке четырёхзначное число после слова

Таблица

Употребительность лексемы *свобода* в законодательных документах с 1016 по 2018 г.

lexeme	year	counter
свобода	1016	4
свобода	1072	5
свобода	1497	1
свобода	1649	1
свобода	1785	2
свобода	1809	30
свобода	1825	5
свобода	1832	6
свобода	1845	2
свобода	1861	2
свобода	1903	11
свобода	1905	2
свобода	1906	8
свобода	1917	11
свобода	1918	11
свобода	1919	3
свобода	1920	1
свобода	1922	382
свобода	1923	210
свобода	1924	413
свобода	1925	6
свобода	1926	222
свобода	1927	184
свобода	1928	473
свобода	1930	528
свобода	1931	274
свобода	1932	283
свобода	1933	22
свобода	1934	573
свобода	1935	306
свобода	1936	7
свобода	1937	7
свобода	1938	2
свобода	1941	1
свобода	1947	299
свобода	1948	1
свобода	1949	298
свобода	1953	6
свобода	1955	5

Продолжение таблицы

lexeme	year	counter
свобода	1956	296
свобода	1958	4
свобода	1960	359
свобода	1963	376
свобода	1964	1
свобода	1966	389
свобода	1968	392
свобода	1969	2
свобода	1971	3
свобода	1972	890
свобода	1974	463
свобода	1975	7
свобода	1977	487
свобода	1978	523
свобода	1982	515
свобода	1983	516
свобода	1984	4
свобода	1985	533
свобода	1988	1114
свобода	1989	581
свобода	1990	1154
свобода	1991	642
свобода	1993	108
свобода	1995	8
свобода	1996	1256
свобода	1999	672
свобода	2001	701
свобода	2008	42
свобода	2014	123
свобода	2017	12
свобода	2018	1339

свобода соответствует году употребления данной единицы, следующее число отражает количество употреблений в документах, датированных указанным годом).

Из таблицы можно легко увидеть, что лексема *свобода* лишь эпизодически употреблялась в документах XI–XVIII вв., далее её употребительность нарастала, однако динамика этого роста также весьма пока-

зательна для различных периодов отечественной истории XIX–XXI вв. (см., в частности: [8]).

Созданный в результате работы над проектом Официально-деловой корпус русского языка представляет собой новый, уникальный и эффективный инструмент для развития исследований в нескольких областях знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дымарский М.Я. Категория логического порядка в текстах двух российских конституций. Статья 1: Союз *и* // Университетский научный журнал. 2018. № 43. С. 22–40.
2. Дымарский М.Я. О втором томе официально-делового корпуса русского языка // Медиалингвистика. Вып. 7: Язык в координатах масс-медиа, этики и права: Материалы IV Международной научной конференции (СПбГУ, 9–12 ноября 2020 г.). СПб., 2020. С. 80–84.
3. Зайцева Л.А. Правовое регулирование высшего образования в Российской империи XIX века: университетские уставы: Учебное пособие для бакалавров. М.: Проспект, 2018.
4. Зайцева Л.А. Конституционный статус советского правительства (1918–1977 гг.) // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 92–104.
5. Зайцева Л.А. К вопросу о правовом регулировании брачно-семейных отношений в соответствии с положениями свода законов Российской империи // История государства и права. Т. 3. 2020. С. 47–51.
6. Крылов С.А. Официально-деловые тексты в зеркале частотности // Медиалингвистика. Вып. 7: Язык в координатах масс-медиа, этики и права: Материалы IV Международной научной конференции (СПбГУ, 9–12 ноября 2020 г.). СПб., 2020. С. 129–132.
7. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан // КонсультантПлюс. Некоммерческая интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=113761&dst=100001#4drIxzSg9XWygLHJ1> (дата обращения: 13.03.2022).
8. Протопопова О.В., Кавардакова Е.Л. Стилевая интерференция в распорядительных документах начала Великой Отечественной войны // Медиалингвистика. Вып. 7. Язык в координатах масс-медиа, этики и права: Материалы IV Международной научной конференции (СПбГУ, 9–12 ноября 2020 г.). СПб., 2020. С. 184–188.
9. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Некоммерческая интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383470&dst=100001#IacHxzScBCE429b8> (дата обращения: 13.03.2022).
10. Фролова О.Е. Конституция РСФСР 1918 г.: лингвистический портрет текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 20. 2018. № 3. С. 27–43.
11. Фролова О.Е. Лингвистический портрет жанра устава // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 20. М.: МАКС-пресс, 2019. С. 442–444.
12. Фролова О.Е. Иерархия законодательных документов и её отражение в специальном корпусе // Медиалингвистика. Вып. 7. Язык в координатах масс-медиа, этики и права: Материалы IV Международной научной конференции (СПбГУ, 9–12 ноября 2020 г.). СПб., 2020. С. 216–220.
13. Фролова О.Е. Жанр юридического комментария // Медиалингвистика. Вып. 7. Язык в координатах масс-медиа, этики и права: Материалы IV Международной научной конференции (СПбГУ, 9–12 ноября 2020 г.). СПб., 2020. С. 220–224.
14. Фролова О.Е. Советские и постсоветские конституции сквозь призму частотности // Язык, право и общество в координатах масс-медиа: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 сентября 2019 г.). М.: ИЗиСП, ИД Юриспруденция, 2020. С. 439–442.
15. Ширинкина М.А. Информационный тип текстов в жанровой системе письменного дискурса исполнительной власти // Язык, право и общество в координатах масс-медиа: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 сентября 2019 г.). М.: ИЗиСП, ИД Юриспруденция, 2020. С. 475–478.

Russian Corpus of Official Texts

Mikhail Yakovlevich Dymarsky – Doctor of Philology; Prof., Russian Language Department, Herzen University; Project Leader, Development of the Russian Corpus of Official Texts (17-29-09158).

E-mail: dym2005@list.ru

Sergei Alexandrovich Krylov – Doctor of Philology; Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Project Member, Development of the Russian Corpus of Official Texts.

E-mail: krylov-58@mail.ru

Olga Evgenievna Frolova – Doctor of Philology; Head of Phonetics and Speech Communication Laboratory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Project Member, Development of the Russian Corpus of Official Texts.

Maria Andreyevna Shirinkina – Doctor of Philology; Associate Prof., Russian Language and Stylistics Department, Perm State University; Project Member, Development of the Russian Corpus of Official Texts.

E-mail: m555a@yandex.ru

This article discusses the Russian Corpus of Official Texts, which was created between 2018 and 2020. The Corpus contains 294 documents (2,183,493 words) embracing the entire history of Russia, from agreements between Rus' and the Byzantine Empire (912) to the present. This is the first collection of legal documents in Russian of its kind. The authors also provide brief descriptions of the most important documents that aided in the early development of the Russian legal system. A table with data on a specific lexeme (svoboda (freedom)) by year derived from a search result exemplifies the Corpus' capabilities. This Corpus will facilitate a whole range of tasks related to the enhancement of Russian officialese, the optimization of legal language, the study of legal writing and its genres, and the expansion of information available on the history of legal thought in Russia.

Keywords: official-legislative style, legislative document, corpus, information technologies in linguistics, history of state and law

REFERENCES

1. Dymarskii M.Ya. Kategoriya logicheskogo poryadka v tekstakh dvukh rossiiskikh konstitutsii. Stat'ya 1: Soyuz *i* // Universitetskii nauchnyi zhurnal. 2018. № 43. S. 22–40 (in Russian).
2. Dymarskii M.Ya. O vtorom tome ofitsial'no-delovogo korpusa russkogo yazyka // Medialingvistika. Vyp. 7: Yazyk v koordinatakh mass-media, etiki i prava: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (SPbGU, 9–12 noyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 80–84 (in Russian).
3. Zaitseva L.A. Pravovoe regulirovanie vysshego obrazovaniya v Rossiiskoi imperii XIX veka: universitetskie ustavy: Uchebnoe posobie dlya bakalavrov. M.: Prospekt, 2018 (in Russian).
4. Zaitseva L.A. Konstitutsionnyi status sovetskogo pravitel'stva (1918–1977 gg.) // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA). 2018. № 8. S. 92–104 (in Russian).
5. Zaitseva L.A. K voprosu o pravovom regulirovanii brachno-semeinykh otnoshenii v sootvetstvi s polozheniyami Svoda zakonov Rossiiskoi imperii // Istoriya gosudarstva i prava. T. 3. 2020. S. 47–51 (in Russian).
6. Krylov S.A. Ofitsial'no-delovye teksty v zerkale chastotnosti // Medialingvistika. Vyp. 7: Yazyk v koordinatakh mass-media, etiki i prava: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (SPbGU, 9–12 noyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 129–132 (in Russian).

7. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere razvitiya pravovoi gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan // Konsul'tantPlyus. Nekommercheskaya internet-versiya. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=113761&dst=100001#4drIxzSg9XWygLHJ1> (data obrashcheniya: 13.03.2022) (in Russian).
8. Protopopova O.V., Kavardakova E.L. Stilevaya interferentsiya v rasporyaditel'nykh dokumentakh nachala Velikoi Otechestvennoi voiny // Medialingvistika. Vyp. 7. Yazyk v koordinatakh mass-media, etiki i prava: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (SPbGU, 9–12 noyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 184–188 (in Russian).
9. Federal'nyi zakon «O gosudarstvennom yazyke Rossiiskoi Federatsii» // Konsul'tant Plyus. Nekommercheskaya internet-versiya. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383470&dst=100001#IacHxzScBCE429b8> (data obrashcheniya: 13.03.2022) (in Russian).
10. Frolova O.E. Konstitutsiya RSFSR 1918 g.: lingvisticheskii portret teksta // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. T. 20. 2018. № 3. S. 27–43 (in Russian).
11. Frolova O.E. Lingvisticheskii portret zhanra ustava // Slovo. Grammatika. Rech'. Vyp. 20. M.: MAKSPRESS, 2019. S. 442–444 (in Russian).
12. Frolova O.E. Ierarkhiya zakonodatel'nykh dokumentov i eyo otrazhenie v spetsial'nom korpusе // Medialingvistika. Vyp. 7. Yazyk v koordinatakh mass-media, etiki i prava: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (SPbGU, 9–12 noyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 216–220 (in Russian).
13. Frolova O.E. Zhanr yuridicheskogo kommentariya // Medialingvistika. Vyp. 7. Yazyk v koordinatakh mass-media, etiki i prava: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (SPbGU, 9–12 noyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 220–224 (in Russian).
14. Frolova O.E. Sovetskie i postsovet'skaya konstitutsii skvoz' prizmu chastotnosti // Yazyk, pravo i obshchestvo v koordinatakh mass-media: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 25–26 sentyabrya 2019 g.). M.: IZiSP, ID Yurisprudentsiya, 2020. S. 439–442 (in Russian).
15. Shirinkina M.A. Informatsionnyi tip tekstov v zhanrovoy sisteme pis'mennogo diskursa ispolnitel'noi vlasti // Yazyk, pravo i obshchestvo v koordinatakh mass-media: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 25–26 sentyabrya 2019 g.). M.: IZiSP, ID Yurisprudentsiya, 2020. S. 475–478 (in Russian).

Н.В. КОЗЛОВСКАЯ*

Словарь авторских терминов как метод изучения языковой личности философа

В статье представлен опыт лексикографического описания единиц авторской философской терминосистемы русского мыслителя Н.Ф. Фёдорова и отражены результаты разработки принципов их словарной репрезентации. Обосновывается актуальность лексикографического изучения русского философского текста.

Развиваются и конкретизируются выдвинутые в отечественной лингвистике положения об авторской терминосистеме и авторском термине применительно к философскому творчеству Н.Ф. Фёдорова. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу к изучению авторских терминов, совмещающему методы когнитивного терминоведения и авторской лексикографии. Подчёркивается, что специфика единицы когнитивного уровня языковой личности требует создания специальной методологии её лексикографического изучения и описания.

Представлен анализ процесса отбора и систематизации авторских терминов с использованием аналитических инструментов современной корпусной лингвистики. Особое внимание уделяется метаязыку словаря, описанию его макро- и микроструктуры. Делается заключение о перспективах применения созданного методологического инструментария исследования языка Н.Ф. Фёдорова для изучения других частных авторских философских терминосистем и общей терминосистемы русской философии.

Ключевые слова: авторский философский термин, авторская философская терминосистема, корпусный анализ, принципы лексикографического изучения, лексикографическое описание языка философа, структура словарной статьи, терминорождающий текст

Русская философия второй половины XIX – начала XX в. занимает особое положение в истории отечественной и мировой общественной мысли. В энциклопедии «Русская философия» этот период напрямую соотнесён

со специфическим отображением многовековой истории развития русского самосознания, «выраженной в идеях, взглядах и концепциях, отражающих национально-своеобразное осмысление универсально-философских проблем», и нетермино-

* **Козловская Наталья Витальевна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН, руководитель проекта «Словарь авторских философских терминов Н.Ф. Фёдорова» (17-29-09049).
E-mail: mnegolosbyl@gmail.com

логически охарактеризован как «религиозно-философское возрождение» [1, с. 479].

Оригинальность русского философского дискурса, выраженная в его стилистическом своеобразии, в жанровой парадигме, в лексической структуре текстов, а также в особом типе терминосистемы, является предметом изучения лингвистов. Особую важность представляют исследования языка произведений отдельных философов, целостная терминосистема русского философского текста может быть описана только как совокупность авторских терминосистем, отражающих индивидуальные картины мира русских мыслителей.

Именно поэтому одной из важнейших задач современной лексикографии является словарное описание языка творческой личности философа: при таком подходе авторский словарь является не только конечным продуктом описания, но и выступает как новый метод лингвистического описания сложного и многомерного объекта.

В данном исследовании объектом лингвистического и лексикографического описания является язык выдающегося философа Николая Фёдоровича Фёдорова (1829–1903) (рис. 1), который в своей «Философии общего дела» предложил идею всеобщего воскрешения и бессмертия. Язык Фёдорова интересен тем, что отразил яркие противоречия в мировоззрении философа, которые Н.А. Бердяев охарактеризовал так: «В сознании Фёдорова совмещаются совершенно несовместимые, непримиримые начала: позитивизм XIX века, вера в безграничную силу науки и знания, в чудеса техники, <...> и христианство, вера в Христа Воскресшего <...>. В нём живут две души – рационалистическая и мистическая, научная и религиозная, техническая и теургическая, – живут смешанно» [2, с. 459].

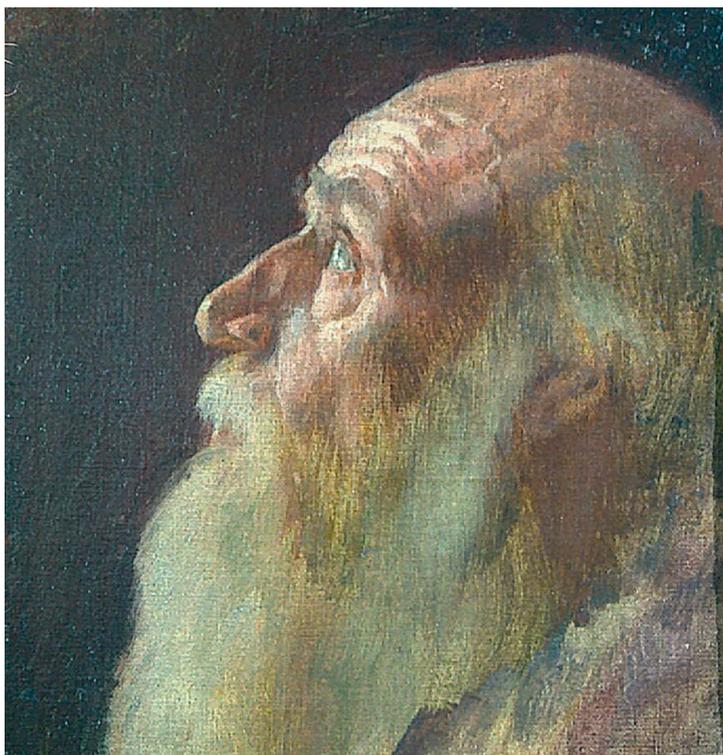

Рис. 1. Портрет Н.Ф. Фёдорова (художник С.А. Коровин, 1902 г.)

Несмотря на то, что философское наследие Н.Ф. Фёдорова исследовано достаточно глубоко и многообразно, тексты его произведений к началу работы над проектом (2018 г.) лингвистически были описаны недостаточно, а попытки лексикографического описания философской терминосистемы никем ранее не осуществлялись.

Определение специфики объекта лексикографического описания: авторский философский термин

Проект создания словаря авторской философской терминологии Н.Ф. Фёдорова носит междисциплинарный характер и объединяет два динамично развивающихся направления современной лингвистики: авторскую лексикографию и когнитивное терминоведение, в рамках которого термин понимается как результат вербализации специального концепта [3].

В отечественной лингвистике XX–XXI вв. накоплен значительный опыт изучения философской терминологии, например [4–8].

Этот опыт позволяет сформулировать основные черты философского термина и философской терминосистемы: сложность семантической структуры, определяемость целым текстом, метафорический характер авторских дефиниций, семантическая неоднозначность строевых элементов терминосистем, обусловленная различными трактовками философских понятий разными мыслителями и разными философскими школами.

Анализ этих свойств философского термина в совокупности с анализом лексического материала, извлечённого из произведений Н.Ф. Фёдорова на предварительном этапе реализации проекта, обусловил необходимость определения содержания понятия «авторский философский термин». В процессе поэтапного отбора подлежащих лексикографированию единиц уточнены и конкретизированы выдвинутые Н.М. Азаровой [4], Ю.В. Сложеникиной [9] и В.Д. Табанаковой [10] положения об авторском термине в применении к русскому философскому тексту вообще и к произведениям Н.Ф. Фёдорова в частности. Поскольку авторский философский термин как объект отдельного системного лексикографического представления выделяется впервые, отправной точкой в формировании методологии и принципов его словарного описания стало осмысление сущностных свойств данной терминологической единицы.

В рамках настоящего исследования авторский философский термин мы определяем как вербализующую философский концепт и образованную морфологическим, синтаксическим или семантическим способом специальную лексему, значение которой определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы. Понятие «авторский философский термин» применительно к терминосистеме Н.Ф. Фёдорова объединяет достаточно разнородные явления: авторские новообразования, преодолевшие «окказиональность» и вошедшие в авторскую философ-

скую терминосистему, и терминологизированные общеупотребительные лексемы, и переосмысленные термины с ярко выраженным субъективным компонентом значения.

Выявленная специфика основной единицы описания раскрывает её неординарный характер как объекта лексикографического изучения и очерчивает круг научно-практических задач, требующих создания специальной методологии её словарного описания.

В процессе разработки структуры словарной статьи, структуры и метаязыка словаря мы опираемся на традиции русской авторской лексикографии, накопившей значительный опыт словарной репрезентации языка отдельных авторов и групп авторов [11]. На основе данного опыта определены основные типологические признаки Словаря авторских философских терминов Н.Ф. Фёдорова: это регистрирующий и объяснительный словарь языка одного автора с заголовочной единицей, равной слову или словосочетанию; многопараметровый, дифференциальный, исторический. Проведённый Л.Л. Шестаковой анализ активных процессов в области авторской лексикографии позволяет напрямую соотнести составление словаря с процессом становления авторской терминологии [12, 13].

Цели, задачи и методологический инструментарий исследования

Целью проекта является составление словаря, объектом описания в котором является авторский философский термин — лексическая единица в дискурсивной функции, реализующая авторскую идею и входящая в авторскую философскую терминосистему.

Одной из первостепенных задач в лексикографировании философской терминологии Н.Ф. Фёдорова стала разработка методики отбора и классификации анализируемых единиц с применением традиционных методов (поэтапный анализ терминофиксирующих, терминоиспользу-

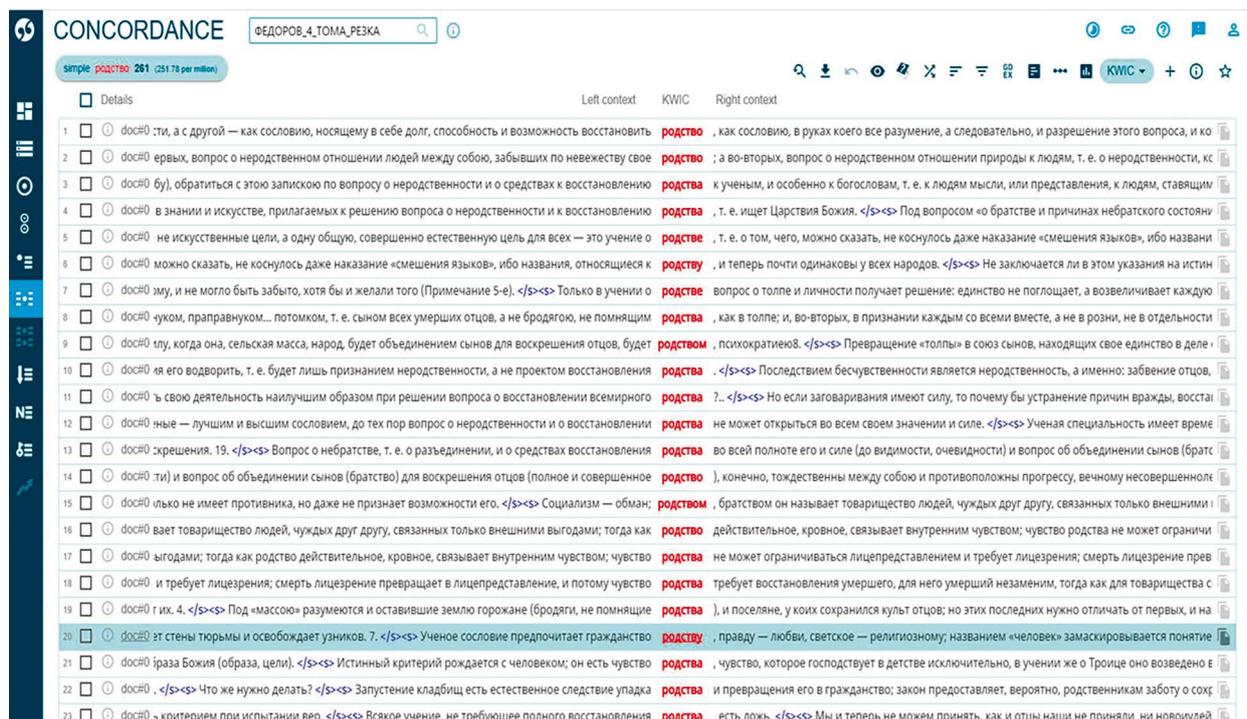

Рис. 2. Фрагмент конкорданса к слову *родство* в корпусе Sketch Engine

ющих и терминопорождающих текстов) и методов корпусного анализа. В качестве терминофиксирующих текстов использовались немногочисленные словари, включающие ключевые термины Фёдоровской «Философии общего дела» [7, 14]. Контекстуальный анализ текстов современных междисциплинарных научных исследований (например, [15]) позволил не только существенно расширить и уточнить представление о границах авторской философской терминосистемы, но и выделить её лексическое ядро.

Основным источником экспертной выборки являются произведения Н.Ф. Фёдорова, относящиеся к категории терминопорождающих. В качестве основных факторов отбора языковой единицы выступают частота, включение в состав заголовка и подзаголовка, а также наличие авторской дефиниции.

Слова с единичным показателем частоты, по форме напоминающие термины, признаются терминологическими глоссами: это терминоподобные единицы, отличающиеся от философских терминов недостаточной глубиной связи с поняти-

ем и отсутствием дефиниции: *аптечно-терапевтический, безотечный, бессновный, дефратернизация, не-городское, не-отец, патрофагия, плодoperеменная, подорганическая (химия), супралегальный, философо-морфизм* и другие. Терминологические глоссы не описываются в словаре.

Для подтверждения первоначально полученных данных о ключевом статусе авторских терминов используется корпус текста «Фёдоров_1_4», введённый в систему Sketch Engine, и её программные средства. Под корпусом мы понимаем представленный в электронном виде, объёмный, структурированный массив текстов, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [16]. Инструменты корпусного анализа Sketch Engine позволяют извлекать из специально созданного корпуса данные о частотности единиц, формировать перечни ключевых слов и терминов, анализировать единицы со сходной дистрибуцией.

Функция Wordlist формирует частотный список слов по всему корпусу «Фёдоров_1_4»: первые 35 позиций занима-

Данные о количественном и качественном своеобразии словосочетаний вычисляются автоматически; за пределами выборки оказываются нерепрезентативные словосочетания (в том числе высокочастотные): анализаторы Sketch Engine фокусируются на так называемой типичности (или силе словосочетания), а не на частоте использования. Например, коллокаты слова *Троица* (частота 518) распределены по 11 группам: атрибутивные сочетания (*христианская Троица*), модификаторы существительного (*догмат Троицы*) и др. Большинство коллокаций отражают синтагматические связи теологического термина (*животворящая, пресвятая Т., праздник Т.*) и подлежат отсеvu. В зону синтагматики включаются только те словосочетания, которые отражают специализацию значения термина: *имманентная, нераздельная Троица, Т. искупления, общего дела; Т. при Румянцевском Музее, при всяком храме.*

Инструмент «Тезаурус» корпусного анализа Sketch Engine помогает извлекать из специально созданного корпуса данные о текстовых парадигматических связях между словами с количественным указанием силы этой связи. Извлечение облака тегов наглядно демонстрирует функционирование текстовых парадигматических связей и позволяет выявить типы этих связей (синонимы, аналоги, гипонимы и гиперонимы), а также уточнить данные контекстуального и семного анализа.

Визуализация данных, полученных в результате применения инструмента «Тезаурус» к слову *регуляция* (частота 412), позволила сформировать выборку семантически близких слов с указанием параметра частоты: *управление* 306; *познание* 235; *воскрешение* 1,724; *объединение* 975; *обращение* 677; *исследование* 449; *соединение* 641; *наблюдение* 265; *переход* 385; *восстановление* 461; *изучение* 211; *умиротворение* 214; *превращение* 235; *спасение* 605; *воспитание* 182; *создание* 187; *возвращение* 571; *сближение* 88; *действие*

805; *образование* 311. Всего корпус включил в семантическое поле к заданному слову *регуляция* 97 слов, среди которых выделяются тематические группы слов, содержащие семы «объединение» (*объединение, соединение, сближение, родство*), «созидание» (*восстановление, построение, созидание*), «разрушение» (*разрушение, уничтожение*). Наиболее близкими к заданному слову по семантике являются слова *воскрешение* и *знание*.

При решении собственно лексикографических задач использовались описательный и сопоставительный методы, а также методики составления дефиниций.

Лексикографическое описание языка творческой личности — одна из важнейших задач современной русистики. Авторский словарь является не только конечным продуктом описания, но выступает как новый метод или путь исследования сложного и многомерного объекта. Такие словари позволяют выявить и описать самые различные аспекты словоупотребления, воссоздающие идиостиль и картину мира философа как цельной языковой личности.

Полученные результаты терминоведческого и лексикографического описания авторской философской терминосистемы Н.Ф. Фёдорова

В результате проведённого терминоведческого исследования, основанного на разработанной методологии, охарактеризована авторская философская терминосистема Н.Ф. Фёдорова. Согласно полученным в системе Sketch Engine данным, ядро авторской терминосистемы Н.Ф. Фёдорова составляют единицы: *воскрешение, музей, неродственность, неучёные, Пасха, психократия, регуляция природы, сыны, супраморализм, учёные* и некоторые другие, отражающие ключевые понятия «Философии общего дела».

К ядру терминосистемы примыкает зона ближней периферии, к которой относятся термины, обозначающие видовые

и аспектные понятия. Так, производными понятиями по отношению к термину «музей» являются слова и словосочетания разной степени терминологичности, обозначающие родо-видовые отношения и создающие микросистему: *музей знаний, музей подобия, всенаучный музей, проективный музей, музей-собор, гномон, музей идеала, музей действия, обсерватория, пассивный музей.*

Дальнюю периферию терминосистемы Н.Ф. Фёдорова составляют непереосмысляемые (привлечённые) философские термины, общенаучные термины и термины других наук: *абсолютный, гегелевский, гегельянство, гностик, гностицизм, гуманистический, идеализм, индивидуализм, кантизм, марксизм, позитивизм, онтология* и др.

Значимыми единицами лексической структуры произведений Фёдорова, примыкающими к авторской философской терминосистеме, являются имена философов (Декарт, Лейбниц, Шопенгауэр и др.), писателей (Пушкин, Толстой, Достоевский, Шекспир), богословов и церковных деятелей (свт. Иоанн Златоуст, св. Исаак Сирин, Иоанн Дамаскин).

Особой чертой философского идиостиля можно назвать концептуализацию топонимов, среди которых выделяются следующие группы: географические названия (Запад, Рим, Туркестан, Памир, Индия, Скифия, Дальний Запад); названия музеев, храмов и др. зданий (Румянцевский музей, Воронежский окружной суд, Асхабадский музей, храм Софии).

Термины представлены в словаре в алфавитном порядке. Структура словарной статьи включает информацию, необходимую и достаточную для регистрирующего описательного словаря, отражающего специфику философского языка одного автора. В словаре используются разные типы и виды толкований, преимущественно описательные и описательно-синонимические. В словарную статью включена краткая грамматическая информация о слове, отражены текстовые

системные связи и отношения между терминами.

Заглавное слово (вокабула) приводится в начале словарной статьи прописным полужирным шрифтом. Непосредственно после заглавного слова даются формы его словоизменения по регулярным моделям; отмечается также неизменяемость слова. Заглавным словом статьи является авторский философский термин – слово (словосочетание) в начальной форме, сопровождающееся, в случае необходимости, дополнительной информацией о наличии вариантов, о написании слова с прописной или/и строчной буквы, а также о частоте употребления слова. В скобках указаны номера томов, в которых используется слово.

За заглавным словом с формами словоизменения и грамматическими пометами обычно следует толкование. Если слово толкуется через значение другого помещённого в словарь слова, при последнем даётся указание см. – смотри. Толкование не даётся, если значение слова ясно из приводимой в статье цитаты. В лексикографическом описании терминов, образованных путём терминологизации общеупотребительного слова, и для авторских неологизмов соблюдается тематический принцип (единство родового идентификатора). Так, существительные, обозначающие научно-просветительские и одновременно религиозные учреждения нового типа и образующие текстовую родо-видовую парадигму (*храм-музей, храм-обсерватория, школа-музей, школа-храм, Храм-памятник, школа-выставка, школа-лагерь, школа-храм-музей, Кремль-школа, университет, проективный музей*), дефинируются с использованием одинакового родового идентификатора «учреждение» («просветительское учреждение»).

Словарная статья содержит указание на тип термина: авторский неологизм, терминологизация общеупотребительного слова (явление консубстанциональности), транстерминологизация, привлечение.

За зоной толкования следует иллюстративный материал (зона иллюстраций) — цитаты, снабжённые отсылкой к тому и страницам цитируемого источника. Помета «загл.» (в заглавии) в мета-языке словаря означает, что заголовочное слово (словосочетание) входит в состав одного или нескольких заглавий. Зона **Z** (Заглавие) словарной статьи располагается после зоны иллюстраций и включает все тексты заглавий, в которые включено слово (или словосочетание) в любой форме.

В том случае, если значение общезыковой или терминологической лексемы, переосмысляемой Н.Ф. Фёдоровым, может быть неизвестно потенциальному читателю (например, антипасха, коперниканский), приводится энциклопедическая справка.

Заключительная зона словарной статьи включает сведения о сочетаемости (●), парадигматических (■), а также деривационных (▣) связях термина-вокабулы. Кроме того, знаком ↔ обозначены терминологические оппозиции. Эти сведения позволяют сделать лингвистическую информацию о слове более «объёмной» и одновременно помогают представить место термина в полевой структуре авторской терминосистемы, оценить его роль в лексической структуре текста.

В заключение приведём пример словарной статьи:

УНИВЕРСИТЕТ, а, м. С прописной и строчной букв. 168 (I–IV). Отживающий тип высшего учебного заведения и одновременно научного учреждения с различными естественно-математическими и гуманитарными факультетами, которое должно трансформироваться в проективный Музей.

▼ терминологизация (?).

Состоятельна ли наука, как она есть, и не отживающее ли учреждение университет, этот раб индустриализма, не видящий в нём (индустриализме) игрушек и безделушек, ничего выше ин-

дустриализма и доставляемых им благ не признающий, «враг престола и алтаря, враг самодержавия, православия и народности», призывающий к суду отцов, пророков, Христа и, наконец, Самого Бога, враг всякой власти, вооружающий сынов против отцов, учеников против учителей, студентов против профессоров, разрушающий братство, ставящий рознь выше общения, приводящий к монизму, к солипсизму, приводящий каждого к сознанию себя единственным и весь мир обращающий в представление, — вот принципы, на которых держится университет и вся его жизнь, что и делает его учреждением отживающим, в котором уже не слышно голоса профессоров, заглушаемого требованиями учебных забастовок со стороны учеников-студентов (I).

Презираемый и профессорами, и студентами, ужас для отцов и матерей, отвращение для народа, внутренний враг по убеждению, — он не имеет прав на существование. Смерть Университета будет началом жизни для Музея в обширном смысле (III).

■ Выставка, дом, крепость, обсерватория, школа. Университет ↔ музей.

● Вольный~, всеотрицающий~, новый секуляризованный~; нынешний~, отживающий~: грех~, чрево~.

Заключение

Завершая обзор проекта, отметим, что разработанный в настоящем исследовании подход к лексикографическому анализу авторской философской терминосистемы не только позволяет углубить и расширить представления о «речевом образе» Н.Ф. Фёдорова, но и дополнить и уточнить научное описание русской философской терминологии как целостного объекта. В ходе реализации проекта значительно доработан новый метод лингвистического анализа, позволяющий выявлять и описывать самые различные аспекты словоупотребления, воссоздающий идиостиль и картину мира философа как цельной языко-

вой личности – авторский словарь [18, 19]. Созданный методологический инструмент исследования языка Н.Ф. Фёдорова может быть использован в дальнейшем для изучения других авторских философских терминосистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслин М.А. Русская философия // Русская философия: Энциклопедия. / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Книжный клуб «Книговек», 2014.
2. Бердяев Н.А. Религия воскресения // Н.Ф. Фёдоров. Pro et Contra: К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н.Ф. Фёдорова. СПб.: РХГИ, 2004.
3. Голованова Е.И. Сближение проблематики когнитивного терминоведения и социолингвистики // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 531–536.
4. Азарова Н.М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М.: Логос-Гнозис, 2010.
5. Алексеева Л.М. Терминоведение и философия // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / Отв. ред. М.П. Котюрова. Пермь, 2003.
6. Артемьева Т.В. Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2002. Вып. 2. Т. 2. С. 26–31.
7. Грановская Л.М., Алиев М.А. Философские термины и понятия в русском литературном языке (вторая половина XIX – первая треть XX века). Баку: Мутарджим, 2013.
8. Икере З.Я. Прагматический аспект языкового знака в философской терминологии // Актуальные проблемы лексикологии. Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1991.
9. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: лингвистические аспекты теории термина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.
10. Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: Изд-во Тюмен. госун-та, 2013.
11. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянской культуры, 2011.
12. Шестакова Л.Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.
13. Шестакова Л.Л. Активные процессы в русской авторской лексикографии // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов Международного Симпозиума / Отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск, 2021. С. 45–47.
14. Сапов В.В. Фёдоров Николай Фёдорович // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Книжный клуб «Книговек», 2014. С. 594–595.
15. Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903): Сборник научных статей / Отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018.
16. A Practical Handbook of Corpus Linguistics / Edited by M. Paquot, S. Gries. Springer International Publishing, 2020.
17. Sketch Engine. – [Электронный ресурс]. URL: <https://the.sketchengine.co.uk/> (дата обращения: 15.02.2022).
18. Козловская Н.В. О механизме переосмысления религиозных концептов в философском терминоведении Н.Ф. Фёдорова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 17–24.
19. Козловская Н.В. Терминосистема Н.Ф. Фёдорова как объект персональной энциклопедии философа // Соловьёвские исследования. 2020. № 2 (66). С. 154–165.

Dictionary of Author-Developed Terms as Method of Philosopher's Linguistic Persona Study

Natalia Vitalievna Kozlovskaya – Doctor of Philology; Senior Researcher, Contemporary Russian Lexicography Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Project Leader, Dictionary of Philosophical Terms Introduced by N. F. Fyodorov (17-29-09049).
E-mail: mnegolosbyl@gmail.com

The article provides a lexicographical description of units in Russian philosopher N. F. Fyodorov's term system, as well as findings related to the development of the key principles for their representation in vocabularies. The work also explains why lexicographic study of Russian philosophical texts is important and develops ideas of Russian linguistics on author-developed terminology and terminology systems with regard to N. F. Fyodorov's philosophical works. The study of author-developed terminology takes an interdisciplinary approach that combines the methods of cognitive terminology and author's lexicography. The specificity of cognitive level units of a linguistic personality requires the development of distinct methods for studying and describing such units.

This study also examines the selection and systematization of author-developed terms using modern corpus linguistics analytical tools, with a particular emphasis on the meta-language of a dictionary and the description of its macro- and microstructure. The methodological toolkit developed for studying N. F. Fyodorov's dictionary can be used to investigate other private philosophical term systems as well as the general terminology system of Russian philosophy.

Keywords: Authorial philosophical term, authorial philosophical terminology, corpus analysis, principles of lexicographic study, lexicographical description of the philosopher's dictionary, construction of a dictionary entry, term-generating text

REFERENCES

1. Maslin M.A. Russkaya filosofiya // Russkaya filosofiya: Entsiklopediya. / Pod obshch. red. M.A. Maslina. M.: Knizhnyi klub «Knigovek», 2014 (in Russian).
2. Berdyaev N.A. Religiya voskresheniya // N.F. Fyodorov. Pro et Contra: K 175-letiyu so dnya rozhdeniya i 100-letiyu so dnya smerti N.F. Fyodorova. SPb.: RKHGI, 2004 (in Russian).
3. Golovanova E.I. Sblizhenie problematiki kognitivnogo terminovedeniya i sotsiolingvistiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2020. № 3 (42). S. 531–536 (in Russian).
4. Azarova N.M. Tipologicheskii ocherk yazyka russkikh filosofskikh tekstov XX veka. M.: Logos-Gnozis, 2010 (in Russian).
5. Alekseeva L.M. Terminovedenie i filosofiya // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 6 / Otv. red. M.P. Kotyurova. Perm', 2003 (in Russian).
6. Artem'eva T.V. Filosofskii yazyk v Rossii XVIII veka: mezhdru fiziko i metafiziko // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2002. Vyp. 2. T. 2. S. 26–31 (in Russian).
7. Granovskaya L.M., Aliev M.A. Filosofskie terminy i ponyatiya v russkom literaturnom yazyke (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka). Baku: Mutardzhim, 2013 (in Russian).
8. Ikere Z.Ya. Pragmaticheskii aspekt yazykovogo znaka v filosofskoi terminologii // Aktual'nye problemy leksikologii. Daugavpils: Daugavpilsskii pedagogicheskii institut, 1991 (in Russian).
9. Slozhenikina Yu.V. Osnovy terminologii: lingvisticheskie aspekty teorii termina. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2018 (in Russian).

10. Tabanakova V.D. Avtorskii termin: znayu, interpretiruyu, perevozhу. Tyumen': Izd-vo Tyumen. gosun-ta, 2013 (in Russian).
11. Shestakova L.L. Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2011 (in Russian).
12. Shestakova L.L. Sovremennoe sostoyanie russkoi avtorskoi leksikografii // Voprosy yazykoznaneya. 2019. № 2. S. 126–150 (in Russian).
13. Shestakova L.L. Aktivnye protsessy v russkoi avtorskoi leksikografii // Leksikografiya tsifrovoi epokhi: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo Simpoziuma / Otv. red. E.A. Yurina, S.S. Zemichева. Tomsk, 2021. S. 45–47 (in Russian).
14. Sapov V.V. Fyodorov Nikolai Fyodorovich // Russkaya filosofiya: Entsiklopediya / Pod obshch. red. M.A. Maslina. M.: Knizhnyi klub «Knigovek», 2014. S. 594–595 (in Russian).
15. Moskovskii Sokrat: Nikolai Fyodorovich Fyodorov (1829–1903): Sbornik nauchnykh statei / Otv. red. A.G. Gacheva. M.: Akademicheskii proekt, 2018 (in Russian).
16. A Practical Handbook of Corpus Linguistics / Edited by M. Paquot, S. Gries. Springer International Publishing, 2020.
17. Sketch Engine. – [Elektronnyi resurs]. URL: <https://the.sketchengine.co.uk/> (data obrashcheniya 15.02.2022).
18. Kozlovskaya N.V. O mekhanizme pereosmysleniya religioznykh kontseptov v filosofskom terminoobrazovanii N.F. Fyodorova // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 42. № 7. S. 17–24 (in Russian).
19. Kozlovskaya N.V. Terminosistema N.F. Fyodorova kak ob"ekt personal'noi entsiklopedii filosaфа // Solov'yovskie issledovaniya. 2020. № 2 (66). S. 154–165 (in Russian).

Индекс УДК 81'373

Код ГРНТИ 16.21.65

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-99-108

**А.Г. КРАВЕЦКИЙ,
А.А. ПЛЕТНЁВА***

Большой словарь церковнославянского языка Нового времени

В статье рассказывается о ходе работы над 10-томным Большим словарём церковнославянского языка Нового времени. Эта работа осуществляется с использованием программных средств и оцифрованного корпуса текстов, что не только её ускоряет, но и позволяет в полуавтоматическом режиме извлекать из корпуса слова и устойчивые словосочетания. Подробное описание фразеологии и языковых метафор является особенностью этого словаря. Это обусловлено поэтическим характером гимнографических произведений, которые составляют основу церковнославянского корпуса. Главная задача словаря – служить источником информации о значениях церковнославянских слов и выражений. При этом для каждого слова даётся некоторая грамматическая информация, при значениях в случае необходимости приводятся сведения энциклопедического характера, а к иллюстрациям из церковнославянских текстов подводятся греческие параллели. Словарь включает всю лексику, входящую в богослужебные книги, в том числе географические названия (топонимы), идентифицирующие человека имена собственные (антропонимы) и служебные слова.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, церковнославянский язык, семантика, литургика, литургический язык

Неизученность лексики церковнославянского языка XVIII–XXI вв.

Во второй половине XX в. был реализован целый ряд проектов, направленных на создание исторических словарей славянских языков. В этот период осуществ-

лялась работа над многотомными словарями, охватывающими практически все периоды истории славянских языков. Завершены или близки к завершению пражский словарь старославянского языка, словари староболгарского, старобелорусского языков, словари украинского языка (XIV–

* **Кравецкий Александр Геннадьевич** — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, руководитель проекта «Подготовка словаря современного церковнославянского языка» (17-29-09018).

E-mail: krav62@mail.ru

Плетнёва Александра Андреевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: apletneva@list.ru

XV и XVI – первой половины XVII в.), церковнославянского языка сербской редакции и т.д. В России идёт работа над Словарём русского языка XI–XVII вв. (к настоящему времени вышел 31 том), Словарём древнерусского языка XI–XIV вв. (вышли 12 томов), Словарём обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (вышли 9 томов), Словарём русского языка XVIII в. (вышли 22 тома) [1, с. 16–17].

На фоне бурного развития славянской лексикографии ярко выявилась одна существенная лакуна: у нас до сих пор нет корректного словаря того варианта церковнославянского языка, на котором в настоящее время совершается богослужение в русской и ряде славянских православных церквей. Этот язык является прямым наследником языка средневековых славянских литератур. С наступлением Нового времени и возникновением у славянских народов новых литературных языков церковнославянский постепенно утрачивает функции литературного. При этом вплоть до сегодняшнего дня он продолжает использоваться в качестве богослужебного языка. Обиходные издания церковнославянских текстов имеют на порядок большее распространение, чем адресованные специалистам издания памятников средневековой литературы. Тиражи основных богослужебных книг измеряются тысячами экземпляров, а тиражи молитвословов, акафистов и других изданий для мирян – десятками тысяч.

Особо отметим, что на церковнославянском языке пишется значительное число новых произведений (служб, акафистов, отдельных молитв). Чтобы представить себе объём этого творчества, укажем на то, что объём предреволюционных служебных миней составлял 12 томов, а издание этой книги 1978–1989 гг., в которое было включено значительное число новых текстов, составило 24 тома [2, с. 95–96; 3, с. 263–274; 4, с. 33–43].

В XXI в. процесс создания новых церковнославянских текстов получил дополнительный стимул, поскольку канониза-

ция святых, пострадавших во время гонений советского времени, предполагает, что каждому святому будет написана служба. При этом авторам таких служб приходится решать проблему наименования новых реалий, отсутствовавших в житиях и службах святым прежних эпох. Когда речь идёт о мучениках XX в., неуместно говорить, что они были «посечены мечами» или брошены на растерзание диким зверям. Новые задачи стимулируют словотворчество и появление новых словоупотреблений. Приведём только один пример. В славянском тексте Библии несколько раз встречается словосочетание *Ѡвѣщное хранилище*. Это выражение соответствует греческому слову *ὄρωφουλάκιον* – ‘шалаш, в котором живет сторож огорода’. Чаще всего словосочетание *Ѡвѣщное хранилище* используется в риторических конструкциях, чтобы показать то разорение, которому будут подвергнуты большие цветущие города и земли (ср. Пс. 78, 1–2; Михей 1, 6; Михей 3, 12; Исайя 24, 20). В службах святым XX в. выражение *Ѡвѣщное хранилище* начинает употребляться в современном значении, когда речь идёт о переоборудовании церковных зданий в овощехранилища [4, с. 62]. Всё это показывает, что церковнославянский язык активно используется, эволюционирует, звучит во время богослужения, на нём издаются книги. Но при этом он оказывается где-то на периферии интересов гуманитарной науки.

Мы не будем здесь останавливаться на причинах, почему филологи вплоть до самого последнего времени игнорировали поздние версии церковнославянского языка, поскольку эти причины, в общем, очевидны. Как известно, интерес филологов к истории языка был в первую очередь связан с развитием сравнительно-исторического языкознания, с реконструкцией праязыка и т.п. Очевидно, что поздней (XVIII–XXI вв.) церковнославянский язык даёт мало материала для решения таких задач.

Существующие словари церковнославянского языка Нового времени

Наиболее популярным из существующих ныне описаний лексики позднего церковнославянского языка является словарь, составленный протоиереем Григорием Дьяченко (1850–1903) и впервые изданный в 1899 г.¹ [5]. В постсоветское время этот словарь неоднократно переиздавался. Имеется и его удобная электронная версия, созданная в рамках проекта «Богослужебный интерлинеар» [6]. Несмотря на свою популярность, этот словарь не решает всех существующих лексикографических проблем, поскольку является неполным. И дело даже не в том, что там, например, не описаны служебные слова. Прот. Дьяченко описывает лишь те слова, которые, по его мнению, не понятны человеку, говорящему по-русски; в результате огромный массив лексики оказывается за пределами словника. При работе над словарём автор не предпринял сплошной росписи своих источников, его работа носила импрессионистический характер. Перед нами компиляция, составленная человеком, который хорошо знал церковнославянскую книжность. Материалы заимствовались прот. Дьяченко из различных лексикографических пособий XIX в., в число которых входил и неизданный тогда рукописный словарь А.И. Невоструева [7, 8]. Несмотря на то, что словарь Г. Дьяченко содержит немало интересных наблюдений и описаний, он не может претендовать на роль полноценного справочника, описывающего лексику позднего церковнославянского языка.

В 2005 г. вышла книга О.А. Седаковой «Церковнославянско-русские паронимы. Материалы к словарю» [9]. Автор относит свою работу к жанру словаря «ложных друзей переводчика». Здесь описываются слова, которые имеются и в церковнославянском, и в русском языках, но значения их (полностью или частично) различны. Словарь на-

шёл своего читателя, свидетельством чему является то, что в 2008 г. вышло второе издание [10], а в 2021 г. — третье [11]. Однако следует иметь в виду, что это не универсальное пособие, к которому можно обратиться при чтении церковнославянских текстов, а исследование лишь сравнительно небольшого пласта лексики. Поэтому, несмотря на несомненную ценность этого пособия, оно не решает проблемы полного описания лексики современного церковнославянского языка.

Наиболее близко к решению поставленной задачи подходит словарь, составленный архимандритом Атанасием Бончевым (1915–1978) и изданный в двух томах в 2002–2012 гг. [12]. Это качественное и компактное описание лексики церковнославянских книг, используемых в обиходе Болгарской православной церкви. Однако автор практически не описывает ни фразеологию церковнославянского языка, ни метафорические словоупотребления, которые являются специфической особенностью поэтического языка славянской гимнографии. Дополнительной сложностью для русскоязычной аудитории является то, что словарь написан на болгарском языке. Переводы с одного родственного языка на другой чреватые семантическими сдвигами. Русскоязычному читателю сложно адекватно воспринимать на болгарском языке тонкости толкований церковнославянских слов. Перевод словаря А. Бончева на русский язык не решает проблему. Этот словарь, составленный одним человеком, всё-таки не дотягивает до того уровня, которого достигла историческая лексикография.

Создание Большого словаря церковнославянского языка Нового времени: возможности компьютерных технологий.

Наш словарь² составляется на основе оцифрованного корпуса, а не бумажных картотек. Такой способ работы позволяет

¹ В выходных данных части тиража указан 1900 г.

² О первоначальной концепции этого издания см. [13].

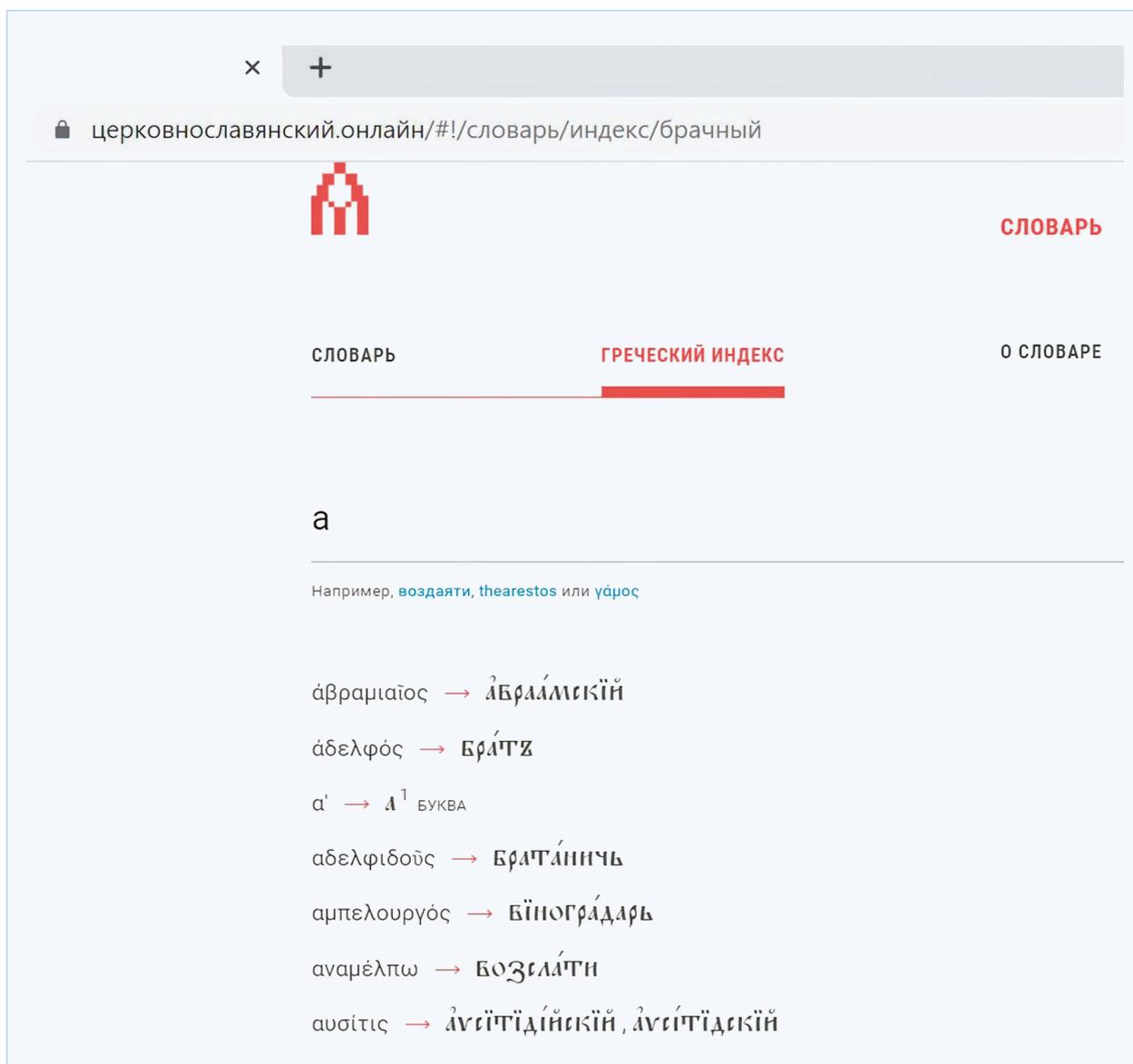

Рис. 1. Греко-славянский индекс, размещённый на портале «Церковнославянский язык сегодня», позволяет увидеть, какие славянские лексемы соответствуют той или иной греческой лексеме

избежать чрезвычайно трудоёмкого первого этапа любой лексикографической работы. Необходимость расписывать на карточки огромный корпус текстов растягивает словарную работу на десятилетия. Так, работа над картотекой Словаря русского языка XI–XVII вв., включающей около двух миллионов карточек, началась в 1925 г. [14, с. 7]. В 1975 г., т.е. спустя 50 лет, вышел первый том этого словаря, в 2019 — 31-й том.

В настоящее время, благодаря цифровым технологиям, такая работа может быть выполнена существенно быстрее. Тексты, из которых авторы словаря извлека-

ют лексический материал, оцифрованы; имеется техническая возможность поиска и сортировки примеров, а также составления списков словоформ. Для подготовки словаря мы выбрали мультиплатформенную программу AntConc, позволяющую наглядно представлять контексты, в которых то или иное слово встречается в корпусе. Эта программа была разработана проф. Лоуренсом Антони из университета Васеда (Япония) [15]. Однако при помощи этой программы невозможно анализировать церковнославянские тексты, набранные в корректной орфографии. Это свя-

зано с тем, что для корректной передачи церковнославянской орфографии необходим ряд символов, отсутствующих в стандарте Unicode. Поэтому источники словаря были предварительно транслитерированы с использованием технического шрифта. После завершения операций, связанных с поиском примеров и их сортировкой, результаты автоматически преобразуются в орфографически корректный церковнославянский текст.

Для оптимизации структуры и удобства редактирования словарных статей была создана электронная лексикографическая система. Она включает: 1) базу данных, предназначенную для хранения словарных статей; 2) пользовательский интерфейс, позволяющий вводить данные в базу и редактировать их; 3) программные компоненты обработки данных, обеспечивающие выполнение различных технических операций. При этом написание словарной статьи представляет собой заполнение полей электронной таблицы. Таблица очень жёстко задаёт структуру словарной статьи, и у авторов практически нет возможности отступить от неё. На начальном этапе работы это создавало значительные трудности, поскольку систему приходилось постоянно переделывать. Однако когда оптимальная структура словарной статьи была выработана, удобство такого способа работы стало очевидным. Система предусматривает возможность редактирования и унификации материала по полям, а после окончательного редактирования материалы тома экспортируются в верстальную систему.

Поскольку составители словаря работают в лексикографической системе, готовые тома легко преобразуются в электронную версию, которая размещается на портале «Церковнославянский язык сегодня» [16] одновременно с выходом очередного тома. Отличием электронной версии словаря от бумажной является то, что здесь также размещается греко-славянский индекс к вышедшим томам (рис. 1).

Источники словаря

Перед началом работы необходимо было определить, какие книги войдут в число источников словаря. Как известно, круг переиздающихся в настоящее время церковнославянских книг достаточно широк. На церковнославянском языке сейчас издаются книги Священного писания, богослужебные книги, Добротолюбие, Четьи минеи Дмитрия Ростовского¹, Пролог, а также акафисты и церковные службы, написанные в X–XXI вв. Эти тексты создавались и редактировались в разное время, поэтому они весьма разнообразны в лексическом, грамматическом и орфографическом отношениях. Среди них обнаруживается немало текстов, явно выходящих за пределы церковнославянского языка, как бы широко мы их ни понимали.

Определяя круг источников словаря, мы разделили их на две части. В одну вошли богослужебные книги основного круга и отчасти Священное писание, а в другую – все остальные тексты. Как известно, богослужебные книги основного круга подвергались типографскими справщиками наиболее тщательной унификации. Поэтому в словаре полностью учитывается лексика основного круга богослужебных книг (т.е. 12-ти томов Месячных миней, Октоиха, Постной и Цветной триоди, Служебника, Требника и т.д.), а также лексика Священного писания без имён собственных и географических наименований [17, с. 9–13]. Такое избирательное отношение к лексике Библии связано с тем, что включение в словарь огромного объёма специфических библейских топонимов и антропонимов привело бы к включению в словарь огромного объёма энциклопедической информации, не имеющей отношения к славистике.

Если словник словаря составляется на основе такого ограниченного корпуса, то при работе над словарными статьями используется максимально широкий корпус, что позволяет зафиксировать значения

¹ Библия, Добротолюбие и Минеи Дмитрия Ростовского переведены на русский язык и чаще читаются по-русски.

или фразеологические сочетания, которые появились в поздних текстах.

Какая информация содержится в словарной статье

Основная задача словаря — служить источником информации о значениях церковнославянских слов и выражений. Для каждого слова даётся грамматическая информация: для существительных указываются род и форма родительного падежа; для прилагательных — краткая форма, если она встречается в корпусе источников словаря. Для глаголов приводятся тип спряжения, чередования, переходность-непереходность, то есть возможность их употребления с прямым дополнением, а также описывается глагольное управление, которое часто оказывается связанным со значением глаголов. Например, глагол *догтоꙗти* / *догтоꙗти* в значении 'принадлежать' требует дательного падежа, а в остальных значениях ('нужно', 'следует', 'подобает' и т.д.) — инфинитива [18, с. 322–323]. В тех случаях, когда глагол представлен только причастными формами, в качестве заголовочного слова даётся форма причастия с соответствующей пометой.

Поскольку существенная часть богослужбных текстов переведена с греческого, к примерам добавляется греческая параллель. Поиск параллелей — отдельная и достаточно сложная задача. Греческие тексты существуют в разных редакциях, что сильно усложняет работу. Однако для переводных текстов подведение греческой параллели — абсолютно необходимая операция, помогающая точно определить значение славянского слова.

Словарь описывает языковую реальность, а не предписывает правильные употребления. Поэтому в ряде статей для одного и того же слова приводятся вариативные орфографические написания. Например, для существительного *демонъ* встречается вариант *демонь* [18, с. 213], для существительного *динарий* имеются варианты *динарь* и *динарь* [18, с. 251] и т.д. Достаточно большую вариативность мы

обнаруживаем в постановке ударений, и это тоже фиксируется в словаре.

Словарь включает всю лексику, входящую в богослужбные книги, в том числе географические названия (топонимы), идентифицирующие человека имена собственные (антропонимы) и служебные слова. Кроме того, фиксируются фразеологизмы и устойчивые словосочетания, которые регулярно встречаются в богослужбных текстах (о них речь пойдёт в следующем разделе). К частотным и фразеологическим сочетаниям даются переводы, греческие параллели, приводятся иллюстрации.

Новые возможности лексикографического описания

Использование технических средств сильно ускоряет работу над словарём. Кроме того, у составителей словаря появляются возможности, которых нет у человека, работающего с карточками. Дело в том, что программа AntCons позволяет не только извлекать из корпуса все случаи вхождения каждого слова, но и даёт возможность сортировать результаты в зависимости от того, какие лексемы стоят рядом (рис. 2).

Таким образом, у исследователя появляется возможность обнаружить все словосочетания, в которые входит описываемое слово. Например, прилагательное *дѣвическій* встречается в составе словосочетаний *дѣвическая оутроба*, *дѣвическое чрево*, *дѣвическая ложесна*, *дѣвическая чрево* (все эти словосочетания связаны с Богородицей) [18, с. 190–191]. Слово *дрѣво* встречается в составе словосочетаний *вкѣшеніе дрѣва* (о первородном грехе), *дрѣво дѣвѣльное* (лесное дерево), *дрѣво жизни*, *дрѣво животна*, *дрѣво животное* (о древе познания), *дрѣво негниющее*, *дрѣво копія*, *дрѣво копіное* (древко копья), *дрѣво крѣта*, *дрѣво крѣтное* (крест Христов); *животное древо*, *животворящее древо* (именование Креста Господня, дословно: 'дерево, несущее жизнь'); *возвысѣти на дрѣво*, *возвышати на дрѣво*, *воздвигнѣти на дрѣво*, *вознесѣти на дрѣво* (быть распятым на кресте) [18, с. 329–331]. Тако-

Рис. 2. Программа AntConc позволяет не только найти все контексты, в которых слово встречается в корпусе, но и обнаружить частотные словосочетания

го рода словосочетаний в словаре очень много. В каждой третьей статье словаря описаны одно или несколько устойчивых словосочетаний.

В связи с этим встаёт вопрос о регулярно встречающихся метафорах. Без понимания устойчивых метафор и аллюзий к библейскому тексту невозможно понимать богослужебные тексты. Например, словосочетание *давїдскаѧ колесніца* отсылает к библейскому рассказу о колеснице царя Давида, на которой везли в Иерусалим ковчег Завета (2 Цар 6.3–4). Выражение *давїдскаѧ колесніца* используется как метафорическое обозначение Богородицы. Например: *колесніце слова словеснаѧ ѿ ѡдѣшвлѣннаѧ, радѣѧѧ, всенепорочнаѧ: дѣдскаѧ, радѣѧѧ, колесніце многимѣннаѧ* ('Колесница Бога Слова духовная и одушевлѣнная, радуйся, Всенепорочная, радуйся, колесница славная, предвозвещенная Давидом) [18, с. 138]. Вычленение и описание подобных

метафор — одна из многочисленных задач, решаемых авторами словаря.

Организация работы и её перспективы

Для создания большого академического словаря необходима рабочая группа, в которую входят не только слависты, но и специалисты по византийской гимнографии, подбирающие греческие параллели, программист, создающий рабочее место автора словаря и решающий многочисленные технические проблемы, которые появляются в ходе работы. Кроме того, требуются консультации богословов, литургистов, библеистов и т.д. В современных реалиях создать такую группу в рамках академического института довольно проблематично. По этой причине словарь сразу создавался как проект, осуществляемый специалистами, которые работают в разных научных и просветительских уч-

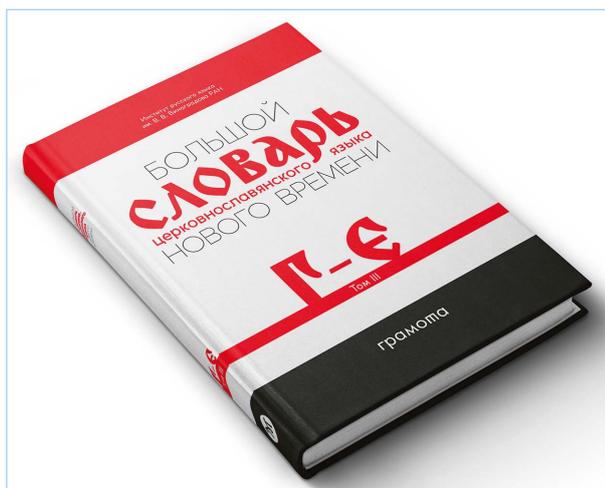

Рис. 3. Обложка третьего тома словаря

реждениях. С самого начала работы планировалось, что все участники проекта будут работать удалённо. Лексикографическая система (автор А.Н. Хитров) предусматривает техническую возможность удалённого обсуждения каждой статьи с привлечением специалиста по греческой гимнографии, который может оперативно отвечать

на вопросы, касающиеся греческого оригинала переводных текстов. Функционал рабочего места специалиста по византийской гимнографии отличается от функционала рабочего места автора словарной статьи. Это даёт рабочей группе возможность свести к минимуму очные встречи.

Общий объём словаря – 10 томов (тома 8–9, включающие лексику на буквы П, Р и С, с большой долей вероятности будут изданы в трёх или четырёх книгах). Технология работы над словарём отработана, и рабочая группа в состоянии готовить один том за два года. Поскольку проект является инициативным и не включён в план какой-либо институции, он рассчитан на грантовое финансирование. Первые два тома были подготовлены благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, третий – Российского фонда фундаментальных исследований (рис. 3). В случае прекращения грантовой поддержки проект лишится источников финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молдован А.М. Пути славистики в современном мире // XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). М.: Российская академия наук, 2008.
2. Православие: Библиографический указатель книг на русском и церковнославянском языке за 1918–1993 гг. / Сост.: Н.Ю. Бутина, К.К. Тарасов. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999.
3. Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.). М.: Языки русской культуры, 2001.
4. Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных / Под ред. Е. Потехиной и А. Кравецкого. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2013.
5. Дьяченко Г.М., прот. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражения). М., 1993 [Репринт с издания М., 1900].
6. Полный церковнославянский словарь прот. Григория Дьяченко. Электронный ресурс. <https://dhonorare.ru/dict/dyachenko/> (дата обращения: 22.02.2022).
7. Калужнина Н.В. Об издании «Словаря речений из богослужебных книг прот. А.И. Невоструева» // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2014. Вып. 1 (36). С. 37–46.
8. Словарь речений из богослужебных книг прот. А.И. Невоструева. Электронный ресурс. <https://pstgu.ru/science/projects/slovar-recheniy-iz-bogoslužhebnykh-knig-prot-a-i-nevosttrueva/> (дата обращения: 22.02.2022).
9. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005.

10. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008.
11. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Практика, 2021.
12. Бончев А., архимандрит. Речник на църковнославянския език. Т. 1–2. София: Народна библиотека «Св. Кирил и Методий», 2002–2012.
13. Добровольский И.С., Калужнина Н.В., Кравецкий А.Г., Людоговский Ф., свящ., Плетнёва А.А., Хитров А.Н. Из опыта работы над словарём современного церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ. III: Филология 2014. № 4 (34). С. 40–57.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001.
15. AntConc Homepage. Электронный ресурс <https://laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 22.02.2022).
16. Церковнославянский язык сегодня. Просветительский портал. // церковнославянский.онлайн или <https://csl.ruslang.ru/> (дата обращения: 22.02.2022).
17. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. 1. М.: Словари XXI века, 2016.
18. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. 3. М.: Грамота, 2021.

The Great Dictionary of Contemporary Church Slavonic Language

Alexander Gennadievich Kravetsky – PhD in Linguistics; Senior Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Project Leader, The Great Dictionary of Contemporary Church Slavonic Language (17-29-09018).

E-mail: krav62@mail.ru

Alexandra Andreyevna Pletnyova – PhD in Linguistics; Senior Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Project Member, The Great Dictionary of Contemporary Church Slavonic Language.

E-mail: apletneva@list.ru

The article focuses on the scholars' efforts to compile the ten volumes of the Great Dictionary of Contemporary Church Slavonic Language using software tools and a digitized corpus of texts to speed up the work and enable users to extract words and phrases from the corpus semi-automatically. One of the dictionary's advantages is its detailed descriptions of phraseology and linguistic metaphors. This is because the hymnographic works that comprise the Church Slavonic corpus are poetic in nature. The dictionary's primary goal is to provide information on the meanings of Church Slavonic words and phrases. Furthermore, the authors included grammar data for each word and encyclopedic data when necessary. The illustrations are complete with comparisons from Greek sources. The dictionary contains all of the dictionary found in the liturgical books, such as place names (toponyms), proper names identifying different people (anthroponyms), and function words.

Keywords: lexicology, lexicography, the Church Slavonic language, semantics, liturgics, Church Slavonic, liturgical language

REFERENCES

1. Moldovan A.M. Puti slavistiki v sovremennom mire // XIV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Okhrid, 10–16 sentyabrya 2008 g.). M.: Rossiiskaya akademiya nauk, 2008 (in Russian).
2. Pravoslavie: Bibliograficheskii ukazatel' knig na russkom i tserkovnoslavyanskom yazyke za 1918–1993 gg. / Sost.: N.Yu. Butina, K.K. Tarasov. M.: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii bogoslovskii institut, 1999 (in Russian).
3. Kravetskii A.G., Pletnyova A.A. Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (XIX–XX vv.). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2001 (in Russian).
4. Minei: obrazets gimnograficheskoi literatury i sredstvo formirovaniya mirovozzreniya pravoslavnykh / Pod red. E. Potekhinoi i A. Kravetskogo. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2013 (in Russian).
5. D'yachenko G.M., prot. Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar' (s vneseniem v nego vazhneishikh drevnerusskikh slov i vyrazheniya). M., 1993 [Reprint s izdaniya M., 1900] (in Russian).
6. Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar' prot. Grigoriya D'yachenko. Elektronnyi resurs. <https://dnhonorare.ru/dict/dyachenko> (data obrashcheniya: 22.02.2022) (in Russian).
7. Kaluzhnina N.V. Ob izdanii «Slovara rechenii iz bogoslužhebnykh knig prot. A.I. Nevostrueva» // Vestnik PSTGU. III: Filologiya. 2014. Vyp. 1 (36). S. 37–46 (in Russian).
8. Slovar' rechenii iz bogoslužhebnykh knig prot. A.I. Nevostrueva. Elektronnyi resurs. <https://pstgu.ru/science/proects/slovar-recheniy-iz-bogoslužhebnykh-knig-prot-a-i-nevostrueva> (data obrashcheniya: 22.02.2022) (in Russian).
9. Sedakova O.A. Tserkovnoslavyano-russkie paronimy. Materialy k slovaryu. M.: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 2005 (in Russian).
10. Sedakova O.A. Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya: tserkovnoslavyano-russkie paronimy. M.: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 2008 (in Russian).
11. Sedakova O.A. Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya: tserkovnoslavyano-russkie paronimy. M.: Praktika, 2021 (in Russian).
12. Bonchev A., arkhimandrit. Rechnik na ts"rkovnoslavyanskiyazik. T. 1–2. Sofiya: Narodna biblioteka «Sv. Kiril i Metodii», 2002–2012.
13. Dobrovol'skii I.S., Kaluzhnina N.V., Kravetskii A.G., Lyudogovskii F., svyashch., Pletnyova A.A., Khitrov A.N. Iz opyta raboty nad slovarem sovremennogo tserkovnoslavyanskogo yazyka // Vestnik PSTGU. III: Filologiya 2014. № 4 (34). S. 40–57 (in Russian).
14. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Spravochnyi vypusk. M.: Nauka, 2001 (in Russian).
15. AntConcHomepage. Elektronnyi resurs <https://laurenceanthony.net/software/antconc/> (data obrashcheniya: 22.02.2022).
16. Tserkovnoslavyanskii yazyk segodnya. Prosvetitel'skii portal. // tserkovnoslavyanskii.onlain ili <https://csl.ruslang.ru/> (data obrashcheniya: 22.02.2022) (in Russian).
17. Bol'shoi slovar' tserkovnoslavyanskogo yazyka Novogo vremeni. T. 1. M.: Slovare XXI veka, 2016 (in Russian).
18. Bol'shoi slovar' tserkovnoslavyanskogo yazyka Novogo vremeni. T. 3. M.: Gramota, 2021 (in Russian).

Индекс УДК 811.161.1

Код ГРНТИ 16.21.63

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-109-120

**А.Н. ЛЕВИЧКИН,
Р.В. ГАЙДАМАШКО,
О.Н. КРЫЛОВА***

Лексическая система пинежских говоров

В статье представлены результаты проекта «Лексическая система пинежских говоров в лексикографическом и лингвогеографическом аспектах», реализованного авторским коллективом в Институте лингвистических исследований РАН.

Изучение русских народных говоров до сих пор остаётся актуальной проблемой. Продолжают появляться новые диалектные словари, которые отражают лексику русских народных говоров, записанную ранее и до настоящего времени не получившую лексикографического описания.

Современные говоры служат важным источником для истории языка, при этом различные диалектные системы отражают процесс языковых изменений по-разному. Описание системы пинежских говоров позволяет дополнить наши знания в области лингвистики и диалектологии в частности. Периферийное географическое расположение и языковые контакты с финно-угорскими языками делают эти говоры исключительно интересным объектом исследования.

Выход нового диалектного словаря — «Словаря пинежских говоров» — поможет уточнению отдельных вопросов и положений, применяемых при создании других словарей подобного типа.

Ключевые слова: диалектология, пинежские говоры, лексикография, диалектный словарь, лингвогеография, электронные карты

* **Левичкин Александр Николаевич** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), руководитель проекта «Лексическая система пинежских говоров в лексикографическом и лингвогеографическом аспектах» (17-29-09039).
E-mail: alevi66@gmail.com

Гайдамашко Роман Валентинович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка ИЛИ РАН, доцент Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: gaidamashko@gmail.com

Крылова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, учёный секретарь ИЛИ РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: krylova_olga2004@mail.ru

Исключительно важное значение диалектных данных для решения многих кардинальных вопросов исторического и современного языкознания требует введения в научный оборот лексических богатств народных говоров, их исследования и интерпретации. Перед авторским коллективом стояла задача представить описание системы пинежских говоров в лексикографическом (словарном) и лингвогеографическом аспектах.

Лексикографическое описание пинежских говоров

Нивелирование современных русских народных говоров под влиянием литературного языка, ведущее сначала к уходу на периферию языкового сознания народного слова, а затем к его полному забвению, ставит задачу более полного и тщательного описания сводов диалектной лексики, которые были собраны ещё в XX в., но по ряду причин не были введены в научный обиход.

Диалектная лексикография в России активно разрабатывается в последние десятилетия. Во многих университетах продолжают создаваться региональные диалектные словари («Псковский областной словарь

с историческими данными», «Диалектный словарь Нижегородской области», «Словарь курских говоров», «Словарь русских говоров севера Пермского края» и др.) [1–4]. Несмотря на то, что материалы пинежских говоров представлены в отдельных диалектных словарях, посвящённых описанию севернорусских говоров [5–7], а также незначительная их часть включена в сводный «Словарь русских народных говоров» [8], рассматриваемые говоры не получили до настоящего времени самостоятельного лексикографического описания.

Описание лексической системы нашло своё выражение в разрабатываемом коллективом «Словаре пинежских говоров».

Источники словаря

Основным источником словаря является картотека, которую собирали студенты и преподаватели Ленинградского государственного университета под руководством Г.Я. Симиной в ходе диалектологических экспедиций на Пинежье с 1958 по 1979 г. В настоящее время картотека хранится в Институте лингвистических исследований РАН и насчитывает порядка 200 тысяч карточек (рис. 1, 2).

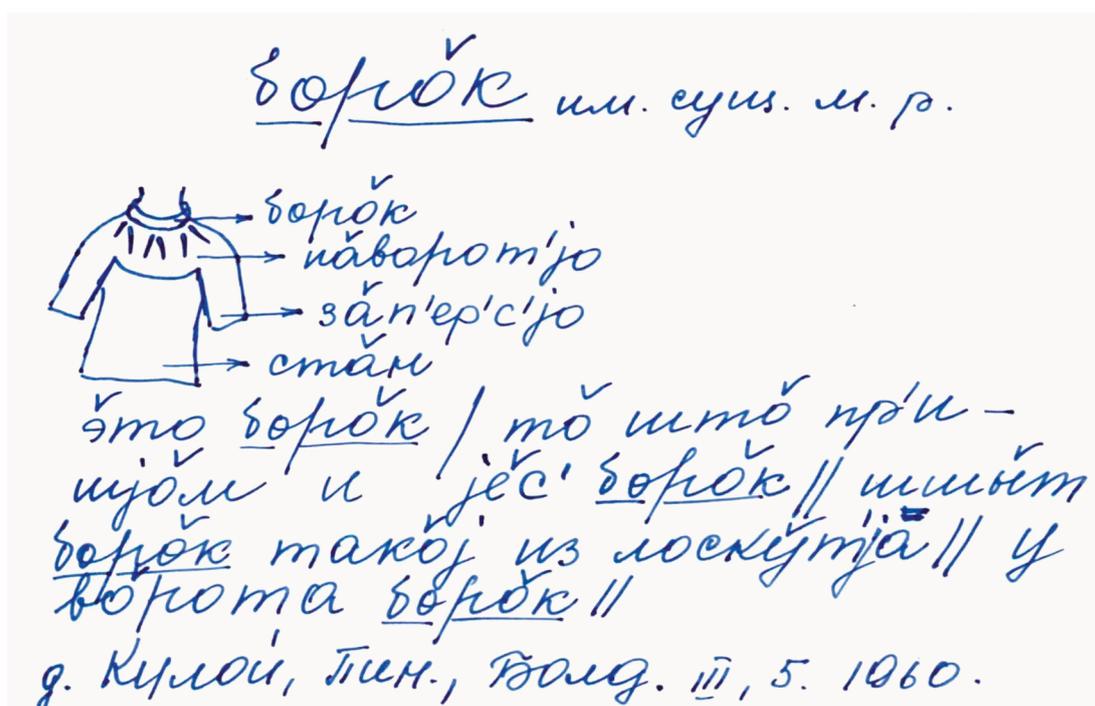

Рис. 1. Образец карточки из пинежской картотеки

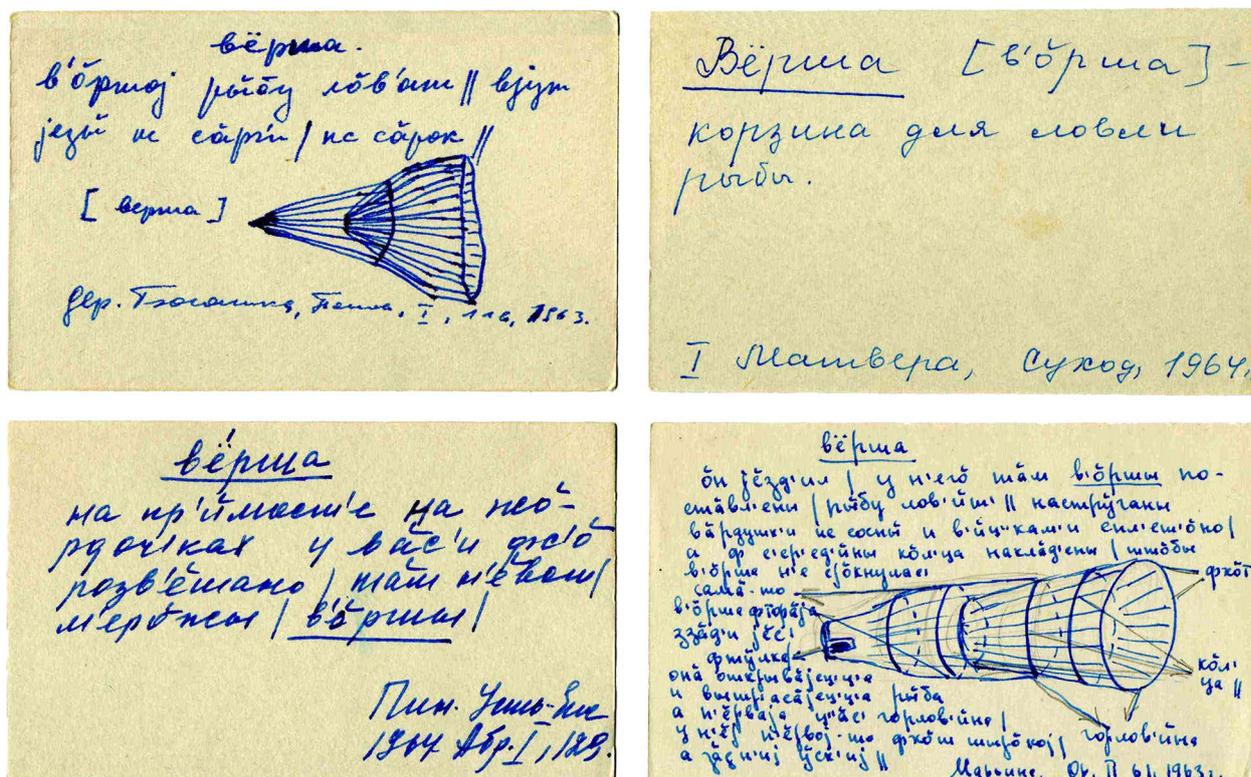

Рис. 2. Образцы карточек из пинежской картотеки

В ходе научных экспедиций по Пинежью Г.Я. Симиной также были собраны, а в дальнейшем описаны данные по фонетике, морфологии и синтаксису говоров этого региона [9–12].

Диалектные материалы, представленные в картотеке пинежских говоров, достаточно хорошо описывают лексику Пинежья, однако для работы над проектом дополнительно привлекаются диалектные словари говоров Северо-Запада России, которые помогают уточнить толкование слова, подтвердить или выявить новые значения в толковании, обозначить регион бытования слова и т.п. При этом работа, которую составители и редакторы словаря проделывают «вручную», просматривая бумажные издания словарей и других источников, оптимизирована за счёт обращения к электронным источникам.

Другими важными источниками являются полевые записи, сделанные в 1990-е гг. и позднее сотрудниками и аспирантами

ИЛИ РАН; данные фольклора, записанные Г.Я. Симиной¹, а также новые опубликованные фольклорные источники по названному региону; местная краеведческая литература, вышедшая из печати в последнее время.

Территория исследования

Диалектные материалы, представленные в словаре, охватывают бассейн реки Пинеги. На этой территории расположены два административных района Архангельской области – Пинежский и Холмогорский. Пинежский район был исследован полностью, в Холмогорском районе были исследованы четыре населённых пункта из современного Белогорского сельского поселения, которые относятся к Нижнему Пинежью (Горка, Кузомень, Леуново, Чуга).

Изначально было решено представить все диалектные материалы, содержащиеся на картотечных карточках. Трудоёмкая работа по оцифровке бумажной картоте-

¹ Фольклорные записи послужили материалом отдельного исследования, выполненного в рамках проекта [13, 14].

ки была разделена на два этапа: оцифровка карточек с помощью сканера и перевод полученных цифровых изображений в текст. Эта работа, к сожалению, сдерживается тем, что до сих пор компьютерные программы для распознавания текста (ocr) плохо работают с рукописями.

За время работы по проекту был составлен первый выпуск словаря [15], работа над следующими выпусками продолжается. «Словарь пинежских говоров» задуман как словарь дифференциального типа, но с широким пониманием принципа дифференциальности. Так, в словарь включаются общеупотребительные слова:

- 1) когда они имеют диалектные особенности в формообразовании, управлении или сочетаемости, например *ангел*;
- 2) когда они относятся к реалиям сельской жизни, например, *багор*, *борона*;
- 3) когда от них образуются диалектные дериваты, например, *берёза* > *березинка*, *берёзовка*.

В словник включаются также топонимия, микротопонимия, антропонимия, зоонимия и т.п., поскольку этот пласт данных занимает большое место в диалектном лексиконе и очень важен для этнолингвогеографических исследований (рис. 3, 4).

Структура словаря

Структура словаря является достаточно традиционной для диалектного словаря. Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке.

Глаголы совершенного и несовершенного вида разрабатываются в отдельных словарных статьях.

БРОСАТЬ, *несов., перех.*

БРОСИТЬ, *сов., перех. и неперех.*

Наречия подаются в отдельных от имён прилагательных словарных статьях. Прилагательные и наречия в сравнительной степени не выделяются в самостоятельные словарные статьи, а даются в соответствующих статьях на прилагательное или наречие за знаком □.

БОДРО и **БОДРО́**, *нареч.* 1. Красиво. □ Бóдро. *Кóфтоцька да юбоцька, софсем*

АРХА́НГЕЛЬСКО. Город Архангельск. *Арха́нгельско взéли-то, только их кра́сных везли безоружо́нных.* Сульца. ◇ **В Арха́нгельску.** В Архангельск. *Я из дере́вни приéхала в Арха́нгельску.* Вонга.

АРХА́НЕЦК. Город Архангельск. *Онi давнó уж в Арха́нецке, годóф триццать.* В Арха́нецком в больницы пóжыл. Явзора.

АРХА́НЕЦКИЙ, АРХА́НЕЦКОЙ. Город Архангельск. *Онi давнó уж в Арха́нецке, годóф триццать.* В Арха́нецком в больницы пóжыл. Явзора. □ Арха́нецкой. *Уéхал в Арха́нецкой гостить.* Явзора.

Рис. 3. Примеры словарных статей (топонимия)

АНИКА́Н. Имя Аника. *Имё Аникан, Аника́н Михайловиц был.* *А ани́ка — это ругань у нас, как и власю́га.* Земцово.

БОБА́Н. Прозвище толстого человека. *Иш расту́т какiе хоро́шы дéточьки, Бобáны толсты́.* + *Прóзвищё.* *Фся́ко назову́т, кото́рой то́лстой, так назовут Бобáн.* Березник.

Рис. 4. Примеры словарных статей (антропонимия)

на ять. Бóдро бóльно, дéльно. Филимоново. □ Бодрé, *сравн. ст.* Так мне бодрé как бутто. Юрас.

В словник выносятся в виде отсылочных статей:

- 1) второе и последующие заголовочные слова;
- 2) варианты, представленные за знаком □;
- 3) значимые компоненты устойчивых словосочетаний.

Ономастические данные, представленные в картотеке, включаются в словник без

грамматической характеристики. В ряде случаев, когда затруднительно определить отнесённость единицы к апеллятивной лексике или к ономастическим данным, она даётся в трактовке информанта:

БАРА́НИЙ. Название сенокосного луга. *По пра́вой сторонé Барáний. Эта пожня от нас пять кило́метровф.* Летопада.

В словник также включаются диалектные варианты личных имён.

АЛЕКСА́НТ. Имя Александр. *А он не Ни́кола́й, а Алекса́нт. Алекса́нт его зовут робя́та.* Веркола.

Омонимы разрабатываются в отдельных словарных статьях, с верхним индексом после заголовочного слова.

БАРАХЛО́¹, *ср.* *Собир.* Старые вещи, тряпье. *Вся́ко барахло́, и худо́ и хоро́шо. + Клету́шка, цем ли завали́и, и ло́поть, да како́-ле барахло́ не му́дро, сапожонка да. А хоро́шо – в анбары.* Почезерье.

БАРАХЛО́², *м.* Пустой, никчемный человек, пустослов. *А у той мужы́к барахло́, ле́ший.* Кеврола.

Слова рассматриваются как омонимы в следующих случаях:

- 1) они представляют собой разные части речи (грамматические омонимы);
- 2) они являются единицами различного происхождения (гетерогенные омонимы);
- 3) они относятся к различным предметно-понятийным рядам (гомогенные омонимы).

Структура словарной статьи

В словаре в качестве заголовочного выносятся слово в начальной форме. Исходная форма восстанавливается по орфографической модели современного литературного языка, вариант даётся за знаком □. Например:

АНБА́РНИЦА, *ж.* Приставная лесенка или бревно с вырубленными в нём ступеньками для хода в амбар. □ Онба́рница. *А пе́ред онба́ром-то онба́рница, присту́пка така.* Матвера.

Если невозможно точно определить нормативную форму, в качестве заголовочных приводятся все варианты. Например:

БАЙДАЛА́, БАЙДОЛА́, *ж.* Верхняя часть тела человека, голова. □ Байдала́. *Кака́ больша́ байдала́-то, завяжы́ плат.* Сульца. □ Байдола́. *У дево́к ме́не голова, не фходит на байдолу́ мне.* Сульца.

После заголовочного слова приводится его грамматическая характеристика, пометы, отражающие эмоциональную окраску, толкование, иллюстрации, название населённого пункта, где записан материал, и/или указание на источник.

Толкование сопровождается диалектными текстами. В тех случаях, когда диалектные иллюстрации получены из одного и того же населённого пункта, но от разных информантов (записаны на разных карточках), перед каждой последующей иллюстрацией приводится знак «+». Этот же знак показывает, что иллюстрации, записанные от одного информанта, извлечены из разных контекстов (рис. 5).

Цитаты приводятся в алфавитном порядке представленных населённых пунктов. Иллюстрации передаются по возможности аутентично в форме, наиболее близкой к зафиксированной звучащей речи. В словаре также приводятся рисунки, которые представлены в картотеке (рис. 6).

БЕССО́ЛО, *нареч.* 1. Без достаточного количества соли, пресно. *Посо́ли́ ры́бу-то. Бессо́ло веть есть не бу́деш, фку́са нет. + Я ры́бу есть не бу́ду. Бессо́ло веть. Неску́сно.* Валдокурье. *Ты еши́ш з гриба́ми да бессо́ло ка́жэца, потса́ливаиш-то заче́м.* Вальтево. *Штой-то у тебя бессо́ло (о каше). + Малёнько бессо́ло.* Оксовица.
2. *В знач. междом.* Возглас в свадебном обряде. *Гóсти закри́ця́т «бессо́ло», и на́цнү́т целова́цьця, вот сме́ху-то.* Ёркино.

Рис. 5. Пример словарной статьи со знаком «+»

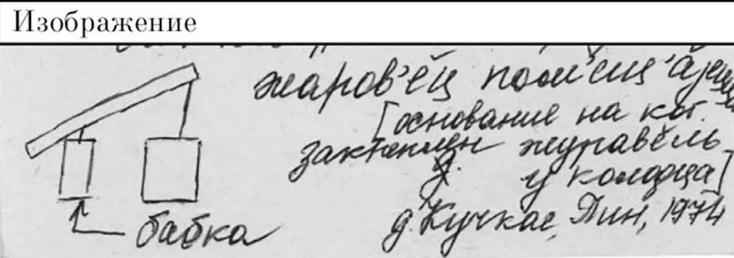
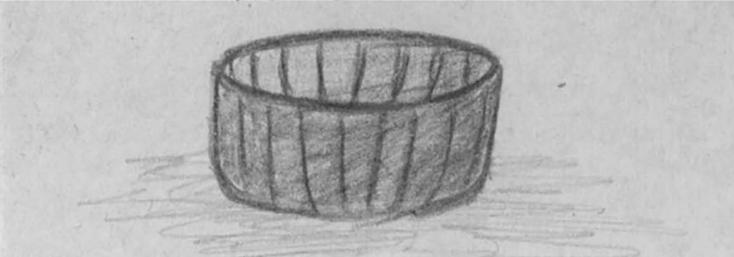
Слово	№	Изображение
БА́БКА ²	1	
БАКЛА́ЖКА	1	
БА́ЛО	1	

Рис. 6. Примеры графических иллюстраций в словаре

Указания на них даются после относящейся к рисунку цитаты.

БА́БКА², ж. 1. Основание, на котором закреплен журавль у колодца. *Внизу́ на ко́лотце-то ба́пка, на кото́рой жаровёц помещаецца* (рис. 6). Кучкас.

В ходе работы над составлением «Словаря пинежских говоров» особое внимание было уделено разработке имён прилагательных:

1) Если в иллюстрациях присутствует полная начальная форма (ед.ч., м.р.), то она отражается в заголовке.

БЛИЗКОВЗО́РНЫЙ, ая, ое. Близорукий. *Он блисковзóрный был, ви́дел плохо*. Вальтево.

2) Если в иллюстрациях присутствует полное прилагательное не в начальной форме и/или краткое прилагательное, то в заголовке отражаются полные формы с окончаниями -ОЙ (и/или) -ЕЙ и -ЫЙ (и/или) -ИЙ.

БЫДЛÍВОЙ и БЫДЛÍВЫЙ, ая, ое. Бодливый. *БыдлÍва така телу́шка*. Шардонемь. □ БыдлÍвой. *У нас порос был быдлÍвой*. Шардонемь.

Вариативность

В словаре сделана попытка максимально полно отразить фонетические (фонематические и акцентологические) варианты слова. Как варианты разрабатываются семантически тождественные образования, отличающиеся глухостью-звонкостью, мягкостью-твёрдостью (в том числе ц/ць, ш/щ), чередованием ц/ч, удлинением согласного. Вариантами также считаются слова с чередованиями безударных гласных А/О, Е/И, Е/О(Ё); слова с чередованиями А/Е после шипящих; слова, заканчивающиеся на -ЬЕ/-ИЕ.

Все эти варианты разрабатываются в одной словарной статье. При этом заголовочное слово даётся по орфографии, варианты даются за шпалами. Например:

БЕССТЫ́ДЕНКА, ж. Бессовестная женщина, бесстыдница. *Бессты́денки вы, се-го́дня мне достáлось хорошó, врать-то мо́жете, акимéнки сідя дбрым порятком, никуды́ не хóдя, оні хорошы́, а вы, бессты́денки, украли са́хар-то*. Ёркино. *Бессты́денка*. Кушкопала. *Бессты́денка, кы́ску му-*

цит. Сульца. □ Бессты́дѣнка. *Бессты́дѣнка, бессóвесна.* Кротово. □ Бессты́динка. *Рас укрáла у нас Дáмка, собáка, цыпѣнка кури́ного и принесла́ домóй, бессты́динка.* Сульца.

Если в иллюстрациях присутствуют два или более акцентологических варианта, а также варианты по мягкости-твёрдости, то такие варианты даются за знаком □, а в заголовок выносятся все формы.

БА́РАС, БАРА́С, м. Засохшая сосновая смола. □ Ба́рас. *Ба́рас-то сосновая се́ра.* Земцово. □ Барáс. *Иногда́ живни́цу не собира́ют, а о́сенью собира́ют барáс.* Нюхча. *Барáсом э́тот осмóл называ́ют. Ско́блят его сажэ́ни две-три. Со́сну потсека́ют, смола патецо́ и засты́гнэ, осмóлом зовут. Соберу́т осмóл – барáс бу́дэ зва́цца.* + *Барáс ко́цькают в бо́цьки ис сосно́вого ле́са. Барас ко́цькают рас 18 с со́син. Бо́цьки под барáс де́лают из сосно́вых до́сок.* Шардонемь.

БА́ЕНКА и БА́ЕНЬКА □ Ба́енка. □ Ба́енька.

БА́ЙНА и БА́ЙНЯ □ Байна. □ Байня.

Сочетаемость

В словаре устойчивые словосочетания, фразеологизмы, идиомы и т.п. подаются за знаком ◇. Также за знаком ◇ показывается грамматическая сочетаемость. За знаком ◇ с пометой «В сравн.» показывается сравнительный оборот.

Устойчивое словосочетание помещается в словарной статье или в конце значения, если словосочетание семантически тесно связано с определённым значением; или даётся отдельным абзацем за цифрой с толкованием (когда того требует семантика) либо без него; или разрабатывается в отдельной словарной статье сразу за заголовочным словом.

БОЛВА́Н, м. 1. Обрубок дерева, чурка. *Болва́ны-те из лесу вы́везет, из берёзы.* Похурово. ◇ *В сравн. О́бе мы вдрук заболéли во́спной. Говори́ть-то мо́гла, то́лько фся фспузыре́ла, расту́хла как болва́н. Какá-то погово́рка така́ пустá была́, ска́жут, как болва́н.* Кулой.

2. ◇ **Болва́н неотёсанный.** Бестолковый, глупый человек. *Болва́н неотёсанный, сло́во-то не допыта́есе.* Кеврола.

БА́РХАТ, м. ◇ **Цѣ́рный бархат.** Фольк. Эпитет бархата. *Ехал собака да по цисту полю; Не доехал он до Киева за три попри́ця; Становил он шатры да шатры цѣ́рные, Ишиэ́ цѣ́рны шатры да цѣ́рного бархату.* Городец, БП, 75, 51–54.

Лингвогеографическое описание пинежских говоров

Для работы с диалектными данными, а также для представления готовых результатов описания пинежских говоров в электронном виде была создана лингвогеографическая система в виде сайта, размещённого в сети Интернет (www.lingvogeo.ru) [16]. Основные задачи, которые призвана решать данная лингвогеографическая система, следующие:

- 1) представление в электронном виде словарных материалов «Словаря пинежских говоров»;
- 2) общее представление материалов диалектных словарей Северо-Запада;
- 3) возможность поиска в представленном корпусе словарных материалов по различным критериям;
- 4) создание карт, на которых будут указаны места бытования слов, зафиксированные в загруженных в систему словарях.

Кроме представления диалектных материалов в текстовом виде система позволяет создавать интерактивные карты с маркерами, показывающими диалектные данные в выборке.

Технически система основана на программе управления контентом (CMS) Drupal, версии 9, бесплатной, свободно распространяемой системе. В разделах сайта представлена информация об авторском коллективе, готовые карты в электронном виде, литература по тематике пинежских говоров. Основной раздел лингвогеографической системы разбит на две части, в первой («Лингвогеографическая база диалектных словарей», «Таксономия

Диалектные словари

Выв. Title Статья Цитата Словарь Идеография (field_adres: Content) Район (field_adres: Content) Нас. пункт
 Select the fields you want to display.

Тип места:
 Словарь:
 Идеография:
 Грам-ка:
 Фонетика:

Область:
 Район:
 Насел. пункт:
 Приставка:
 Корень:

Суффикс:
 Окончание:

Выв.	Статья ▲	Цитата	Словарь	Идеография	Район	Нас. пункт
*	АЖНО АЖНО, част. Аж, даже. Дыбун, мо́кро ме́сто ды́блется, а́жно кача́ешься на нём. Почезерье.	Дыбун, мо́кро ме́сто ды́блется, а́жно кача́ешься на нём. Почезерье.	СПИНГ	990400 В частицы	Пинежский р-н	Почезерье
*	АЖНО АЖНО, част. Аж, даже. Дыбун, мо́кро ме́сто ды́блется, а́жно кача́ешься на нём. Почезерье.	Дыбун, мо́кро ме́сто ды́блется, а́жно кача́ешься на нём. Почезерье.	СПИНГ	990400 В частицы	Пинежский р-н	
*	АЛЕНЬКИЙ АЛЕНЬКИЙ и АЛЕНЬКОЙ, ая, ое. То же, что Алой. Борáшки, лопу́шнички та́ки а́леньки, они созре́ют — их на лека́рско беру́т. Кра́сь кра́сиво. Долги́-то сла́деньки. Церкова Гора. □ Аленькой. Сарафа́н тый а́ленькой. Немнюга. Сарафан б́у́ а́ленькой. Остров. Шшэ́йшник, цвето́чек а́ленькой, я́годы у нас борáшком зову́т, пойдё́м борáшки собира́ть. Сульца.	Борáшки, лопу́шнички та́ки а́леньки, они созре́ют — их на лека́рско беру́т. Кра́сь кра́сиво. Долги́-то сла́деньки. Церкова Гора.	СПИНГ	874600 D цвет	Пинежский р-н	Церкова Гора

Рис. 7. Первая часть лингвогеографической системы

общая», «Обратный индекс», «Таксономия пинежских говоров») диалектные материалы, касающиеся севернорусских говоров, представлены в виде словарных статей; во второй части («Карта», «Карта (Leaflet – OSM)») эти диалектные материалы даны в виде электронных карт. В качестве материалов были использованы размеченные словарные статьи из первого выпуска «Словаря пинежских говоров», а также материалы диалектных словарей севернорусских говоров. Привлечение сторонних материалов из других словарей помогает исследователям сформировать более полную картину бытования диалектных слов в лингвистическом пространстве Русского Севера и конкретно в пинежском ареале.

С помощью поисковой системы можно создавать сложные запросы по различным

критериям. Учитываются следующие критерии (рис. 7):

- ♦ тип места (область, район, населённый пункт), в разных диалектных словарях указывается разный тип места фиксации слова;
- ♦ словарь (сводный «Словарь русских народных говоров» [8], более десятка словарей разных говоров севернорусского наречия, Лексический атлас Архангельской области [17] и др.);
- ♦ идеография (данный раздел выборочно представляет различные тематические группы лексики; за основу деления материала была взята «Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» [18]);
- ♦ грамматика (указывается общее деление по частям речи);

- ◆ фонетика (указываются некоторые диалектные черты, распространённые в пинежских говорах).

Следующие разделы относятся к географической привязке слова:

- ◆ область (представлены области, относящиеся полностью или частично к Северо-Западу России);
- ◆ район (по современному административному делению на районы);
- ◆ населённый пункт.

Следующий раздел характеризует словообразовательную модель слова:

- ◆ приставка;
- ◆ корень;
- ◆ суффикс;
- ◆ окончание.

Подобное комплексное представление критериев выбора слова позволяет строить сложные поисковые запросы по различным темам, интересующим широкий круг исследователей диалектной лексики. Раздел «Таксономия общая» отображает общий список всех заголовочных слов

словарных статей, загруженных в систему. При нажатии на конкретную лексему будут продемонстрированы все цитаты в словарных статьях на данное слово с отображением населённого пункта (если он указан в материалах) на карте. В разделе «Обратный индекс» воспроизведена такая же организация материала, как и в предыдущем разделе, но материал организован с учётом алфавитного порядка заголовочных слов, начинающегося с конца слова. В разделе «Таксономия пинежских говоров» даны не заголовочные слова словарных материалов, а диалектные слова, встречающиеся в цитатах, которые могут быть представлены или не представлены в качестве отдельных словарных статей.

Следующие два раздела («Карта» и «Карта (Leaflet – OSM)») имеют одинаковый функционал, но отличаются технической реализацией подачи электронных карт. Первый раздел использует карты Google, второй – OSM. В левой части карты при-

Статья	Статья
АВАНЕЦ	АВАНЕЦ (АВАНЕС, ОВАНЕС, ОВАНЕЦ), -нца (-нцу, -нса), м., нов. Зарплата за первую половину месяца, аванс.Сегодня-то получка, не ованец. ОНЕЖ. Трч. Сразу получаете или сначала ованец? ВИН. Брк. Десять рублей ованцу. ХОЛМ. Кзм. Дваццатого жывё аванец. ВИН. Мрж. Ованес должан быть ужэ. МЕЗ. Крп. ШЕНК. Ктж. ПИН. Кш. ЛЕШ. Вжг. / Задаток. Аванец капитану дали. ПИН. Влд. Матери сказывайтесь, когда аванес берёте, сколько берёте. ХОЛМ. Сия. НЯНД. Мш. о С АВАНСОМ. В состоянии беременности до брака. А сейчас зачастую с авансом замуш выходят. И чеяэ говорят: с авансом-то выходит. ПРИМ. ЗЗ.
	АВАНЕЦ (АВАНЕС, ОВАНЕС, ОВАНЕЦ), -нца (-нцу, -нса), м., нов. Зарплата за первую половину месяца, аванс.Сегодня-то получка, не ованец. ОНЕЖ. Трч. Сразу получаете или сначала ованец? ВИН. Брк. Десять рублей ованцу. ХОЛМ. Кзм. Дваццатого жывё аванец. ВИН. Мрж. Ованес должан быть ужэ. МЕЗ. Крп. ШЕНК. Ктж. ПИН. Кш. ЛЕШ. Вжг. / Задаток. Аванец капитану дали. ПИН. Влд. Матери сказывайтесь, когда аванес берёте, сколько берёте. ХОЛМ. Сия. НЯНД. Мш. о С АВАНСОМ. В состоянии беременности до брака. А сейчас зачастую с авансом замуш выходят. И чеяэ говорят: с авансом-то выходит. ПРИМ. ЗЗ.

Рис. 8. Вторая часть лингвогеографической системы

ведены критерии поискового запроса, аналогичные критериям, указанным в разделе «Лингвогеографическая база диалектных словарей». В нижней части, под картой, воспроизводятся найденные диалектные материалы в виде словарных статей. Диалектные материалы представлены на карте в виде маркеров или в виде ареала (используется современное административное деление на границы и области) (рис. 8).

Созданная лингвогеографическая система помогает исследователям в совместной удалённой работе над созданием диалектных словарей и атласов говоров как Пинежья, так и всего ареала Северо-Запада России. А подготовка электронной версии этого ценного источника и его издание введут этот крайне важный для диалектологов, этнографов и историков источник в широкий научный обиход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глушкина, Л.И. Ивашко, А.И. Корнев, И.С. Луговина и др. Вып. 1–28. Л.; СПб., 1967–2020.
2. Диалектный словарь Нижегородской области / Сост.: Л.А. Климкова, Н.В. Казанцева, Е.А. Колтунова, М.А. Агапова, И.В. Толкачёва. Вып. 1–2. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2013–2014.
3. Словарь курских говоров / Науч. ред. Т.А. Пименова. Вып. 1–5. Курск: Изд-во КГУ, 2004–2014.
4. Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И.И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011.
5. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецово́й, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–22. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова; Наука, 1980–2021.
6. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885.
7. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018.
8. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.–СПб., 1965–2021.
9. Сими́на Г.Я. Говор Пинежья (краткий очерк по материалам диалектологических экспедиций ЛГУ в Пинежский район Архангельской области) // Учёные записки Ленингр. ун-та. № 322. Серия филол. наук. Вып. 68. Л.: Ленингр. ун-т, 1963. С. 171–184.
10. Сими́на Г.Я. Литературная лексика в системе диалекта (Фонетическая адаптация заимствованных из литературного языка слов) // Вестник Ленингр. ун-та. История, язык, литература. Вып. 4. Л.: Ленингр. ун-т, 1968. С. 127–137.
11. Сими́на Г.Я. Пинежье: Очерки по морфологии пинежского говора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
12. Сими́на Г.Я. Пинежский говор: Материалы по русской диалектологии. Калининград: Калининградский гос. пед. ун-т, 1976.
13. Левичкин А.Н., Крылова О.Н., Гайдамашко Р.В. Фольклорные материалы Пинеги. Загадки о природе // Севернорусские говоры. 2019. Вып. 18. С. 277–297.
14. Левичкин А.Н., Крылова О.Н., Гайдамашко Р.В. Фольклорные материалы Пинеги II. Загадки о материальной культуре // Севернорусские говоры. 2020. Вып. 19. С. 261–278.
15. Словарь пинежских говоров. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Левичкин. СПб.: ИЛИ РАН, 2019.
16. URL: <http://www.lingvogeо.ru> (дата обращения: 10.02.2022).
17. Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1994.
18. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: В 2 ч. / Отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994.

Lexical System of Pinega Dialects

Alexander Nikolayevich Levichkin – PhD in Linguistics; Senior Researcher, Russian Dialect Lexicography and Linguistic Geography Division, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Project Leader, Lexical System of Pinega Dialects (17-29-09039).

E-mail: alevi66@gmail.com

Roman Valentinovich Gaidamashko – PhD in Linguistics, Senior Researcher, Russian Dialect Lexicography and Linguistic Geography Division, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Associate Prof., Institute of the Peoples of the North, Herzen University; Senior Researcher, Linguistic Platforms Laboratory, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences; Project Member, Lexical System of Pinega Dialects.

E-mail: gaidamashko@gmail.com

Olga Nikolayevna Krylova – PhD in Linguistics; Academic Secretary, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Project Member, Lexical System of Pinega Dialects.

E-mail: krylova_olga2004@mail.ru

This article presents the findings of the Lexical System of Pinega Dialects project implemented by a team of authors at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.

The study of Russian dialects remains a topical issue. New dialect dictionaries continue to appear, presenting the vocabularies of Russian dialects recorded in the past and present but not yet lexicographically described.

Modern dialects are an important source of language history information. Furthermore, different dialects may reflect language evolution in different ways. This description of dialects of the Pinega area adds to our understanding of Linguistics and dialect studies in particular. These dialects are an intriguing research target due to their peripheral geographical location and language contacts with Finno-Ugric languages.

The release of Pinega Dialect Dictionary will help clarify certain issues and aid compiling other similar dictionaries.

Keywords: dialectology, Pinega dialects, dialect dictionary, linguogeography, electronic maps

REFERENCES

1. Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi / Red. A.I. Lebedeva, O.S. Mzhel'skaya, S.M. Gluskina, L.I. Ivashko, A.I. Kornev, I.S. Lutovinova i dr. Vyp. 1–28. L.; SPb., 1967–2020 (in Russian).
2. Dialektnyi slovar' Nizhegorodskoi oblasti / Sost.: L.A. Klimkova, N.V. Kazantseva, E.A. Koltunova, M.A. Agapova, I.V. Tolkachyova. Vyp. 1–2. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2013–2014 (in Russian).
3. Slovar' kurskikh govorov / Nauch. red. T.A. Pimenova. Vyp. 1–5. Kursk: Izd-vo KGU, 2004–2014 (in Russian).
4. Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia / Gl. red. I.I. Rusinova. Vyp. 1. Perm', 2011 (in Russian).
5. Arkhangel'skii oblastnoi slovar' / Pod red. O.G. Getsovoi, E.A. Nefedovoi. Vyp. 1–22. M.: Izd-vo Mos. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova; Nauka, 1980–2021 (in Russian).
6. Podvysotskii A. Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1885 (in Russian).

7. Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. A.K. Matveeva, M.E. Rut. T. 1–7. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2001–2018 (in Russian).
8. Slovar' russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. Vyp. 1–52. M.; L.–SPb., 1965–2021 (in Russian).
9. Simina G.Ya. Govor Pinezh'ya (kratkii ocherk po materialam dialektologicheskikh ekspeditsii LGU v Pinezhskii raion Arkhangel'skoi oblasti) // Uchyonye zapiski Leningr. un-ta. № 322. Seriya filol. nauk. Vyp. 68. L.: Leningr. un-t, 1963. S. 171–184 (in Russian).
10. Simina G.Ya. Literaturnaya leksika v sisteme dialekta (Foneticheskaya adaptatsiya zaimstvovannykh iz literaturnogo yazyka slov) // Vestnik Leningr. un-ta. № 20. Istoriya, yazyk, literatura. Vyp. 4. L.: Leningr. un-t, 1968. S. 127–137 (in Russian).
11. Simina G.Ya. Pinezh'e: Ocherki po morfologii pinezhskogo govora. L.: Izd-vo LGU, 1970 (in Russian).
12. Simina G.Ya. Pinezhskii govor: Materialy po russkoi dialektologii. Kaliningrad: Kaliningradskii gos. ped. un-t, 1976 (in Russian).
13. Levichkin A.N., Krylova O.N., Gaidamashko R.V. Fol'klornye materialy Pinegi. Zagadki o prirode // Severnorusskie govory. 2019. Vyp. 18. S. 277–297 (in Russian).
14. Levichkin A.N., Krylova O.N., Gaidamashko R.V. Fol'klornye materialy Pinegi II. Zagadki o material'noi kul'ture // Severnorusskie govory. 2020. Vyp. 19. S. 261–278 (in Russian).
15. Slovar' pinezhskikh govorov. Vyp. 1 / Otv. red. A.N. Levichkin. SPb.: ILI RAN, 2019 (in Russian).
16. URL: <http://www.lingvogeо.ru> (data obrashcheniya: 10.02.2022).
17. Komyagina L.P. Leksicheskii atlas Arkhangel'skoi oblasti. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomorsk. ped. un-ta, 1994 (in Russian).
18. Programma sobiraniya svedenii dlya Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov: V 2 ch. / Otv. red. I.A. Popov. SPb.: ILI RAN, 1994 (in Russian).

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Индекс УДК 373.29

Код ГРНТИ 15.31.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-121-133

**А.Н. ВЕРАКСА,
Е.С. ОЩЕПКОВА,
Д.А. БУХАЛЕНКОВА***

Взаимосвязь когнитивной гибкости и развития связной речи у дошкольников (на материале рассказов старших дошкольников)

Взаимосвязь между регуляторными функциями и развитием связной монологической речи активно изучается в мировой педагогической психологии, однако в нашей стране такие исследования только начинаются. В данном исследовании у 279 детей 5–6 лет были оценены уровень развития когнитивной гибкости, невербальный интеллект, а также их способность к порождению связной монологической речи. Целью исследования стало изучение значимых предикторов развития связной речи у дошкольников на примере нарративов. В детских нарративах можно выделить макро- и микроструктуру. Макроструктура включает такие характеристики, как длина истории, её полнота, адекватность, структура и тип нарратива, т.е. структурные параметры нарратива как связного и цельного высказывания. Отдельные языковые аспекты (фонетика, словарный запас, морфология и синтаксис) выступают в качестве составляющих микроструктуры нарратива.

Результаты исследования показали, что существует значимая корреляция когнитивной гибкости и параметров макроструктуры, в то время как составляющие микроструктуры связаны с данной регуляторной функцией в гораздо меньшей степени.

* **Веракса Александр Николаевич** — академик РАО, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, заместитель директора Психологического института РАО, руководитель проекта «Взаимосвязь развития речи детей дошкольного возраста со становлением регуляторных функций и общением со взрослым: лонгитюдное исследование» (17-29-09112).

E-mail: veraksa@yandex.ru

Ощепкова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: maposte06@yandex.ru

Бухаленкова Дарья Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Дети, успешно выполнившие самое сложное задание теста на когнитивную гибкость, были намного успешнее и в создании нарративов. Результаты теста на невербальный интеллект показали, что оба показателя (невербальный интеллект и когнитивная гибкость) могут считаться предикторами уровня сложности структуры нарратива. Результаты исследования могут применяться для улучшения когнитивного развития детей и успешной подготовки к школе.

Ключевые слова: дошкольный возраст, когнитивное развитие, регуляторные функции, когнитивная гибкость, развитие речи, создание нарративов

В отечественной педагогической психологии многие годы разрабатывается концепция Л.С. Выготского [1], согласно которой знак (прежде всего, вербальный) является основным инструментом формирования высших психических функций и саморегуляции [2]. При этом регуляторные функции (РФ) как отдельный феномен в нашей стране изучаются не так давно [3], но уже успели показать свою эвристическую ценность [4].

Как регуляторные функции, так и речь являются ключевыми факторами успешности обучения на протяжении всего периода детства [5], но наибольшее значение они приобретают в контексте готовности к школе [6]. Поэтому следующим логическим шагом стали поиски взаимосвязи между развитием речи и РФ. В частности, были получены данные о взаимосвязи регуляторных функций и овладения грамотностью у детей 5–7 лет [7]. Неоднократно было доказано, что из всех компонентов регуляторных функций именно рабочая память сильнее всего связана с развитием речи [8], но это не значит, что такой связи не существует для когнитивной гибкости и сдерживающего контроля [9]. Однако данные о взаимосвязи когнитивной гибкости и развитии речи весьма ограничены и противоречивы [10]. Более того, информация об отношениях между когнитивной гибкостью и развитием речи русскоговорящих детей практически отсутствует.

Настоящее исследование призвано заполнить эту лакуну. Нами изучалась связь

когнитивной гибкости (как компонента регуляторных функций) и навыков устного изложения у детей 5–6 лет. Кроме того, в этом контексте закономерно возникает ещё один вопрос: существуют ли какие-либо факторы, способные объяснить взаимосвязь между регуляторными функциями и развитием речи? Например, невербальный интеллект, измеряемый посредством матриц Равена? Наше исследование было призвано обозначить вклад каждого фактора в развитие способности детей порождать связное монологическое высказывание на материале нарративов.

Когнитивная гибкость

В настоящем исследовании когнитивная гибкость рассматривается как компонент регуляторных функций. Согласно модели А. Мияке, они состоят из трёх основных компонентов: рабочей памяти, сдерживающего контроля и когнитивной гибкости [11]. Несмотря на то, что изначально эта модель основывалась на результатах исследований, проведённых с участием взрослых, правомерность её использования для описания развития РФ у детей была неоднократно подтверждена [12, 13].

Когнитивная гибкость связана со способностью переключаться с одного правила на другое либо «между заданиями или психологическими установками» [11]. Одной из характеристик когнитивной гибкости является способность переключаться между точками зрения на объект или ситуацию (т.е. видеть её с позиции другого).

Ещё один важный компонент когнитивной гибкости включает в себя изменение того, как мы думаем о задаче и способах её решения. Эта способность основывается на других двух компонентах РФ – рабочей памяти и сдерживающем контроле – и возникает в процессе развития ребёнка несколько позже [12]. Например, трёхлетний ребёнок не способен выйти за рамки его/её восприятия задания и менять точку зрения, чтобы, допустим, в задании на сортировку карточек переключаться между критериями сортировки [14]. Только в возрасте 4–5 лет большинство детей обретает этот навык, необходимый для успешного выполнения Задания 1 теста на сортировку карточек [15].

Развитие речи

Развитие речи подразумевает формирование целого ряда навыков. Ребёнок постепенно овладевает звуками родного языка, узнаёт, что сочетанием звуков (словом) можно заменить ситуацию или предмет, затем от односложных голофраз его речь постепенно дифференцируется, уточняется, усложняется [16].

Самой сложной формой речи является связная монологическая речь, которая предстаёт в формах нарративов, аргументативов, дескриптивов [17]. Из трёх жанров связной речи для детей дошкольного возраста доступны прежде всего нарративы, т.е. рассказы о последовательности событий, истории. Другие жанры появляются позже [18]. Нарративы как первый вид монологической связной речи возникают в возрасте 5–6 лет и продолжают развиваться на протяжении всего периода взросления [18]. Нарративы могут строиться на уже готовых историях (пересказ), картинке или серии картинок, а также на базе конкретной ситуации [19].

Нарратив, как и любая форма речи, предполагает развитие всех аспектов языка: фонетики, словарного запаса, грамматики, однако не сводится к ним. То, что отличает связный текст от набора предложений, получило название «критериев

текстуальности» и активно изучалось как в нашей стране, так и за рубежом [20]. Выделялось различное количество критериев текстуальности, однако связность и цельность (когезия и когерентность) остаются постоянными во всех подходах [20]. И если связность осуществляется с помощью лингвистических средств (лексики и грамматики, особенно союзов и частиц), то цельность относится к общей структуре рассказа и является психологической характеристикой [21]. В отечественной психолингвистике [22] цельность детских рассказов описывается через такие критерии, как смысловая полнота, смысловая адекватность, программирование и другие. В мировой практике распространение получил нарративный подход, где выделяются микро- и макроструктура нарратива [23]. Фонетика, словарный запас, морфология и синтаксис представлены на уровне слов и предложений, так что они составляют микроструктуру нарратива. Макроструктуру формируют такие аспекты, как тип и структура нарратива, а также объём текста [23].

Взаимосвязь когнитивной гибкости и развития речи

Исследования в мировой психологии и психолингвистике доказали существование значимой связи между речевыми навыками и РФ у детей [24]. Большинство из них выявили взаимосвязь между рабочей памятью и уровнем развития речи. Тем не менее отношения между когнитивной гибкостью, сдерживающим контролем и развитием речи остаются до конца не выясненными. В нашей же стране проблематика взаимосвязи регуляторных функций и речевого развития только начинает изучаться.

В зарубежных исследованиях был выявлен ряд косвенных показателей взаимосвязи развития регуляторных функций и различных аспектов речевого развития. Например, Б. Узундаг и А. Кюнтай [25] доказали, что у пятилетних детей уровень развития РФ (в том числе когнитивной гиб-

кости) имел существенное значение для референциальной коммуникации. Р. Гиллис и Е. Нильсен [26] обнаружили, что дошкольники с более высоким уровнем когнитивной гибкости успешнее идентифицировали двусмысленность в высказываниях. П. Слот и А. фон Суходолец [9] смогли проанализировать взаимосвязь речевого развития и регуляторные функции (включая когнитивную гибкость) у дошкольников в возрасте 31–50 месяцев. В этом исследовании РФ оказались связаны с такими речевыми индикаторами, как словарный запас и грамматика. Исследователи сделали вывод, что эта связь была двусторонней: развитие речи влияло на уровень РФ и наоборот.

Итак, проведённый нами анализ литературы показал, что существует взаимосвязь между РФ и развитием речи. Однако конкретных исследований об отношениях между когнитивной гибкостью и созданием нарративов на данный момент нет. При этом остаются открытыми следующие вопросы: 1) существует ли значимая взаимосвязь между развитием речи и когнитивной гибкостью? 2) существует ли связь между когнитивной гибкостью и параметрами нарратива как связной монологической речи?

Цели и гипотезы

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи между когнитивной гибкостью и созданием нарративов у дошкольников. В соответствии с результатами предыдущих исследований [9] мы ожидали обнаружить корреляцию между этими параметрами. Была выдвинута гипотеза о том, что когнитивная гибкость связана не только с макроструктурой нарратива (длиной, количеством слов, соответствием структуре нарратива, смысловой адекватностью и т.д.), но и с его микроструктурой (лексическим и грамматическим аспектами). В качестве побочной переменной выступил невербальный интеллект (оценивался по матрицам Равена).

Методики и процедура исследования

В исследовании участвовали 283 ребёнка. Данные четырёх детей были исключены из итогового анализа. Окончательная выборка состояла из 279 монолингвальных детей с типичным развитием (без задержек в развитии речи и когнитивном развитии) 5–6 лет ($M = 5,6$ лет; $Sd = 0,48$). Дети посещали различные детские сады Москвы. Среди них было 139 мальчиков и 140 девочек.

Оценка когнитивной гибкости

Для оценки когнитивной гибкости использовался тест на сортировку карточек [14]. В рамках этой методики ребёнок должен сортировать карточки с изображением красных зайчиков и синих лодок. Сначала он сортирует шесть карточек по одному признаку (цвету), потом ещё шесть — по другому (форме) изображения. В третьем задании ребёнок должен следовать более сложному правилу, где подключается дополнительный фактор — карточки с рамкой и без [14]. Выполнение задания с рамкой оценивается по шкале от 1 до 12, где каждому правильному ответу присваивается один балл. Считается, что ребёнок справился с заданием, если 9 из 12 проб пройдены успешно. Для всех трёх заданий определяется коэффициент успешности (максимальное значение 24).

Тест на сортировку карточек — это лёгкая в проведении методика, которая широко используется для измерения уровня когнитивной гибкости детей в раннем возрасте [12]. Методика была адаптирована в России [4, 13]. Основным преимуществом этого теста является то, что сложности при его выполнении не могут быть объяснены проблемами с рабочей памятью относительно соответствующих правил [14].

Оценка развития речи

Для создания нарративов использовались две основные методики, стандартно применяемые для решения такого рода задач:

1) Методика «Пересказ»: в данном исследовании мы выбрали басню Л.Н.Толстого «Галка и голуби» [22]. Текст читался один, два или три раза, в зависимости от способности ребёнка к пересказу.

2) В методике «Создание истории по картинке / серии картинок» [22] использовалась одна или две серии картинок («Разбитая чашка», «Кошка и собака», «Башня»). От детей требовалось расположить изображения в правильном порядке, чтобы воссоздать последовательность событий и сочинить историю о том, что случилось.

В данных заданиях на развитие речи, во-первых, анализировались следующие лингвистические переменные: параметры макроструктуры (смысловая полнота, смысловая адекватность, программирование, количество слов, количество синтагм (значимых словосочетаний) и простых предложений) [22], тип нарратива (полноценный, упрощённый или искажённый) и соответствие структуре нарратива [27]. Во-вторых, анализировались переменные, связанные с микроструктурой: лексическое (насколько правильно ребёнок употребляет слова) и грамматическое оформление и синтаксические пропуски («проглатывает» ли ребёнок значимые части предложения) [23].

Рис. 1. Разбитая чашка

Рис. 2. Кошка и собака

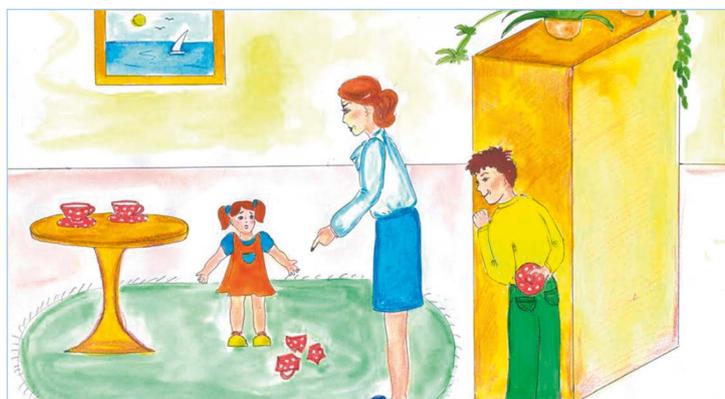

Рис. 3. Башня

Оценка невербального интеллекта

Мы приняли невербальный интеллект в качестве побочной переменной. Невербальный подвижный интеллект измерялся с помощью прогрессивных матриц Равена [28]. В задание входили три набора матриц, каждая из которых состоит из 12 изображений. Тестирование проводилось индивидуально. Временные ограничения

не устанавливались, но беседа прекращалась, если ребёнок выбирал четыре неправильных варианта ответа подряд. Затем считался коэффициент успешности (максимум 36).

Процедура

Все тестирования проводились во второй половине учебного года в ходе двух индивидуальных встреч, каждая из кото-

Таблица 1

**Корреляция лингвистических переменных и когнитивной гибкости
у дошкольников (критерий Пирсона)**

Лингвистические переменные	Разбитая чашка	Кошка и собака	Башня	Пересказ
Макроструктура				
Смысловая полнота	0,190**	0,111	0,118	0,208**
Смысловая адекватность А***	-0,183**	-0,079	-0,142*	—
Общая смысловая адекватность***	—	—	—	-0,206**
Программирование***	-0,167**	-0,088	-0,108	-0,196**
Количество слов	0,138*	-0,024	-0,05	0,202**
Количество синтагм	0,142*	-0,044	-0,013	0,224**
Количество простых предложений	0,119*	-0,001	-0,036	0,223**
Структура нарратива	0,132*	0,122*	0,133*	0,136*
Тип нарратива	0,151*	0,088	0,082	0,146*
Микроструктура				
Грамматическое оформление***	-0,03	-0,022	-0,050	-0,114
Лексическое оформление***	-0,107	0,018	-0,153*	-0,104
Синтаксические пропуски	0,039	-0,017	-0,138*	—

* $p < 0,05$ (двусторонний);

** $p < 0,01$ (двусторонний), статистически значимые корреляции выделены **жирным шрифтом**.

***Высокие показатели указывают на низкую успешность выполнения.

рых продолжалась 20–25 минут. Исследование проводилось в тихом помещении в детском саду, который посещал ребёнок. Рассказы участников записывались на диктофон.

Результаты

Корреляционный анализ когнитивной гибкости и навыков устной речи у дошкольников

На первом этапе был выполнен корреляционный анализ показателей развития устной речи, полученных при выполнении четырёх заданий, и общей суммы баллов по тесту с сортировкой картинок (табл. 1).

Согласно полученным данным, самое большое число корреляций между когнитивной гибкостью и лингвистическими переменными было обнаружено в заданиях «Разбитая чашка» и «Пересказ». Также стоит отметить, что большинство корреляций зарегистрировано именно с макроструктурными показателями, притом что со словарным запасом и грамматически-

ми характеристиками связи практически не обнаружено.

Различия в развитии устной речи у дошкольников с разным уровнем развития когнитивной гибкости

На первом этапе анализа мы изучили согласованность четырёх историй (пересказ и три нарратива, созданные по картинкам) и 12 лингвистических переменных. По всем параметрам Альфа Кронбаха была выше 0,50. Затем мы вычислили общий показатель по всем четырём нарративам для каждой лингвистической переменной.

На втором этапе анализа мы сравнили (с помощью критерия Стьюдента) показатели по лингвистическим переменным детей, которые справились с третьим заданием теста с сортировкой карточек (67 участников), и тех, кто с ним не справился (получил менее 9 баллов) (209 детей) (табл. 2).

Дети, успешно справившиеся с третьим заданием на сортировку (карточки с рамками и без), создали намного больше историй,

Таблица 2

Различия в лингвистических переменных у дошкольников, которые успешно выполнили третье задание на сортировку карточек, и тех, кто с ним не справился

Лингвистические переменные	Дети, которые не справились с третьим заданием		Дети, которые справились с третьим заданием		Критерий Стьюдента	Уровень значимости
	Среднее	Ст. отклонение	Среднее	Ст. отклонение		
Макроструктура						
Смысловая полнота	54,93	18,91	64,16	17,12	-3,557	0,000
Смысловая адекватность А*	5,01	1,81	4,46	1,65	2,198	0,029
Общая смысловая адекватность*	10,90	3,57	9,84	3,37	2,159	0,032
Программирование*	7,64	2,15	6,99	1,80	2,24	0,026
Количество слов	71,13	31,51	79,48	29,02	-1,922	0,056
Количество синтагм	19,17	7,82	21,75	7,57	-2,366	0,019
Количество простых предложений	14,02	5,16	15,43	4,82	-1,975	0,049
Структура нарратива	1,97	1,47	2,79	1,55	-3,950	0,000
Тип нарратива	2,06	1,49	2,61	1,55	-2,607	0,010
Микроструктура						
Грамматическое оформление*	5,24	2,05	4,96	1,96	0,999	0,319
Лексическое оформление*	7,30	2,12	6,87	1,91	1,481	0,140
Невербальный интеллект	11,45	6,202	17,06	7,393	-6,173	0,000

* Высокие показатели указывают на низкую успешность выполнения.

которые были и адекватны, и закончены в смысловом плане. У них были более высокие показатели программирования, они использовали большее количество предложений и синтагм — по сравнению с детьми, которые с этим заданием не справились. Более того, дети, успешно выполнившие третье задание, создавали намного меньше искажённых нарративов. В то же время значимых различий в грамматическом и лексическом оформлении нарративов у этих двух групп не наблюдалось.

Важно отметить, что дети, успешно выполнившие третье задание, в целом обладали существенно более высоким уровнем невербального интеллекта, чем участники, не справившиеся с задачей. В связи с этим следующий этап анализа был призван оценить вклад интеллекта и когнитивной гибкости в создание нарративов.

Регрессионный анализ показателей когнитивной гибкости, интеллекта и навыков устной речи у дошкольников

Мы использовали линейный регрессионный анализ (метод включения всех переменных) для определения самого влиятельного предиктора для показателей создания нарративов у дошкольников: уровень невербального интеллекта или когнитивная гибкость (табл. 3).

Было обнаружено, что когнитивная гибкость действительно является предиктором для таких лингвистических переменных, как смысловая полнота (общая) и смысловая адекватность, программирование, количество слов, синтагм и предложений. В то же самое время уровень развития невербального интеллекта с этими переменными не связан. Оба показателя (невербальный интеллект и когнитивная

Таблица 3

**Регрессионные модели зависимости лингвистических параметров
от невербального интеллекта и когнитивной гибкости**

Лингвистические переменные	Характеристики модели			Регрессионная модель					
	R	ANOVA		Констант		Невербальный интеллект		Когнитивная гибкость	
		F	P	t	p	t	p	t	p
Макроструктура									
Смысловая полнота	0,252	9,238	0,000	3,624	<0,001	1,115	0,266	3,692	<0,001
Смысловая адекватность A*	0,145	2,923	0,055	9,222	<0,001	-0,024	0,981	-2,32	0,021
Общая смысловая адекватность*	0,159	3,548	0,030	10,104	<0,001	-0,527	0,599	-2,370	0,018
Программирование*	0,152	3,226	0,041	11,31	<0,001	-0,947	0,345	-2,011	0,045
Количество слов	0,158	3,481	0,032	3,313	0,001	-0,345	0,731	2,611	0,01
Количество синтагм	0,178	4,456	0,012	3,41	0,001	-0,169	0,866	2,914	0,004
Количество простых предложений	0,171	4,102	0,018	4,303	<0,001	-0,632	0,528	2,86	0,005
Структура нарратива	0,258	9,774	0,000	0,036	0,971	2,54	0,012	2,793	0,006
Тип нарратива	0,198	5,580	0,004	0,623	0,534	1,362	0,174	2,566	0,011
Микроструктура									
Грамматическое оформление*	0,206	6,068	0,003	7,165	<0,001	-3,415	0,001	0,267	0,79
Лексическое оформление*	0,138	2,635	0,074	9,904	<0,001	-1,921	0,056	-0,687	0,493

* Высокие показатели указывают на низкую успешность выполнения.

гибкость) можно считать предикторами качества структуры нарратива. Более того, только показатели когнитивной гибкости способны повлиять на тип нарратива. Уровень развития невербального интеллекта напрямую влияет на грамматическое оформление, в то время как лексическая правильность не связана ни с одним из рассматриваемых индикаторов.

Обсуждение результатов

В исследовании ставилась цель изучить взаимоотношения между когнитивной гибкостью и созданием нарративов в дошкольном возрасте. Мы выдвинули гипотезу о существовании корреляции между когнитивной гибкостью и макроструктурой нарративов, а также между когнитивной гибкостью и микроструктурой.

Как свидетельствуют полученные данные, наша гипотеза подтвердилась. Ког-

нитивная гибкость и создание нарративов дошкольниками действительно взаимосвязаны. Однако эта взаимосвязь была обнаружена именно между когнитивной гибкостью и параметрами макроструктуры нарратива. Более того, большая часть корреляций когнитивной гибкости и лингвистических переменных обнаружилась при выполнении заданий «Разбитая чашка» и «Пересказ». Мы предполагаем, что такие результаты были получены потому, что параметры макроструктуры нарратива намного сложнее, чем показатели микроструктуры. Как мы уже замечали ранее, структура нарратива появляется только в возрасте 5–6 лет и продолжает развиваться во взрослом возрасте [23]. Кроме того, по сути метод «Разбитая чашка» — это нарратив на базе одной картинки [29]. Этот тип нарратива сложнее, чем создание истории по серии картинок или пересказ [29].

Следовательно, мы можем утверждать, что в возрасте 5–6 лет дети, которые уже способны гибко следовать правилам, создают более сложные и адекватные истории, особенно в рамках более трудного задания.

Дети, не справившиеся с тестом на сортировку карточек, также были менее успешны с точки зрения макроструктуры нарративов, хотя значимых различий в показателях микроструктуры (лексических и грамматических) обнаружено не было. Полученные результаты можно интерпретировать на базе модели когнитивного развития, предложенной П. Зелазо [30]. Она называется «Уровни сознания» (англ. LOC) и предполагает, что «чёткое обозначение языка субъективного опыта позволяет рассматривать этот опыт на более высоком уровне сознания. Переход на следующий уровень, в свою очередь, позволяет делать гибкий выбор позиции и точки зрения, с которой будет осуществляться мышление» [30, р. 15]. Для нас стало неожиданностью практически полное отсутствие корреляций между когнитивной гибкостью и параметрами микроструктуры нарратива (лексическим и грамматическим оформлением). Возможно, причина в лёгкости заданий именно с точки зрения словарного запаса и грамматики или в том, что инструмент оценки предполагал присвоение всего лишь от 0 до 3 баллов по этим показателям.

Линейный регрессионный анализ (метод включения всех переменных) продемонстрировал, что когнитивная гибкость может считаться предиктором показателей по таким лингвистическим переменным, как смысловая полнота (общая) и смысловая адекватность, программирование, количество слов, синтагм и предложений. В то же время уровень невербального интеллекта для этих параметров предиктором не является. При этом оба показателя (невербальный интеллект и когнитивная гибкость) влияют на структуру нарратива, однако только когнитивная гибкость определяет его тип. Таким образом, в этом исследовании мы исключили влияние невербального интеллекта как

предиктора для макроструктуры нарратива. Однако по-прежнему сохраняется вероятность существования других побочных переменных. Например, А. Даймонд предполагает, что существует сильная корреляция между выполнением третьего задания теста с сортировкой карточек и моделью психического состояния [15]. Мы выдвинули гипотезу, что модель психического состояния (теория сознания) может считаться побочной переменной как для когнитивной гибкости, так и для создания нарративов, но проверка этого предположения требует дальнейшей исследовательской работы.

Заключение

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи когнитивной гибкости и создания нарративов у дошкольников. Мы предполагали, что будет обнаружена корреляция когнитивной гибкости и не только микро-, но и макроструктуры нарратива. В качестве побочной переменной использовался невербальный интеллект. Исследование подтвердило существование сильной корреляционной связи между когнитивной гибкостью и созданием нарративов у детей 5–6 лет, но при этом показатели макроструктуры нарративов с этим компонентом РФ связаны в намного меньшей степени. Дети с более низким уровнем развития когнитивной гибкости продемонстрировали соответствующие показатели при оценке макроструктуры их нарративов. Никаких значимых различий для параметров микроструктуры (грамматика и лексика) зарегистрировано не было. Мы выяснили, что когнитивная гибкость, в отличие от невербального интеллекта, может считаться предиктором для параметров макроструктуры детских нарративов.

Полученные результаты можно интерпретировать на базе модели когнитивного развития «Уровни сознания» (англ. LOC), предложенной П. Зелазо [30]. Мы продемонстрировали, что эта теория корректна, особенно в том, что касается сложных форм речи, в частности нарративов. Со-

гласно А. Даймонд [15], существует сильная корреляция между выполнением третьего задания теста с сортировкой карточек и моделью психического состояния. Мы предположили, что модель психиче-

ского состояния (теория сознания) может считаться побочной переменной как для когнитивной гибкости, так и для создания нарративов, и это может стать направлением дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: АПН, 1960.
2. Лубовский В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии). М.: НИИ дефектологии АПН, Педагогика, 1978.
3. Веракса А.Н. Развитие регуляторных функций дошкольников в образовательном процессе // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 65–73.
4. Веракса А.Н., Гаврилова М.Н., Бухаленкова Д.А. Связь показателей развития речи и регуляторных функций у детей дошкольного возраста: анализ исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 64–76.
5. Alarcón-Rubio D., Sánchez-Medina J.A., Prieto-García J.R. Executive function and verbal self-regulation in childhood: Developmental linkages between partially internalized private speech and cognitive flexibility // Early Childhood Research Quarterly. 2014. Vol. 29. № 2. Pp. 95–105.
6. Bierman K.L. et al. Executive functions and school readiness intervention: impact, moderation, and mediation in the Head Start REDI program // Development and psychopathology. 2008. Vol. 20. № 3. Pp. 821–843.
7. Cutting L.E., Materek A., Cole CA, S., Levine T.M., Mahone E.M. Effects of fluency, oral language, and executive function on reading comprehension performance // Ann. Dyslexia. 2009. № 59. Pp. 34–54. doi.org/10.1007/s11881-009-0022-0.
8. Acheson D.J., MacDonald M.C. Verbal working memory and language production: Common approaches to the serial ordering of verbal information // Psychol. Bull. 2009. № 135. Pp. 50–68. doi.org/10.1037/a0014411.
9. Slot P.L., Von Suchodoletz A.: Bidirectionality in preschool children's executive functions and language skills: Is one developing skill the better predictor of the other? Early Childhood Research Quarterly, 2018. № 42. Pp. 205–214. doi.org/10.1016/j.ecresq.2017.10.005.
10. Veraksa A.N., Bukhalenkova D.A., Kovyazina M.S. Language Proficiency in Preschool Children with Different Level of Executive Function // Psychol. Russ. State Art. 2018. № 11. Pp. 115–129. DOI: 10.11621/pir.2018.0408.
11. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex «frontal lobe» tasks: A latent variable analysis // Cogn. Psychol. 2000. № 41. Pp. 49–100. doi.org/10.1006/cogn.1999.0734.
12. Diamond A. Executive functions // Annual Review of Psychology. 2013. № 64. Pp. 135–168. http://dx.doi.org/10.1146/annurev-psych-113011-143750.
13. Veraksa A., Almazova O., Bukhalenkova D., Bayanova L., Popova R.: Features of executive functions development in Moscow and Kazan preschoolers // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. XLIII. Pp. 648–658. doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.86.
14. Zelazo, P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // Nature Protocols. 1. Pp. 297–301. 2006. doi.org/10.1038/nprot.2006.46.
15. Diamond A. Normal development of prefrontal cortex from birth to young adulthood: cognitive functions, anatomy, and biochemistry // Principles of Frontal Lobe Function, ed. D.T. Stuss, R.T. Knight. Oxford Univ. Press, London, 2002. Pp. 466–503.
16. Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. М.: ВЛАДОС, 2000.
17. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022.

18. Peterson C., McCabe A. Developmental psycholinguistics: three ways of looking at a child's narrative. Plenum, New York, 1983.
19. Hudson J.A., Shapiro L.R. From knowing to telling: The development of children's scripts, stories, and personal narratives // Developing narrative structure / A. McCabe, C. Peterson (eds.). Lawrence Erlbaum, Hillsdale, NJ, 1991. Pp. 89–136.
20. Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.
21. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
22. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет / Под общ. ред. Т.В. Ахутиной. М.: В. Секачев, 2016.
23. Nicolopoulou A. The elementary forms of narrative coherence in young children's storytelling // Narrative Inquiry. 2008. № 18 (2). Pp. 299–325. doi.org/10.1075/ni.18.2.07nic.
24. Nilsen E.S., Graham S.A. The relations between children's communicative perspective taking and executive functioning // Cogn. Psychol. 2009. № 58, Pp. 220–249. doi.org/10.1016/j.cogpsych.2008.07.002.
25. Uzundag B.A., Küntay A.C. Children's referential communication skills: The role of cognitive abilities and adult models of speech // Journal of Experimental Child Psychology. 2018. № 172. Pp. 73–95. doi.org/10.1016/j.jecp.2018.02.009.
26. Gillis R., Nilsen E.S. The role of cognitive flexibility in children's ability to detect communicative ambiguity // First Language. 2014. № 34. Pp. 58–71. doi.org/10.1177/0142723714521839.
27. Mandler J.M. A code in the node: The use of a story schema in retrieval // Discourse Process. 1978. 1. Pp. 14–35. doi.org/10.1080/01638537809544426.
28. Raven J., Raven J.C., Court J.H. Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales. Section 2: The coloured progressive matrices. Oxford Psychologists Press, Oxford, 1998.
29. Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А., Якупова В.А. Развитие связной устной речи в старшем дошкольном возрасте // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2020. № 3 (99). С. 32–39.
30. Zelazo P.D.: The development of conscious control in childhood // Trends in cognitive sciences. 2004. № 8 (1). Pp. 12–17. doi.org/10.1016/j.tics.2003.11.001.

The Relationship Between Cognitive Flexibility and the Development of Coherent Speech in Preschoolers (A Study of Preschoolers' Narratives)

Alexander Nikolayevich Veraksa — Member of the Russian Academy of Education; Doctor of Psychology; Head of the Educational Psychology and Pedagogy Department, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Deputy Director, Institute for Psychology, Russian Academy of Education; Project Leader, The Relationship Between the Development of Speech in Preschoolers and the Formation of Regulatory Functions and Communication with Adults: Long-Term Study (17-29-09112).

E-mail: maposte06@yandex.ru

Yekaterina Sergeevna Oshchepkova — PhD in Psychology; Associate Prof., Social Psychology Department, Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities; Project Member, The Relationship Between the Development of Speech in Preschoolers and the Formation of Regulatory Functions and Communication with Adults: Long-Term Study.

E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Daria Alexeyevna Bukhalenkova — PhD in Psychology; Associate Prof., Educational Psychology and Pedagogy Department, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Project Member, The Relationship Between the Development of Speech in Preschoolers and the Formation of Regulatory Functions and Communication with Adults: Long-Term Study.

E-mail: veraksa@yandex.ru

In the field of educational psychology, the relationship between regulatory functions and the development of coherent monologic speech is a hot topic. In our country, however, this kind of research is still in the bud. The study assessed the level of cognitive flexibility, nonverbal intelligence, and the ability to produce coherent monologic speech in 279 children aged 5 and 6 with the purpose to explore meaningful predictors of the development of coherent speech in preschoolers based on their narratives. Children's narratives have a macro- and a microstructure. The former is characterized by narrative length, completeness, adequacy, structure, and type (structural parameters of the narrative as a coherent and integral statement). The microstructure of the narrative is formed by such language aspects as phonetics, dictionary, morphology, and syntax.

Research findings indicate that there is a strong correlation between cognitive flexibility and macrostructure parameters, while microstructure components are only slightly related to this regulatory function. Children who successfully completed the most difficult task of the cognitive flexibility test performed significantly better when creating narratives. The results of the nonverbal intelligence test show that both indicators (nonverbal intelligence and cognitive flexibility) can predict the narrative's complexity level. These findings can be used to improve children's cognitive development and school readiness.

Keywords: preschool age, cognitive development, executive functions, cognitive flexibility, speech development, narrative production

REFERENCES

1. Vygotskii L.S. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii*. M.: APN, 1960 (in Russian).
2. Lubovskii V.I. *Razvitie slovesnoi regulyatsii deistvii u detei (v norme i patologii)*. M.: NII defektologii APN, Pedagogika, 1978 (in Russian).
3. Veraksa A.N. *Razvitie regulyatornykh funktsii doshkol'nikov v obrazovatel'nom protsesse* // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2015. № 3. S. 65–73 (in Russian).
4. Veraksa A.N., Gavrilova M.N., Bukhalenkova D.A. *Svyaz' pokazatelei razvitiya rechi i regulyatornykh funktsii u detei doshkol'nogo vozrasta: analiz issledovaniy* // Psikhologicheskii zhurnal. 2019. T. 40. № 3. S. 64–76 (in Russian).
5. Alarcón-Rubio D., Sánchez-Medina J.A., Prieto-García J.R. *Executive function and verbal self-regulation in childhood: Developmental linkages between partially internalized private speech and cognitive flexibility* // Early Childhood Research Quarterly. 2014. Vol. 29. № 2. Pp. 95–105.
6. Bierman K.L. et al. *Executive functions and school readiness intervention: impact, moderation, and mediation in the Head Start REDI program* // Development and psychopathology. 2008. Vol. 20. № 3. Pp. 821–843.
7. Cutting L.E., Materek A., Cole CA, S., Levine T.M., Mahone E.M. *Effects of fluency, oral language, and executive function on reading comprehension performance* // Ann. Dyslexia. 2009. № 59. Pp. 34–54. doi.org/10.1007/s11881-009-0022-0.
8. Acheson D.J., MacDonald M.C. *Verbal working memory and language production: Common approaches to the serial ordering of verbal information* // Psychol. Bull. 2009. № 135. Pp. 50–68. doi.org/10.1037/a0014411.
9. Slot P.L., Von Suchodoletz A. *Bidirectionality in preschool children's executive functions and language skills: Is one developing skill the better predictor of the other?* Early Childhood Research Quarterly, 2018. № 42. Pp. 205–214. doi.org/10.1016/j.ecresq.2017.10.005.

10. Veraksa A.N.; Bukhalenkova D.A., Kovyazina M.S. Language Proficiency in Preschool Children with Different Level of Executive Function // Psychol. Russ. State Art. 2018. № 11. Pp. 115–129. DOI: 10.11621/pir.2018.0408.
11. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex «frontal lobe» tasks: A latent variable analysis // Cogn. Psychol. 2000. № 41. Pp. 49–100. doi.org/10.1006/cogp.1999.0734.
12. Diamond A. Executive functions // Annual Review of Psychology. 2013. № 64. Pp. 135–168. http://dx.doi.org/10.1146/annurev-psych-113011-143750.
13. Veraksa A., Almazova O., Bukhalenkova D., Bayanova L., Popova R.: Features of executive functions development in Moscow and Kazan preschoolers // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. XLIII. Pp. 648–658. doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.86.
14. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // Nature Protocols. 1. Pp. 297–301. 2006. doi.org/10.1038/nprot.2006.46.
15. Diamond A. Normal development of prefrontal cortex from birth to young adulthood: cognitive functions, anatomy, and biochemistry // Principles of Frontal Lobe Function, ed. D.T. Stuss, R.T. Knight. Oxford Univ. Press, London, 2002. Pp. 466–503.
16. Tseitlin S.N. Yazyk i rebyonok: Lingvistika detskoj rechi. M.: VLADOS, 2000 (in Russian).
17. Kusse Kh. Kul'turovedcheskaya lingvistika. M.: Gnozis, 2022 (in Russian).
18. Peterson C., McCabe A. Developmental psycholinguistics: three ways of looking at a child's narrative. Plenum, New York, 1983.
19. Hudson J.A., Shapiro L.R. From knowing to telling: The development of children's scripts, stories, and personal narratives // Developing narrative structure / A. McCabe, C. Peterson (eds.). Lawrence Erlbaum, Hillsdale, NJ, 1991. Pp. 89–136.
20. Filippov K.A. Lingvistika teksta. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003 (in Russian).
21. Leont'ev A.A. Osnovy psikholingvistiki. M.: Smysl, 1997 (in Russian).
22. Metody neiropsikhologicheskogo obsledovaniya detei 6–9 let / Pod obshch. red. T.V. Akhuti-noi. M.: V. Sekachev, 2016 (in Russian).
23. Nicolopoulou A. The elementary forms of narrative coherence in young children's storytelling // NarrativeInquiry. 2008. № 18 (2). Pp. 299–325. doi.org/10.1075/ni.18.2.07nic.
24. Nilsen E.S., Graham S.A. The relations between children's communicative perspective taking and executive functioning // Cogn. Psychol. 2009. № 58. Pp. 220–249. doi.org/10.1016/j.cogpsych.2008.07.002.
25. Uzundag B.A., Küntay A.C. Children's referential communication skills: The role of cognitive abilities and adult models of speech // Journal of Experimental Child Psychology. 2018. № 172. Pp. 73–95. doi.org/10.1016/j.jecp.2018.02.009.
26. Gillis R., Nilsen E.S. The role of cognitive flexibility in children's ability to detect communicative ambiguity // First Language. 2014. № 34. Pp. 58–71. doi.org/10.1177/0142723714521839.
27. Mandler J.M. A code in the node: The use of a story schema in retrieval // Discourse Process. 1978. 1. Pp. 14–35. doi.org/10.1080/01638537809544426.
28. Raven J., Raven J.C., Court J.H. Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales. Section 2: The coloured progressive matrices. Oxford Psychologists Press, Oxford, 1998.
29. Oshchepkova E.S., Bukhalenkova D.A., Yakupova V.A. Razvitie svyaznoi ustnoi rechi v starshem doskol'nom vozraste // Sovremennoe doskol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika. 2020. № 3 (99). S. 32–39 (in Russian).
30. Zelazo P.D.: The development of conscious control in childhood // Trends in cognitive sciences. 2004. № 8 (1). Pp. 12–17. doi.org/10.1016/j.tics.2003.11.001.

Индекс УДК 616.853: 81.233
Код ГРНТИ 15.81.61, 76.29.51, 16.31.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-134-144

Е.А. ГОРОБЕЦ, Р.Г. ГАМИРОВА, Т.В. АХУТИНА, Р.Г. ЕСИН*

Исследование когнитивных функций и речевого статуса у детей и подростков с эпилепсией на фоне противоэпилептической терапии

Влияние противоэпилептической терапии препаратами новой генерации на развивающийся мозг нуждается в детальном изучении, что обусловило актуальность динамического анализа когнитивных функций и речевого статуса у детей и подростков с эпилепсией на фоне терапии. Группу исследования составили дети и подростки от 4 до 18 лет с идиопатической генерализованной эпилепсией, получавшие монотерапию противоэпилептическими средствами и не имевшие когнитивных нарушений до начала лечения. Идиопатические формы эпилепсии стали критерием включения, поскольку они сами по себе минимально влияют на когнитивные функции. В результате исследования был разработан русскоязычный инструментарий для экспресс-оценки нейropsychологического и речевого статуса, предназначенный для повседневной практики врачей-неврологов, эпилептологов, клинических психологов и лингвистов.

Получены новые научные данные: 1) о современных достижениях в области генетических исследований идиопатической генерализованной эпилепсии; 2) о влиянии идиопатической генерализованной эпилепсии на высшие психические функции, о причинах возникновения когнитивного снижения у страдающих идиопатической генерализованной эпилепсией, об особенностях развития когнитивных функций при её отдельных

* **Горобец Елена Анатольевна** — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, заведующий Центром патологии речи Казанского федерального университета (КФУ), руководитель проекта «Развитие высших корковых функций у детей с эпилепсией: оценка речевого статуса в динамике на фоне противоэпилептической терапии» (17-29-09096).

E-mail: elena_gorobets@mail.ru

Гамирова Римма Габдульбаровна — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», и.о. заведующего кафедрой неврологии с курсами психиатрии, клинической психологии и медицинской генетики КФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: r-gamirov@mail.ru

Ахутина Татьяна Васильевна — доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории нейропсихологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: akhutina@mail.ru

Есин Радий Германович — доктор медицинских наук, профессор кафедры неврологии с курсами психиатрии, клинической психологии и медицинской генетики КФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: radyesin@gmail.com

формах; 3) об изменениях в когнитивном и речевом статусе у детей и подростков, находящихся на монотерапии антиконвульсантами; 4) о частоте и типах нежелательных побочных лекарственных реакций, зарегистрированных в картах 428 пациентов, состоявших на учёте у эпилептолога в 2019–2020 гг.; 5) об этиологии, распространённости, клинических особенностях сравнительной эффективности противоэпилептических средств при лечении пациентов с ювенильной миоклонической эпилепсией; 6) в области дифференциальной диагностики идиопатической генерализованной эпилепсии и синдрома дефицита транспортера глюкозы I типа (болезни де Виво).

Ключевые слова: эпилепсия, когнитивные функции, высшие психические функции, речь, нейролингвистика, нейропсихология, оценка речи, батарея нейрокогнитивных тестов, идиопатическая генерализованная эпилепсия, противоэпилептическая терапия

Введение

С 2018 по 2021 г. в Казанском федеральном университете совместно с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова осуществлялся проект, включающий исследование динамики развития высших психических функций (ВПФ), в особенности – речи, у детей и подростков (ДиП) с идиопатической генерализованной эпилепсией (ИГЭ), получающих лечение противоэпилептическими средствами (ПЭС).

В литературе подчёркивается, что ПЭС у детей и подростков вызывают коморбидные расстройства развития ВПФ, которые в ряде случаев бывают более выраженными, чем эффект самой эпилепсии [1–3]. Приводятся достаточно развернутые данные о влиянии ПЭС старой генерации на когнитивные функции у взрослых пациентов, страдающих эпилепсией, однако информации о препаратах новой генерации и их влиянии на ДиП, проходящих терапию противоэпилептическими средствами, недостаточно. В мировой клинической практике исследования ведутся достаточно активно, однако в российской практике не было соответствующего экспресс-инструмента и разработанной системы оценки, которая должна представлять собой сопоставление результатов электроэнцефалографии (ЭЭГ) с психометрическими данными, обработанными качественно и количественно, а в спорных диагностических случаях включать также современ-

ные генетические методы исследования. В научных публикациях описываются различные патологии развития, в том числе и когнитивного, у детей, матери которых получали терапию ПЭС во время беременности [4–7]; больше всего данных получено по вальпроатам, которые сочетаются с высоким риском патологий развития центральной нервной системы (ЦНС). Ряд публикаций посвящён связи приёма ПЭС (например, окскарбазепина и ламотриджина) с ростом числа случаев расстройств аутистического спектра и раннего детского аутизма [7–8].

В научных статьях рубежа XX и XXI вв. представлена разнородная информация о влиянии разных ПЭС на когнитивные функции. Наибольшее число публикаций посвящено фенobarбиталу (препарату старой генерации) [9]. По данным обсервационных исследований, есть сведения о неблагоприятном действии фенobarбитала на ВПФ, в том числе в сопоставлении с результатами применения других ПЭС: вальпроатов, фенитоина, карбамазепина и т.д. [10–11]. При длительном приёме бензодиазепинов чаще всего отмечались ухудшение психомоторных реакций, снижение произвольного внимания, концентрации, общий когнитивный дефицит. При анализе побочных эффектов ПЭС у детей и подростков их влияние на речь описывается крайне редко [12], данные такого рода по взрослым также приводятся нечасто (например, случаи амнестической

афазии у пациентов на фоне терапии топираматом) [13].

В научной литературе уже более 15 лет особое внимание уделяется необходимости оценки высших психологических функций при лечении эпилепсии и побочным эффектам ПЭС [10]. Отдельно обсуждаются вопросы о влиянии противосудорожных средств при кратковременном и долгосрочном лечении [14], причём имеющиеся результаты достаточно разнородны. В целом необходимо признать, что так или иначе исследователи подтверждают отрицательное влияние ПЭС на высшие психические функции [15], однако приводимые в разных источниках данные носят противоречивый характер. Важно подчеркнуть, что анализ динамики ВПФ не осуществляется по единым протоколам, дизайны исследований разнообразны и регионально специфичны, что, вероятно, и приводит к неоднородным результатам.

Материалы и методы

Методологические основы исследования ориентированы на развитие персонализированного подхода к лечению, который является одним из важнейших в современной медицине и включает в числе прочего комплексное изучение ВПФ человека на всех этапах его жизни. Проект имеет междисциплинарный характер, в ходе его реализации использован комплекс методик, которые позволяют изучать особенности языка в его глубоких и поливалентных связях с когнитивными функциями в целом; при этом учтены современные достижения в области неврологии, фармакологии, функциональной диагностики, нейропсихологии, клинической лингвистики, а также нейрогенетики, что обеспечивает глубину и многоаспектность анализа, необходимость которых отмечается в современных публикациях [16]. Продолженный видео-ЭЭГ-мониторинг с включением сна позволяет оценить локализацию и индекс эпилептиформной активности на ЭЭГ, а также динамику эпилептиформных изменений на фоне ПЭС, даёт возможность

зафиксировать субклинические варианты эпилептических припадков, а также выявить продолженную эпилептиформную активность высокого индекса, которая может приводить к функциональной блокаде речевых центров и возникновению когнитивных расстройств.

В ходе исследования была сформирована группа контроля (ГК), в которую вошли неврологически здоровые дети и подростки в возрасте от 4 до 18 лет с типичным когнитивным развитием (осуществлена также оценка их неврологического статуса), и группа исследования (ГИ) с ДиП в том же возрастном диапазоне с диагнозом ИГЭ, получающими фармакотерапию одним противосудорожным средством независимо от дозы, без когнитивного дефицита до начала терапии. Группа исследования изначально включала 73 детей и подростков 4–16 лет в пяти возрастных группах, после первичного обследования и применения критериев исключения были отобраны 30 человек.

Оценка когнитивных функций и речевого статуса детей из ГИ и ГК осуществлялась с помощью разработанного авторами инструмента. В ГИ исследование проводилось до начала терапии ПЭС, каждые три месяца в течение первого года, далее — каждые полгода. Тестирование детей из группы контроля осуществлялось через аналогичные промежутки. Для детей и подростков из группы исследования проводился продолженный видео-ЭЭГ-мониторинг с включением 1–3 часов дневного сна после депривации сна либо ночного физиологического сна (9 часов) с синхронизированной видео- и аудиозаписью для уточнения формы эпилепсии, определения локализации и индекса эпилептиформной активности на ЭЭГ до начала терапии ПЭС, затем в динамике для оценки эффективности лечения. Исследование проводилось по стандартной методике с применением международной системы расположения электродов «10-20» на электроэнцефалографе-анализаторе ЭЭГА 21/26 «Энцефалан-131-03» («Меди-

ком МТД», г. Таганрог) с использованием 19 каналов при фильтрах высоких частот с помощью чашечных электродов. Оценка ЭЭГ осуществлялась с помощью визуального анализа, а также с использованием компьютерных приложений, имеющих в пакете программ электроэнцефалографоанализатора ЭЭГА 21/26.

В рамках проекта разработаны протоколы обследования, основанные на подходе А.Р. Лурии, включающем и количественный, и качественный анализ функциональных блоков мозга; на принципах нейропсихологической диагностики детей, разработанных Т.В. Ахутиной и соавторами [17]. Стимульный материал прошёл процедуру лингвистической валидации: в итоговые протоколы вошли только те материалы, которые были валидизированы в условной норме в выборке не менее 300 респондентов разных возрастов. Каждый субтест имеет варианты с сопоставимыми по сложности материалами в целях избежания эффекта обучения при тестировании через обозначенные промежутки времени. Исследование речевых процессов включает фонетические, лексические, словообразовательные и грамматические особенности, а также анализ нарратива.

Исследование проводилось на двух клинических базах: ГАУЗ «Детская городская больница № 8» г. Казани и Научно-клинический центр прецизионной и регенеративной медицины Казанского федерального университета.

Результаты и их обсуждение

I. Разработан инструментарий для экспресс-оценки нейропсихологического и речевого статуса, валидный с нейропсихологической и лингвистической точек зрения и чувствительный к изменениям, предназначенный для повседневной практики врачей-неврологов, эпилептологов, клинических психологов и лингвистов. Инструмент создан для отслеживания изменений в нейропсихологическом и речевом статусе детей и подростков с эпилепсией

от 4 до 18 лет, получающих лечение ПЭС. Стимульный материал в протоколах ранжирован по пяти возрастным группам (4–5 лет, 6–8 лет – дошкольный возраст и первый класс начальной школы, 8–11 лет – 2–4 классы начальной школы, 12–15 лет – средняя школа, 15–18 лет – старшие классы, училища и техникумы), прошёл апробацию в условной норме, модифицирован по её результатам, в течение двух лет проходил апробацию в выборке ДиП с ИГЭ. Значимость для развития междисциплинарных направлений заключается в том, что инструментарий базируется на комплексном применении методов, используемых в нейронауках, эпилептологии и генетике. Русскоязычных инструментов для экспресс-оценки когнитивных функций и речи у детей и подростков с эпилепсией, получающих лечение ПЭС, до начала реализации данного проекта не существовало.

II. Получены новые данные о современных достижениях в области генетических исследований идиопатической генерализованной эпилепсии. В ходе реализации проекта проведены исследования, уточняющие специфику данного диагноза. В группу исследования вошли дети и подростки со следующими видами ИГЭ: детская абсансная эпилепсия (ДАЭ) (рис. 1), юношеская абсансная эпилепсия (ЮАЭ) (рис. 2), юношеская миоклоническая эпилепсия (ЮМЭ) (рис. 3), эпилепсия с изолированными генерализованными тонико-клоническими приступами (рис. 4).

Проведены исследования в области генетических методов диагностики эпилепсии, которые позволяют качественно и точно определить диагноз в спорных ситуациях, в особенности в случаях наличия/возникновения когнитивных и поведенческих проблем, имеющих выраженный прогрессирующий и стойкий характер (так, например, в ходе реализации проекта представлен анализ клинического случая болезни Лафоре – редкого генетически детерминированного заболевания, симптомы которого в начале течения могут напоминать клинику ИГЭ).

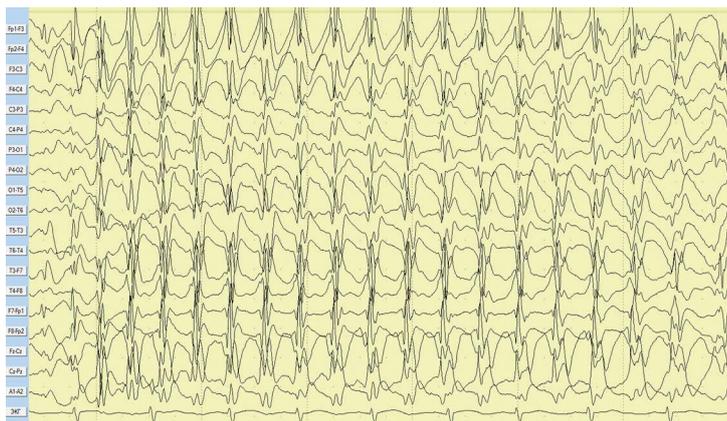

Рис. 1. Ж. 8 лет. Электроэнцефалограмма бодрствования. Детская абсансная эпилепсия. Генерализованная полипиковая активность частотой 3 Гц, длительностью 7 секунд, с преобладанием в лобных областях

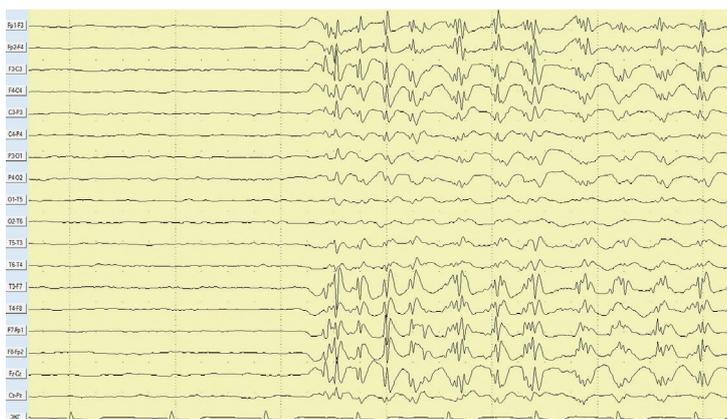

Рис. 2. М. 16 лет. Электроэнцефалограмма сна. Юношеская абсансная эпилепсия. Регулярный продолженный генерализованный разряд из комплексов полипик — медленная волна частотой 3 Гц

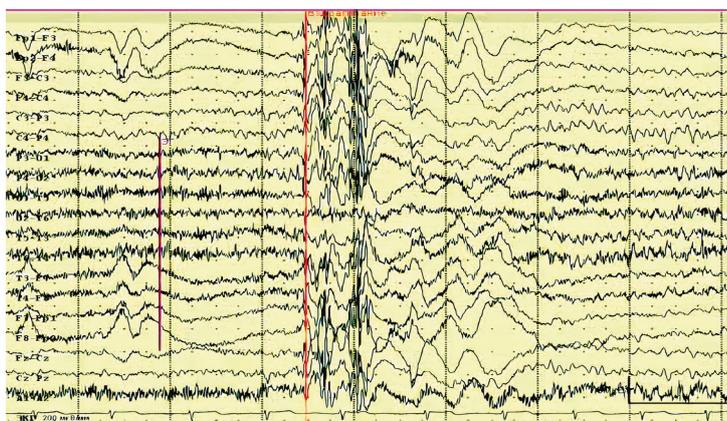

Рис. 3. М. 13 лет. Электроэнцефалограмма бодрствования. Юношеская миоклоническая эпилепсия (миоклонические припадки, генерализованные судорожные припадки, абсансы). Разряд генерализованной полипиково-волновой активности, клинически сочетавшийся с вздрагиванием

III. Получены новые данные о влиянии непосредственно ИГЭ на когнитивные функции и речь, о причинах возникновения дефицита психических функций при ИГЭ, об особенностях развития ВПФ при разных формах идиопатической генерализованной эпилепсии. Традиционно в литературе отмечается, что влияние непосредственно ИГЭ на когнитивные функции минимально, однако периодически появляются исследования, свидетельствующие о когнитивных нарушениях и при идиопатических формах эпилепсии. К наиболее часто регистрируемым можно отнести нарушения памяти (вербальной и невербальной, кратковременной и долговременной), регуляторный дефицит, ослабление функций зрительно-пространственного гнозиса. Отмечаются и расстройства устной речи, однако не в формате системного описания. Снижение скорости обработки информации (как вербальной, так и невербальной), регистрируемое у пациентов с ИГЭ, свидетельствует о диффузном когнитивном снижении, которое патофизиологически может быть объяснено генерализованным характером эпилептиформной активности. Большая часть исследований оценки ВПФ пациентов с ИГЭ посвящена юношеской абсансной эпилепсии; также достаточно глубоко, но при этом противоречиво, описаны особенности когнитивного статуса при детской абсансной эпилепсии. Менее изученными остаются особенности развития ВПФ у детей и подростков с ЮАЭ и эпилепсией с изолированными генерализованными тонико-клоническими приступами. Данный факт может быть связан с уточнением критериев диагно-

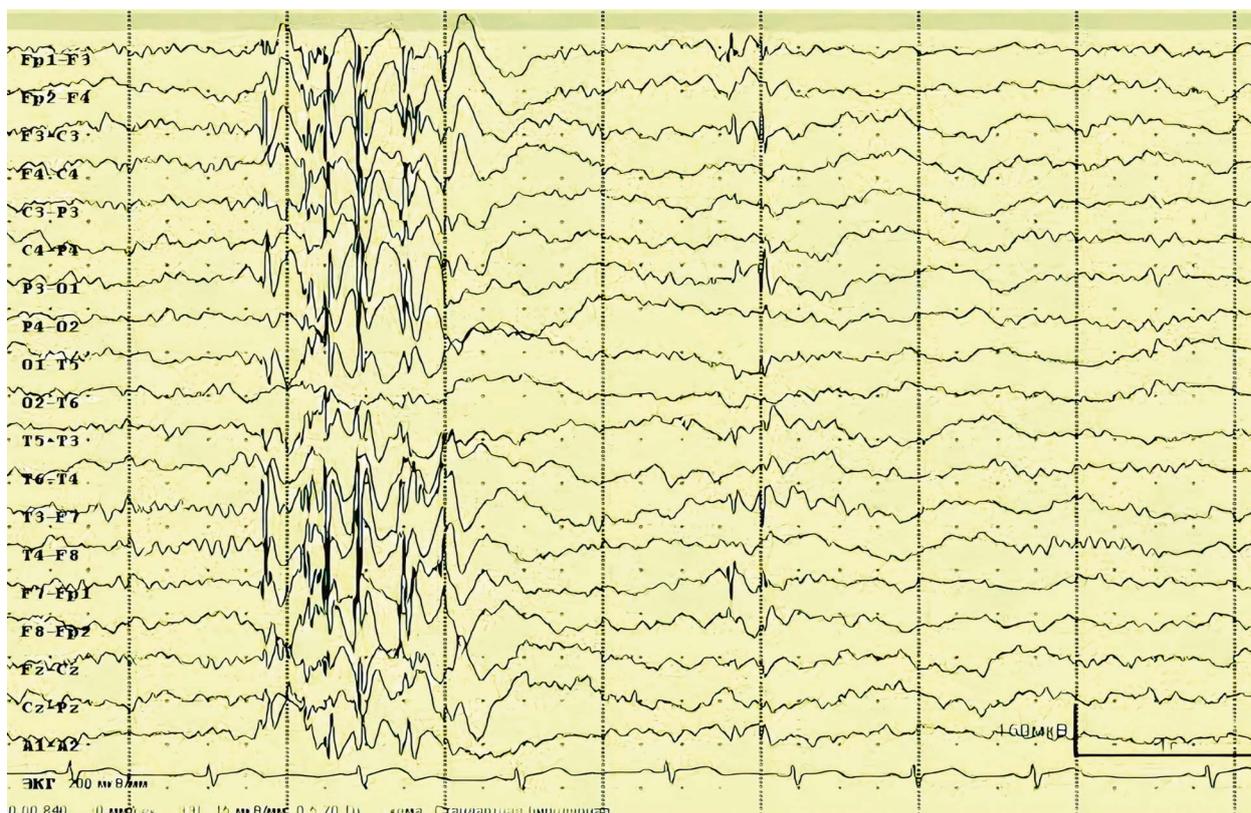

Рис. 4. М. 12 лет. Электроэнцефалограмма сна.
Эпилепсия с изолированными генерализованными судорожными приступами.
Генерализованные разряды полипик-волновой активности

стики указанных форм в последние годы и их неоднократным пересмотром Международной противоэпилептической лигой в течение нескольких десятилетий.

IV. Получены новые данные об изменениях в когнитивном и речевом статусе у детей и подростков, находящихся на монотерапии противоэпилептическими средствами.

1) Выявлены изменения в продуктивности вербального мышления:

а) Получены новые данные об особенностях восприятия единиц с переносным планом высказывания. Паремииологические единицы являются одним из самых показательных диагностических маркеров дебюта речевых расстройств и нарушений вербального мышления. Операциональные стороны мышления, способность к отвлечению и обобщению, умение понимать метафорические переносы выявляются на самых ранних стадиях когнитивного снижения. Статистически значимое снижение результатов субтеста на понима-

ние смысла таких единиц с разной синтаксической структурой было зафиксировано через 1,5 года в ГИ по сравнению с ГК. Проанализированы и классифицированы основные типы искажений при обработке единиц с переносным смыслом.

б) Проанализированы особенности продуктивности вербального категориального мышления. Статистически значимая разница в продуктивности категориальных обобщений была зарегистрирована через 1,5 года приёма препарата в ГИ по сравнению с ГК и далее оставалась стабильной.

2) Получены новые данные о снижении объёма и продуктивности слухоречевой памяти у ДИП, находящихся на монотерапии разными ПЭС. Оно манифестирует в лёгкой форме через 1,5 года приёма препарата, однако является достаточно устойчивым.

3) Выявлены изменения в образцах письма, свидетельствующие о возможном

развитии дисграфии у детей и подростков на фоне терапии ПЭС. Статистически значимые результаты, связанные с наличием признаков дисграфии в образцах письма, были зарегистрированы спустя год после начала терапии в ГИ по сравнению с ГК с нарастанием через 1,5 года.

- 4) Зарегистрирована отрицательная динамика в области энергетического обеспечения деятельности мозга. Через девять месяцев от начала терапии фиксируется статистически значимое снижение темпа работы в ГИ, инертность и импульсивность, через год – повышенная утомляемость, гиперактивность же наблюдается уже через 3 месяца.
- 5) Получены новые данные об изменении функций серийной организации движений у ДИП, получающих монотерапию вальпроевой кислотой. Статистически значимые различия в ГИ по сравнению с ГК отмечены через 1,5 года после начала приёма препарата с нарастанием через 2,5 года.

V. Получены новые данные о частоте и типах нежелательных лекарственных реакций (НЛР), которые были зарегистрированы в медицинских картах 428 пациентов, состоявших на учёте у эпилептолога в 2019–2020 гг. Проанализированы 359 НЛР у 223 (52,1%) пациентов. Наиболее значимые: сонливость, головокружение, поведенческие нарушения, когнитивное снижение, диплопия. Нежелательные лекарственные реакции, связанные с поражением ЦНС, выявлялись при приёме карбамазепина (45% случаев) и окскарбазепина (44%), ламотриджина (33%) и топирамата (28%). Реже побочные эффекты фиксировались на фоне приёма вальпроатов (19%) и левитирацетама (18%). Кроме того, выявлены гендерные различия в частоте НЛР при лечении карбамазепином и топираматом.

VI. Получены новые данные об этиологии, распространённости, клинических особенностях, сравнительной эффективности ПЭС при лечении пациентов с ЮМЭ

(вальпроевая кислота, топирамат, левитирацетам). ЮМЭ манифестирует, как правило, в период полового созревания. Через год монотерапии данного вида ИГЭ вальпроатами полный контроль всех типов приступов отмечался у 87% пациентов, у 4 пациентов на фоне адекватных доз сохранялись приступы, через 2 года наблюдалась полная клиническая ремиссия 83% пациентов, через 3 года – 73% пациентов, через 4 года – только 63%. Пациенты, получавшие лечение топираматом и левитирацетамом, имели неполный контроль припадков. НЛР были зарегистрированы у 50% пациентов, находящихся на лечении препаратами вальпроевой кислоты. Таким образом, несмотря на достижения в понимании этиологии заболевания и появление в медицинской практике новых ПЭС, сложности с тактикой ведения пациентов с ЮМЭ в настоящее время остаются актуальными. Интересным и важным в рамках исследования является клинический случай быстрого прогресса когнитивных нарушений при приёме вальпроевой кислоты у девушки с ЮМЭ (2005 г.р., русскоязычный монолингв). На фоне сохранного интеллекта и высокого уровня развития зрительно-пространственного гнозиса, нормативной зрительной и кожно-кинестетической информации наблюдался быстро прогрессирующий дефицит вербальной памяти, усугубляемый постепенно нарастающим дефицитом энергетического обеспечения деятельности мозга и умеренным дефицитом регуляторных функций. Речь характеризовалась наличием вербальных парафазий. В ходе выполнения моторных проб фиксировался тремор. Данные ЭЭГ и результаты оценки когнитивных функций и речи в динамике совместно дали основания для смены препарата (вальпроевой кислоты).

VII. Получены новые данные в области дифференциальной диагностики ИГЭ и синдрома дефицита транспортёра глюкозы I типа – болезни де Виво, которая представляет собой генетически детерми-

нированное заболевание, обусловленное мутациями гена SLC2A1.

Результаты вносят вклад в исследование проблемы побочного влияния ПЭС на когнитивное развитие детей и подростков, в связи с чем авторами подготовлено руководство для врачей-эпилептологов, неврологов, клинических психологов и лингвистов [18] по проведению нейропсихологической диагностики и анализу речевого статуса в динамике при приёме антиконвульсантов. В руководстве подробно

описана процедура проведения каждой пробы, приложен стимульный материал, представлены протоколы обследования со схемой обчёта.

Особое внимание в клинической практике должно быть уделено дифференциальной диагностике заболеваний, имеющих сходные с ИГЭ клинические проявления; своевременная дифференциальная диагностика позволит избежать неверно назначаемой терапии, предотвратить развитие тяжёлых энцефалопатий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moavero R., Santarone M.E., Galasso C., Curatolo P. Cognitive and behavioral effects of new antiepileptic drugs in pediatric epilepsy // *Brain and Development*. 2017. № 39 (6). Pp. 464–469. DOI: 10.1016/j.braindev.2017.01.006.
2. Verrotti A., Moaver, R., Panzarino G., Di Paolantonio C., Rizzo R., Curatolo P. The Challenge of Pharmacotherapy in Children and Adolescents with Epilepsy-ADHD Comorbidity // *Clinical Drug Investigation*. 2018. № 38 (1). DOI: 10.1007/s40261-017-0585-1.
3. Aldenkamp A., Besag F., Gobbi G., Caplan R., Dunn D.W., Sillanpää M. Psychiatric and behavioural disorders in children with epilepsy (ILAE Task Force Report): Adverse cognitive and behavioural effects of antiepileptic drugs in children // *Epileptic Disorders*. 2016. № 18. Pp. 24–30. DOI: 10.1684/epd.2016.0817.
4. Knight R., Wittkowski A., Bromley R.L. Neurodevelopmental outcomes in children exposed to newer antiseizure medications: A systematic review // *Epilepsia*. 2021. № 62 (8). Pp. 1765–1779. DOI: 10.1111/epi.16953.
5. Videman M., Tokariev A., Stjerna S., Roivainen R., Gaily E., Vanhatalo S. Effects of prenatal antiepileptic drug exposure on newborn brain activity // *Epilepsia*. 2016. № 57 (2). Pp. 252–262. DOI: 10.1111/epi.13281.
6. Meador K.J., Cohen M.J., Loring D.W. et al. Two-Year-Old Cognitive Outcomes in Children of Pregnant Women with Epilepsy in the Maternal Outcomes and Neurodevelopmental Effects of Antiepileptic Drugs Study // *JAMA Neurology*. 2021. № 78 (8). Pp. 927–936. DOI: 10.1001/jamaneurol.2021.1583.
7. Błaszczyk B., Miziak B., Pluta R. Epilepsy in Pregnancy – Management Principles and Focus on Valproate International // *Journal of Molecular Sciences*. 2022. № 23 (3). P. 1369. DOI: 10.3390/ijms23031369.
8. Veroniki A.A., Cogo E., Rios P. et al. Comparative safety of anti-epileptic drugs during pregnancy: A systematic review and network meta-analysis of congenital malformations and prenatal outcomes // *BMC Medicine*. 2017. № 15 (1). P. 95. DOI: 10.1186/s12916-017-0845-1.
9. Aldenkamp A.P., De Krom M., Reijs R. Newer antiepileptic drugs and cognitive issues // *Epilepsia*. 2003. № 44 (Suppl. 4). Pp. 21–29. DOI: 10.1046/j.1528-1157.44.s4.3.x.
10. Meador K.J., Loring D.W. Developmental effects of antiepileptic drugs and the need for improved regulations // *Neurology*. 2016. № 86 (3). Pp. 297–306. DOI: 10.1212/WNL.0000000000002119.
11. Besag F.M.C., Vasey M.J. Neurocognitive Effects of Antiseizure Medications in Children and Adolescents with Epilepsy // *Pediatric Drugs*. 2021. № 23 (3). Pp. 253–286. DOI: 10.1007/s40272-021-00448-0.
12. Jackson D.C., Jones J.E., Hsu D.A. Language function in childhood idiopathic epilepsy syndromes // *Brain and Language*. 2019. № 193. Pp. 4–9. DOI: 10.1016/j.bandl.2017.12.005.

13. Buckley A., Fitzgerald M., Hoerold D., Davey G.P., Doherty C. Effects of the anticonvulsant topiramate on language abilities in people with epilepsy: A cross-sectional study // *Irish Journal of Psychological Medicine*. 2010. № 27 (4). Pp. 179–183.
14. Williams J., Bates S., Griebel M.L., B., Mancias P., Pihoker C.M., Dykman R. Does short-term antiepileptic drug treatment in children result in cognitive or behavioral changes? // *Epilepsia*. 1998. Oct; № 39 (10). Pp. 1064–1069. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1998.tb01291.x.
15. Raatikainen M., Kälviäinen R., Jutila L., Äikiä M. Cognitive functioning in new-onset juvenile myoclonic epilepsy // *Epilepsy and Behavior*. 2020. № 106. 107–115. DOI: 10.1016/j.yebeh.2020.107015.
16. Hermann B., Loring D.W., Wilson S. Paradigm shifts in the neuropsychology of epilepsy // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2017. № 23 (9–10 Special Issue). DOI: 10.1017/S1355617717000650.
17. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет / Под общ. ред. Т.В. Ахутиной. М.: В. Секачев, 2016.
18. Оценка когнитивных функций и речевого статуса у детей и подростков с эпилепсией на фоне противоэпилептической терапии / Е.А. Горобец, Р.Г. Гамирова, Т.В. Ахутина, Р.Г. Есин. Казань: Слово, 2021.

Cognitive Functions and Speech Status in Epileptic Children and Adolescents During Antiepileptic Therapy

Elena Anatolievna Gorobets – PhD in Linguistics; Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Head of the Speech Pathology Center, Kazan Federal University; Project Leader, Higher Cortical Function Development in Epileptic Children: Assessment of Speech Status in Dynamics During Antiepileptic Therapy (17-29-09096).

E-mail: elena_gorobets@mail.ru

Rimma Gabdulbarovna Gamirova – MD PhD; Senior Researcher, Neurocognitive Research Laboratory; Acting Head of the Department of Neurology with Courses of Psychiatry, Clinical Psychology, and Medical Genetics, Kazan Federal University; Project Member, Higher Cortical Function Development in Epileptic Children: Assessment of Speech Status in Dynamics During Antiepileptic Therapy.

E-mail: r-gamirov@mail.ru

Tatiana Vasilievna Akhutina – Doctor of Psychology; Senior Researcher, Neuropsychology Laboratory, Lomonosov Moscow State University; Project Member, Higher Cortical Function Development in Epileptic Children: Assessment of Speech Status in Dynamics During Antiepileptic Therapy.

E-mail: akhutina@mail.ru

Radiy Germanovich Yesin – Doctor of Medicine; Prof., Professor of the Department of Neurology with Courses of Psychiatry, Clinical Psychology, and Medical Genetics, Kazan Federal University; Project Member, Higher Cortical Function Development in Epileptic Children: Assessment of Speech Status in Dynamics During Antiepileptic Therapy.

E-mail: radyesin@gmail.com

The effect of new-generation epilepsy drugs on the developing brain needs to be studied in detail, making a dynamic analysis of cognitive functions and speech status in children and adolescents receiving therapy extremely important. The study was conducted on a group of children aged 4 to 18 with idiopathic generalized epilepsy receiving antiepileptic monotherapy and having no cognitive disorders prior to treatment. One of the inclusion criteria was idiopathic epilepsy, which has little effect on cognitive functions. The end result was a Russian-language tool for rapid assessment of neuropsychological and speech status that neurologists, epileptologists, clinical psychologists, and linguists could use on a daily basis.

The research yielded the following new findings: 1) data on new advances in genetic studies of idiopathic generalized epilepsy; 2) data on the effect of generalized epilepsy on higher mental functions, the causes of cognitive decline in patients with idiopathic generalized epilepsy, and the specifics of the development of cognitive functions in certain types of epilepsy; 3) data on changes in cognitive and speech status in children and adolescents receiving anti-convulsant monotherapy; 4) data on the frequency and types of adverse drug reactions registered in the medical records of 428 patients seen by an epileptologist in 2019–2020; 5) data on the etiology, prevalence, clinical features, and comparative effectiveness of antiepileptic drugs in the treatment of patients with juvenile myoclonic epilepsy; and 6) data on the differential diagnosis of idiopathic generalized epilepsy and type I glucose transporter deficiency syndrome (De Vivo disease).

Keywords: epilepsy, cognitive functions, higher mental functions, speech, neurolinguistics, neuropsychology, speech assessment, neurocognitive battery, idiopathic generalized epilepsy, antiepileptic therapy

REFERENCES

1. Moavero R., Santarone M.E., Galasso C., Curatolo P. Cognitive and behavioral effects of new antiepileptic drugs in pediatric epilepsy // *Brain and Development*. 2017. № 39 (6). Pp. 464–469. DOI: 10.1016/j.braindev.2017.01.006.
2. Verrotti A., Moaver, R., Panzarino G., Di Paolantonio C., Rizzo R., Curatolo P. The Challenge of Pharmacotherapy in Children and Adolescents with Epilepsy-ADHD Comorbidity // *Clinical Drug Investigation*. 2018. № 38 (1). DOI: 10.1007/s40261-017-0585-1.
3. Aldenkamp A., Besag F., Gobbi G., Caplan R., Dunn D.W., Sillanpää M. Psychiatric and behavioural disorders in children with epilepsy (ILAE Task Force Report): Adverse cognitive and behavioural effects of antiepileptic drugs in children // *Epileptic Disorders*. 2016. № 18. Pp. 24–30. DOI: 10.1684/epd.2016.0817.
4. Knight R., Wittkowski A., Bromley R.L. Neurodevelopmental outcomes in children exposed to newer antiseizure medications: A systematic review // *Epilepsia*. 2021. № 62 (8). Pp. 1765–1779. DOI: 10.1111/epi.16953.
5. Videman M., Tokariev A., Stjerna S., Roivainen R., Gaily E., Vanhatalo S. Effects of prenatal antiepileptic drug exposure on newborn brain activity // *Epilepsia*. 2016. № 57 (2). Pp. 252–262. DOI: 10.1111/epi.13281.
6. Meador K.J., Cohen M.J., Loring D.W. et al. Two-Year-Old Cognitive Outcomes in Children of Pregnant Women with Epilepsy in the Maternal Outcomes and Neurodevelopmental Effects of Antiepileptic Drugs Study // *JAMA Neurology*. 2021. № 78 (8). Pp. 927–936. DOI: 10.1001/jamaneurol.2021.1583.
7. Błaszczyk B., Miziak B., Pluta R. Epilepsy in Pregnancy – Management Principles and Focus on Valproate International // *Journal of Molecular Sciences*. 2022. № 23 (3). P. 1369. DOI: 10.3390/ijms23031369.
8. Veroniki A.A., Cogo E., Rios P. et al. Comparative safety of anti-epileptic drugs during pregnancy: A systematic review and network meta-analysis of congenital malformations and prenatal outcomes // *BMC Medicine*. 2017. № 15 (1). P. 95. DOI: 9510.1186/s12916-017-0845-1.
9. Aldenkamp A.P., De Krom M., Reijs R. Newer antiepileptic drugs and cognitive issues // *Epilepsia*. 2003. № 44 (Suppl. 4). Pp. 21–29. DOI: 10.1046/j.1528-1157.44.s4.3.x.
10. Meador K.J., Loring D.W. Developmental effects of antiepileptic drugs and the need for improved regulations // *Neurology*. 2016. № 86 (3). Pp. 297–306. DOI: 10.1212/WNL.0000000000002119.

11. Besag F.M.C., Vasey M.J. Neurocognitive Effects of Antiseizure Medications in Children and Adolescents with Epilepsy // *Pediatric Drugs*. 2021. № 23 (3). Pp. 253–286. DOI: 10.1007/s40272-021-00448-0.
12. Jackson D.C., Jones J.E., Hsu D.A. Language function in childhood idiopathic epilepsy syndromes // *Brain and Language*. 2019. № 193. Pp. 4–9. DOI: 10.1016/j.bandl.2017.12.005.
13. Buckley A., Fitzgerald M., Hoerold D., Davey G.P., Doherty C. Effects of the anticonvulsant topiramate on language abilities in people with epilepsy: A cross-sectional study // *Irish Journal of Psychological Medicine*. 2010. № 27 (4). Pp. 179–183.
14. Williams J., Bates S., Griebel M.L., B., Mancias P., Pihoker C.M., Dykman R. Does short-term antiepileptic drug treatment in children result in cognitive or behavioral changes? // *Epilepsia*. 1998. Oct; № 39 (10). Pp. 1064–1069. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1998.tb01291.x.
15. Raatikainen M., Kälviäinen R., Jutila L., Äikiä M. Cognitive functioning in new-onset juvenile myoclonic epilepsy // *Epilepsy and Behavior*. 2020. № 106. 107–115. DOI: 10.1016/j.yebeh.2020.107015.
16. Hermann B., Loring D.W., Wilson S. Paradigm shifts in the neuropsychology of epilepsy // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2017. № 23 (9–10 Special Issue). DOI: 10.1017/S1355617717000650.
17. *Metody neiropsikhologicheskogo obsledovaniya detei 6–9 let / Pod obshch.red. T.V. Akhuti-noi. M.: V. Sekachev, 2016 (in Russian).*
18. *Otsenka kognitivnykh funktsii i rechevogo statusa u detei i podrostkov s epilepsiei na fone protivoepilepticheskoi terapii / E.A. Gorobets, R.G. Gamirova, T.V. Akhutina, R.G. Esin. Kazan': Slovo, 2021 (in Russian).*

Индекс УДК 81'23
 Код ГРНТИ 16.21.29, 16.21.21, 34.39.23
 DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-145-158

**О.В. ДРАГОЙ
 С.В. ДОРОФЕЕВА,
 А.А. ЛОПУХИНА,
 Т.А. БОЛЬГИНА,
 О.А. ПАРШИНА,
 А.К. ЛАУРИНАВИЧЮТЕ***

Фонологический дефицит и его мозговые корреляты у детей с дислексией

Данная работа представляет комплексное кроссметодическое экспериментальное исследование нарушений навыков фонологической обработки у русскоговорящих детей с дислексией. Мы разработали и стандартизировали русскоязычную батарею тестов для оценки навыков фонологической обработки, с её помощью оценили особенности фонологического дефицита у детей с дислексией и провели анализ трудностей чтения и их мозговых структурных коррелятов, используя современные методы видеоокулографии и нейровизуализации. Результаты первого этапа проекта показали, что более сложные фонологические тесты оказались для детей и более трудными, а показатели детей в этих тестах являются значимыми предикторами скорости чтения. Второй этап

* **Драгой Ольга Викторовна** — доктор филологических наук, профессор, директор Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики», руководитель проекта «Лингвистический дефицит и его мозговые корреляты у детей с дислексией» (17-29-09122).

E-mail: odragoy@hse.ru

Дорофеева Светлана Валентиновна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.

E-mail: sdorofeeva@hse.ru

Лопухина Анастасия Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.

E-mail: nastya.lopukhina@gmail.com

Больгина Татьяна Александровна — стажёр-исследователь Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.

E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com

Паршина Ольга Александровна — Ph. D., научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: parshinaolga23@gmail.com

Лауринавичюте Анна Кестучё — Ph. D., младший научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики», Университет Потсдама (Германия), исполнитель того же проекта.

E-mail: annlaurin@gmail.com

проекта позволил выявить пять типичных паттернов движений глаз при чтении предложений среди детей с дислексией и без неё. Мы обнаружили, что дети с дислексией читают по тем же паттернам, что и их типично развивающиеся сверстники, но с трёхлетней задержкой. Наконец, третий этап исследований позволил выявить значимые различия в объёме серого вещества мозга в мозжечке, инселе и теменной доле между группой детей с дислексией и контрольной группой типично развивающихся детей.

Полученные результаты имеют большое значение для клинической практики, дальнейших междисциплинарных исследований дислексии и могут быть важны для образовательной системы.

Ключевые слова: дислексия, нарушения чтения, фонологическая обработка, глобальные паттерны чтения, видеоокулография, нейровизуализация

Введение

Дислексия — это специфическое нарушение способности к освоению чтения при нормальном интеллектуальном развитии и сохранении зрения и слухе. Распространённость дислексии, по данным различных исследований, колеблется в диапазоне от менее 5% до более 20% в зависимости от используемых процедур диагностики и пороговых значений, а также от особенностей письменности конкретного языка [1]. Отсутствие своевременной адекватной помощи может приводить к неудачам в школе, тревоге, депрессивному поведению и суицидальным мыслям [2].

Проявлением дислексии на поведенческом уровне может быть снижение как скорости, так и точности чтения, а вторичные последствия могут включать трудности с пониманием прочитанного, сокращение читательского опыта и замедление роста базовых знаний [3]. Среди причин возникновения дислексии на уровне развития когнитивных функций называют дефицит фонологической обработки, нарушения обработки зрительной и зрительно-пространственной информации, зрительного внимания, регуляторные нарушения или комбинацию этих дефицитов [4]. Особенности развития на уровне когнитивных функций могут быть обусловлены особенностями формирования и функциониро-

вания мозга в процессе развития детей с дислексией.

Современные экспериментальные исследования предоставляют различные свидетельства нейробиологических основ данного расстройства. Так, в отношении проводящих путей головного мозга показано, что меньший объём левого дугообразного пучка положительно коррелирует с трудностями фонологической обработки и развитием дислексии [5]. Отмечаются изменения в функциональной связи между мозжечком и другими регионами в «сети чтения», в том числе левой угловой и нижней лобной извилиной [6, 7]. При этом одни исследования обнаруживают увеличенный или уменьшенный объём задних височных, височно-теменных структур серого вещества, другие — уменьшенный объём левой нижнелобной извилины и билатерально уменьшенный объём височно-затылочных областей и, наконец, билатерально уменьшенный объём серого вещества в мозжечке [8]. С другой стороны, было показано, что объём серого вещества в нескольких регионах, включая левую височную кору, снижен у детей с дислексией по сравнению с контрольной группой того же возраста, но не по сравнению с младшей группой детей аналогичного уровня по чтению [9]. Иначе говоря, отличия в объёме серого вещества

при дислексии связаны с уровнем текущей способности чтения, при этом частично они отражают недостаточный опыт чтения при дислексии, а не являются исключительным признаком дислексии как таковой. Однако при наличии большого количества подобных свидетельств картина нейроанатомических основ дислексии до сих пор далека от ясности. В частности, метааналитические работы обнаруживают недостаточную согласованность между данными различных авторов [10], а в масштабном исследовании с большим количеством испытуемых не удалось воспроизвести более ранние результаты [11].

Одной из существенных причин недостаточной согласованности между результатами исследований может быть то, что в большинстве экспериментов не проводилось строгого отбора испытуемых по критерию типа функционального дефицита (фонологического, зрительно-пространственного, регуляторного и т.д.). Учитывая сформированное в отечественной науке понимание чтения как когнитивного процесса, связанного с высшими психическими функциями и опирающегося на работу сложно организованного мозгового субстрата [12], можно ожидать, что результаты нейронаучных исследований детей со сходным дефицитом, выявленным путём детального поведенческого тестирования, могли бы показывать более стабильные и однородные результаты. Однако, несмотря на наличие протоколов комплексного нейропсихологического обследования для *качественной* оценки отдельных функций, отсутствие стандартизированных инструментов для *детальной количественной* оценки различных видов дислексии выступало ограничением для проведения подобных исследований.

Целью нашей работы было заложить основы современного научного подхода к комплексному междисциплинарному исследованию механизмов дислексии на материале русского языка. Учитывая широкую распространённость фонологического дефицита у детей с дислексией,

мы сосредоточились на изучении именно этого вида нарушений. В основе проекта лежит фундаментальная научная проблема, связанная с необходимостью анализа ядерной, языковой составляющей дислексии. Для проведения такого анализа в рамках данного проекта предусматривалась масштабная работа, состоящая из трёх этапов. На первом этапе ставилась задача разработки учитывающего современное (психо)лингвистическое научное знание инструментария для детальной количественной оценки профиля фонологической обработки у русскоговорящих детей. После стандартизации и оценки надёжности созданного инструментария мы исследовали связь фонологических навыков и чтения у типично развивающихся детей и отличия в фонологических навыках у детей с дислексией. На втором этапе мы провели детализированный анализ трудностей чтения у детей с дислексией по данным видеоокулографии. Для этого использовались исследование связи метрик движений глаз с показателями фонологической обработки и описание основных паттернов движений глаз при чтении у детей с дислексией по сравнению с детьми из группы нормы. Наконец, на третьем этапе мы исследовали особенности развития мозга детей с дислексией и провели анализ структурных коррелятов фонологического дефицита у русскоговорящих детей.

В данной статье мы кратко описываем результаты комплекса проведённых исследований.

Этап 1. Разработка батареи фонологических тестов ЗАРЯ и исследование связи навыков фонологической обработки и чтения

В мировой практике как для диагностики дислексии, так и для выявления фонологического дефицита в исследовательских целях используются стандартизированные батареи тестов, например Comprehensive Test of Phonological Processing [13], Tests for Auditory Processing Disorders [14]. Однако при-

менять разработанные для других языков инструменты, переводя стимулы напрямую, нельзя, поскольку важно учитывать особенности конкретного языка и контролировать многие (психо)лингвистические параметры стимулов (такие как частотность и возраст усвоения слов, наличие артикуляторных переключений и проч.).

Впервые в рамках данного проекта для русского языка был разработан и стандартизирован необходимый инструментарий для оценки навыков фонологической обработки – батарея тестов ЗАРЯ (Звуковой анализ русского языка) (описание структуры батареи тестов ЗАРЯ и нормативные данные см. в Методическом руководстве [15], подробные результаты исследования связи навыков фонологической обработки и чтения, а также информация о надёжности фонологических тестов опубликованы нами в статье «Complex phonological tasks predict reading in 7 to 11 years of age typically developing Russian children» [16], результаты сравнения навыков фонологической обработки у детей с дислексией и без дислексии детально представлены в нашей статье «Исследование фонологического дефицита у русскоязычных детей с дислексией» [17]).

При разработке батареи тестов ЗАРЯ мы использовали ранжирование заданий по сложности – в зависимости от количества речевых процессов, задействование которых необходимо для успешного выполнения задания. Это позволило нам проверить никогда ранее не подвергавшуюся экспериментальной проверке гипотезу о том, что общая сложность фонологического теста влияет на способность этого теста предсказывать навыки чтения. Фонологическая батарея ЗАРЯ состоит из семи тестов. Для каждого теста мы оценивали, задействует ли он следующие речевые процессы: 1) декодирование входящих речевых сигналов, 2) лексический доступ, 3) фонологическую память, 4) сознательный фонологический анализ, 5) операции с последовательностями фонем и 6) порождение речи и артикуляция. В результате семь тестов

были классифицированы как принадлежащие к четырём уровням сложности [16].

Для сбора нормативных данных и исследования связи фонологических навыков и чтения мы привлекли типично развивающихся учащихся начальной школы ($N = 105$) в возрасте 7–11 лет. Все участники были без истории диагностированных неврологических расстройств, без проблем с освоением чтения, с нормальным или скорректированным до нормально-го зрением. Скрининг на отсутствие нарушений слуха (аудиометрическая система Audiogramm версии 4.6.1.3, аудиометрические наушники Sennheiser HDA 280) привёл к исключению трёх участников. Скрининг на уровень невербального интеллекта [18] привёл к исключению 12 участников. Данные 90 детей (48 девочек, средний возраст = 8.7, $SD = 1.13$) остались в анализе. Для сравнения фонологических навыков в группе детей с дислексией и в контрольной группе мы привлекли ещё 55 детей с клинически диагностированной дислексией, подтверждённой субнормативными показателями чтения [19], и 45 детей без дислексии с нормативными показателями чтения. Все участники были без диагностированных неврологических расстройств, с нормальными зрением, слухом и уровнем невербального интеллекта. У всех детей навыки фонологической обработки оценивались с помощью батареи тестов ЗАРЯ, а навыки чтения – с помощью «Стандартизированной методики оценки навыка чтения» [19].

Мы обнаружили, что, действительно, более сложные тесты, вовлекающие большее число процессов, оказались для детей более трудными (дети совершали в них больше ошибок). Кроме того, мы выявили, что интегральный показатель, отражающий затраты отдельного ребёнка на обработку одного дополнительного речевого процесса в фонологическом тесте, является значимым предиктором скорости чтения (подробное описание результатов см. в [16]). Этот результат получен впервые, и он является важным вкладом в дискус-

сию о том, почему показатели выполнения различных фонологических тестов по-разному коррелируют с чтением.

При сравнении навыков фонологической обработки в группе детей с дислексией и без неё мы обнаружили, что две группы не различались статистически значимо по успешности выполнения двух самых простых заданий батареи тестов ЗАРЯ («Дискриминация фонем» и «Лексическое решение»), но различались по успешности выполнения всех более сложных фонологических тестов: «Повторение псевдослов», «Первый звук в слове», «Наличие звука в слове», «Количество звуков в слове», «Замена звука в псевдослове». Корреляционный анализ в объединённой группе 100 детей с дислексией и без неё показал, что скорость чтения значимо положительно коррелирует только с успешностью в самых сложных фонологических тестах (подробное описание см. в [17]).

Дополнительно важным практическим результатом первого этапа проекта стала публикация нами современных нормативных данных по чтению у русскоязычных детей младшего школьного возраста [19].

Этап 2. Видеоокулографическое исследование

Второй задачей проекта было описание особенностей движений глаз при чтении у детей с дислексией по сравнению с детьми из группы нормы. Предыдущие исследования на материале европейских языков показали, что дети с дислексией делают больше коротких фиксаций на словах, чаще перечитывают части предложения и реже пропускают слова при чтении, чем их ровесники без нарушений чтения. Такие особенности движений глаз, вероятно, отражают сублексическую стратегию чтения слов по слогам, которую используют дети с дислексией. В нашем первом эксперименте в группе 68 учащихся 1–4 классов (22 с дислексией и 46 из группы нормы) мы наблюдали аналогичные результаты в длительности фиксаций, перечитывании и от-

сутствии пропуска слов [20]. Кроме того, мы обнаружили, что дети, имеющие более высокие баллы в субтесте ЗАРЯ «Замена звука в псевдослове» [16], тратили меньше времени на перечитывание слов, чем дети с низкими баллами; причём этот эффект более выражен у детей с дислексией, чем у детей из группы нормы. Вероятно, хорошие навыки сложного фонематического анализа, которые отражаются в успешности выполнения данного субтеста, особенно важны для чтения у детей с дислексией.

Хотя видеоокулографические исследования подробно описали количественные различия в основных глазодвигательных мерах при чтении слов в предложениях, до сих пор практически ничего не известно о глобальных стратегиях при чтении на уровне предложения у детей с типичным и нарушенным чтением. Глобальные стратегии чтения позволяют не фокусироваться на локальных метриках чтения отдельных слов, а проанализировать паттерн движения глаз при чтении всего предложения. Выявление и классификация таких стратегий даёт возможность понять, как именно дети читают на уровне предложения, а также как и почему могут различаться паттерны чтения у разных детей или групп детей. Задачами нашего исследования, результаты которого детально опубликованы в статье «Global reading processes in children with high risk of dyslexia: a scanpath analysis» [21], стали выявление основных паттернов движений глаз при чтении предложений при нормальном и нарушенном чтении, а также отслеживание того, как эти паттерны меняются в зависимости от класса обучения.

В эксперименте приняли участие 144 учащихся 1–5 классов (54 девочки, средний возраст = 9.4, SD = 1.19) с невербальным интеллектом в пределах возрастной нормы [18]: 72 ребёнка с дислексией согласно «Стандартизированной методике оценки навыка чтения» (СМИНЧ) и соответствующие по полу и возрасту 72 ребёнка без нарушений чтения согласно СМИНЧ. Все дети прочитали про себя 30 специ-

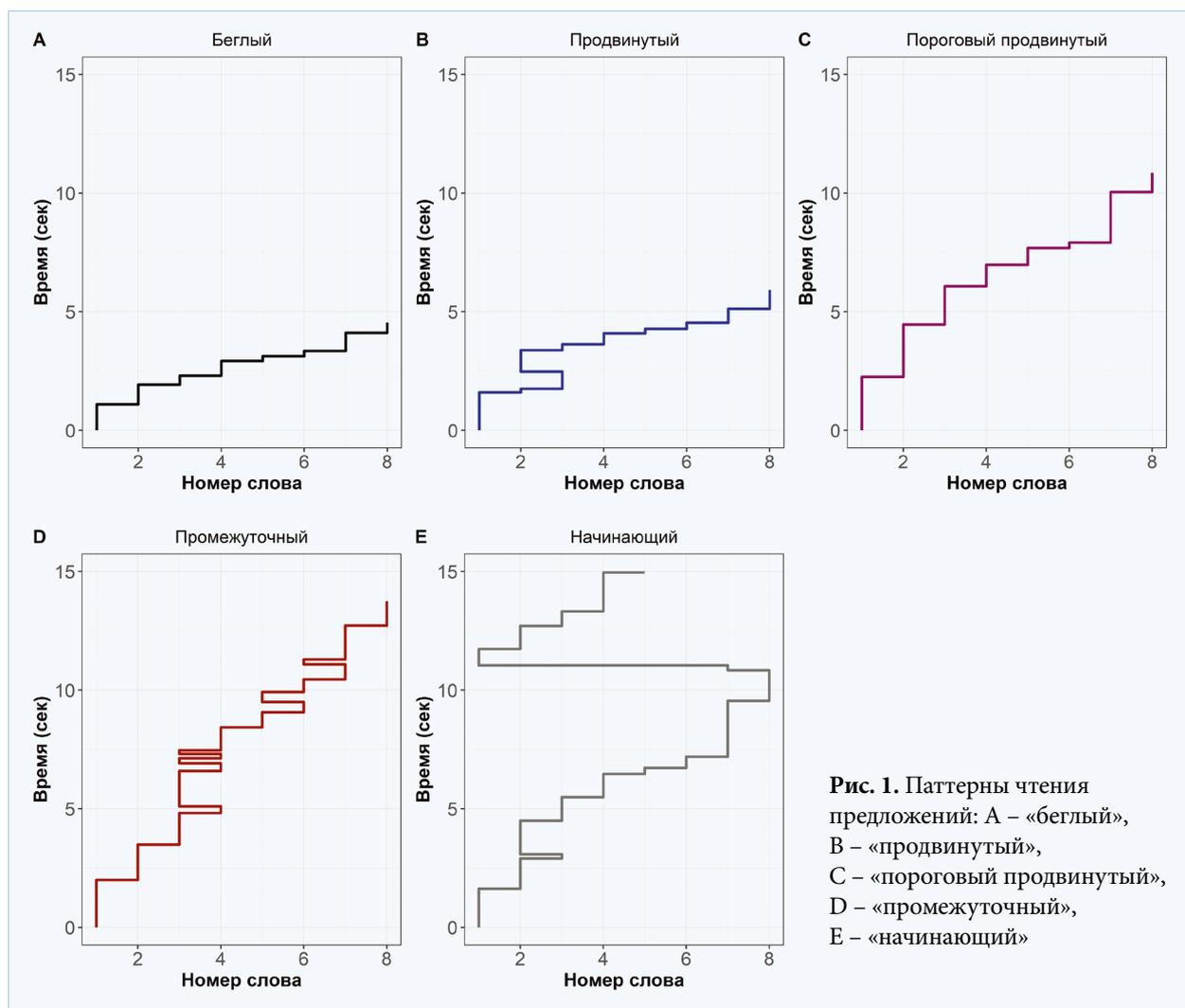

Рис. 1. Паттерны чтения предложений: А – «беглый», В – «продвинутый», С – «пороговый продвинутый», D – «промежуточный», E – «начинающий»

ально подобранных предложений, которые предъявлялись участникам в случайном порядке. Движения глаз детей записывались при помощи видеоокулографов EyeLink 1000 Plus или EyeLink Portable Duo. Собранные данные были проанализированы по протоколу анализа паттернов чтения (scanpaths analysis; [22]).

В результате на основе данных всех участников были выявлены пять типичных паттернов чтения предложений (рис. 1). «Беглый» паттерн (А) характеризуется короткими фиксациями, высокой вероятностью пропусков слов и невысокой вероятностью перечитывания. «Продвинутый» и «пороговый продвинутый» (В, С) качественно похожи на «беглый», однако отличаются более длительными фиксациями. «Промежуточный» паттерн (D) предпола-

гает ещё более долгие фиксации и высокую вероятность перечитывания слов внутри предложения. Последний «начинающий» паттерн (E) предполагает перечитывание больших порций предложения или всего предложения несколько раз.

Наконец, мы проанализировали, как следование тому или иному паттерну чтения меняется в зависимости от класса обучения для детей с дислексией по сравнению с нормой. Оказалось, что дети из группы нормы быстро переходили от одного паттерна к другому и уже в 4-м классе использовали преимущественно «беглый» паттерн. Дети с дислексией в 1-м классе следовали «начинающему» паттерну, затем со 2-го по 4-й классы переключались на «промежуточный» и «пороговый продвинутый» и только в 5-м классе использовали «продвинутый» паттерн

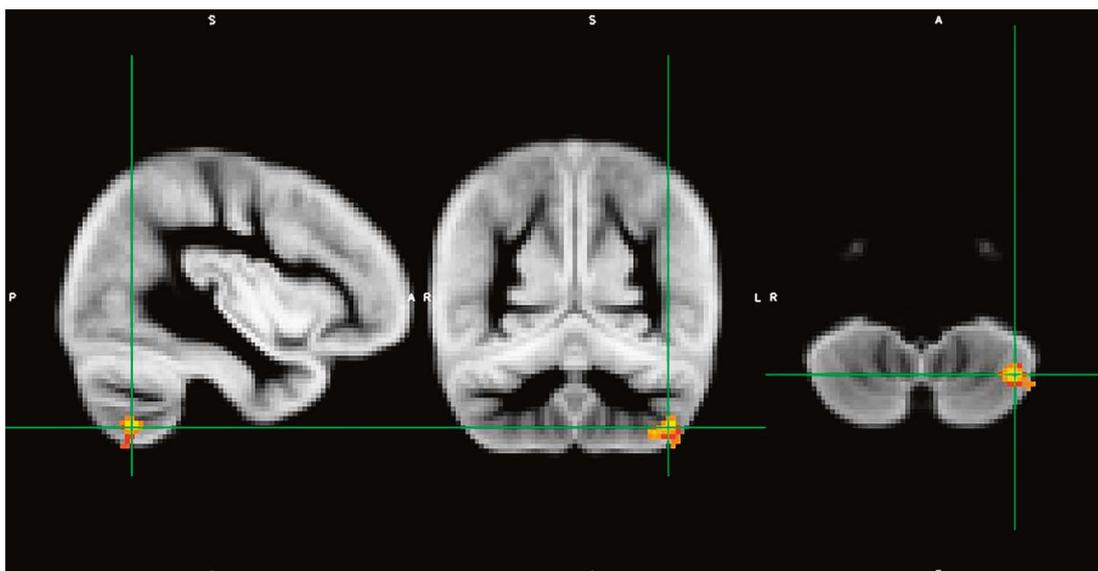

Рис. 2. Кластер серого вещества в левом полушарии мозжечка, в котором объём серого вещества значимо меньше при больших показателях фонологического теста «Наличие звука в слове». Здесь и далее мозг изображён в радиологической конвенции (левое полушарие мозга изображено справа на рисунке)

чтения. В целом анализ глобальных паттернов чтения показывает, что дети с дислексией читают по тем же паттернам чтения, что и их типично читающие сверстники, но с трёхлетней задержкой.

Этап 3. Нейровизуализационное исследование

Третьей задачей проекта было выявление структурных мозговых коррелятов фонологических нарушений на уровне серого вещества у русскоговорящих детей с дислексией по сравнению с группой типично осваивающих чтение детей. В рамках этого исследования были выполнены два типа сравнений. Во-первых, мы провели анализ корреляций между объёмом серого вещества головного мозга и поведенческими результатами по всем заданиям батареи тестов ЗАРЯ и количеству правильно прочитанных слов в минуту на разнородной выборке, включающей детей с диагностированной дислексией, с риском дислексии и здоровых детей. Во-вторых, мы сравнили объём серого вещества мозга в группах детей с дислексией и без неё на полной выборке.

В исследовании приняли участие 75 учащихся 1–5 классов (31 девочка, средний возраст = 9,39, SD = 1,16): 35 детей с диагностированной дислексией и 40 неврологически здоровых детей, из которых четыре ребёнка были определены в группу риска по количеству правильно прочитанных слов в минуту. Все дети прошли структурную магнитно-резонансную томографию (3Т МРТ сканер, TR = 1900 мсек, TE = 3,37 мсек; 176 анатомических T1-изображений мозга, размер вокселя $1 \times 1 \times 1 \text{ мм}^3$).

Все дети имели нормальные зрение, слух и уровень невербального интеллекта. Навыки чтения оценивались с помощью «Стандартизированной методики оценки навыка чтения» и батареи фонологических тестов ЗАРЯ. Морфометрический повоксельный анализ объёма серого вещества выполнялся в программе FSL-VBM.

Анализ корреляций успешности фонологической обработки с объёмом серого вещества на разнородной выборке 75 детей показал, что чем меньше объём серого вещества в левом полушарии мозжечка, тем лучше показатели теста «Наличие звука в слове» (102 вокселя, $p = 0.041$, -40 , -60 , -52 ; здесь и далее уровень

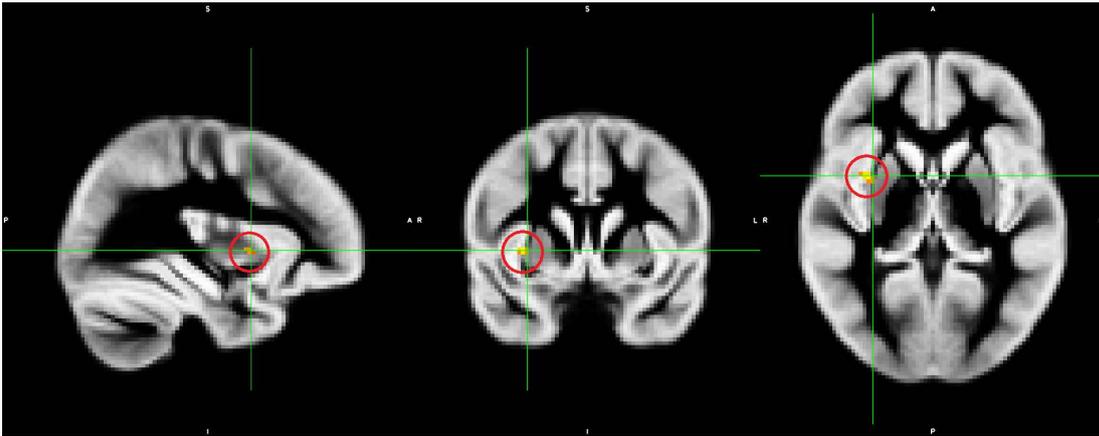

Рис. 3. Кластер серого вещества в инсуре и базальном ядре, в котором объём серого вещества значимо больше при больших показателях фонологического теста «Повторение псевдослов»

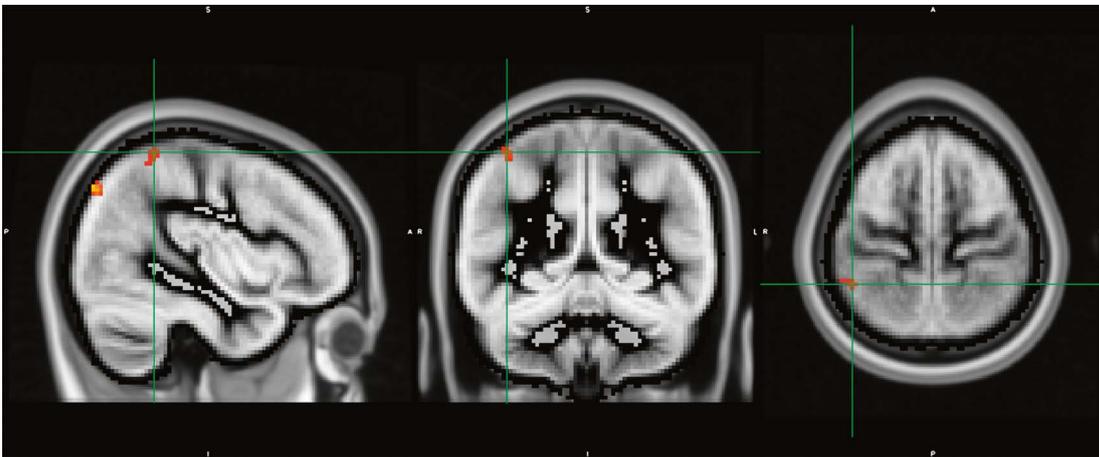

Рис. 4. Кластеры серого вещества в верхней теменной долике правого полушария, в которых объём серого вещества значимо больше у детей с дислексией по сравнению с детьми группы нормы

значимости представлен с поправками на множественные сравнения, а координаты доложены в системе координат человеческого мозга Монреальского неврологического института (Montreal Neurological Institute) (рис. 2).

Кроме того, меньший объём серого вещества в инсуре и базальном ядре правого полушария коррелировал с худшими показателями выполнения теста «Повторение псевдослов» (18 вокселей, $p = 0.045$, 34, 4, 2) (рис. 3). Наконец, с увеличением возраста объём серого вещества значимо уменьшался в левом предклинии и правом верхнем отделе латеральной затылочной коры ($p < 0.05$), а у девочек было обнаружено значимо больше серого вещества, чем

у мальчиков, в правом мозжечке, левом и правом гиппокампе и в затылочной области правого полушария ($p < 0,01$).

Сравнение объёма серого вещества у детей с дислексией и без дислексии на выборке из 71 ребёнка (без включения детей группы риска) показало, что у первых значимо больше серого вещества, чем у детей группы нормы, в верхней теменной долике правого полушария в двух кластерах (26 вокселей, $p = 0.044$, 42, -46, 60; 142 вокселя, $p = 0.028$, 34, -82, 42) (рис. 4).

Заключение

В рамках данного проекта впервые было проведено комплексное исследование навыков фонологической обработки у рус-

скоговорящих детей с дислексией. Для этого мы не только разработали и стандартизировали батарею фонологических тестов ЗАРЯ, но и провели ряд экспериментов, в том числе используя современные методы видеоокулографии и нейровизуализации.

Мы обнаружили, что результаты детей с дислексией (с подтверждённым отсутствием первичных нарушений слуха) не имели статистически значимых отличий от результатов успешно осваивающих чтение детей в двух самых простых заданиях батареи тестов ЗАРЯ – на дискриминацию фонем и лексическое решение. Это говорит о том, что у участвовавших в исследовании детей с дислексией не было трудностей как со способностью различать фонемы (звуки языка), так и с лексическим доступом. Мы впервые показали, что по мере усложнения задания (за счёт повышенного вовлечения рабочей памяти, манипуляций фонологическим материалом, подключения артикуляции – увеличения количества вовлечённых процессов) способность фонологических тестов предсказывать скорость чтения увеличивается, с наибольшей предсказательной способностью у самых сложных тестов. Концептуально это соответствует гипотезе о том, что выполнение сложных фонологических заданий включает в себя комплекс речевых процессов, пересекающийся с комплексом процессов, вовлечённых и в более сложный процесс чтения.

Связь продвинутых навыков фонологической обработки и успешного чтения подтверждают и результаты нашего видеоокулографического исследования, в котором мы обнаружили, что дети, которые лучше справляются с самым сложным заданием из батареи тестов ЗАРЯ («Замена звука в псевдослове»), тратили меньше времени на перечитывание слов. Кроме того, метрики движений глаз на уровне отдельных слов в нашей выборке в целом совпадают с результатами предыдущих исследований: русскоговорящие дети с дислексией делают больше коротких фикса-

ций на словах, чаще перечитывают части предложения и реже пропускают слова при чтении. При этом результат нового анализа глобальных паттернов чтения является важным свидетельством в пользу того, что динамика развития навыков чтения детей с дислексией имеет скорее не принципиальные отличия от типично развивающихся детей, а задержку по времени – примерно на три года. Этот результат может иметь большое значение для образовательной системы, однако его важно проверить в лонгитюдном исследовании.

В нейровизуализационном исследовании мы не нашли значимых корреляций объёма серого вещества и успешности выполнения простых фонологических тестов («Дискриминация фонем» и «Лексическое решение») – возможно, это связано с так называемым эффектом потолка, поскольку практически все участники, включая детей с дислексией, выполняли простые тесты с высокой точностью. Тесты средней сложности («Повторение псевдослов» и «Наличие звука в слове») позволили получить следующие важные результаты. Обнаруженная нами обратная корреляция результатов в тесте «Наличие звука в слове» с объёмом серого вещества в левом полушарии мозжечка согласуется с имеющимися свидетельствами, что различия в симметрии мозжечка и объёме серого вещества – одни из наиболее последовательно обнаруживающихся структурных отличий мозга детей с дислексией по сравнению с хорошо читающими детьми.

Интересно, что в исследовании англоговорящих детей 9–14 лет ранее выявили сеть повышенной активации в инсule (билатерально), правой верхней височной извилине, правой нижней теменной доле, а также в левом мозжечке, которая постоянно ассоциировалась с более низкими показателями в языковых тестах и тестах на чтение [23]. В ходе исследования мы обнаружили, что меньший объём серого вещества в инсule и базальном ядре правого полушария коррелировал с худши-

ми показателями выполнения теста на повторение псевдослов. Критически важная роль левой инсулы для внутрислоговой и межслововой координации сложных артикуляционных движений, предшествующих выполнению речевых команд, была недавно показана в исследовании взрослых пациентов с чистой апраксией речи (без афазии и нарушений способности двигать артикуляторным аппаратом) [24]. Эта функция особенно важна при повторении псевдослов.

Стоит обратить внимание, что в недавно опубликованном исследовании взрослых носителей финского языка с дислексией и без [25] был проведён анализ связи метрик серого вещества с широким спектром нейропсихологических тестов, была также обнаружена связь кластера, включающего левую инсулу, с результатами фонологических тестов. Однако авторы этого исследования в качестве метрики фонологических навыков использовали сводный индекс на основе трёх фонологических тестов, поэтому выявить связь именно с функцией координации сложных артикуляционных движений не представлялось возможным. При этом каждый из использованных авторами тестов задействует артикуляцию. Наше же исследование с использованием широкого ряда фонологических тестов с разным числом задействованных речевых процессов позволяет уточнить интерпретацию роли инсулы: эта область не оказывается статистически значимой при проведении корреляционного анализа с результатами тестов, требующих только восприятия звучащей речи и вовлечения рабочей памяти (но без вовлечения артикуляции), но оказывается значимой при использовании результатов тестов на повторение псевдослов – когда необходимо

не автоматизированное озвучивание знаковых слов, а осознанное планирование артикуляции для необычных сочетаний звуков; и её значимость не обнаруживается в тестах, в которых, кроме артикуляции, требуются также более сложные процессы фонематического анализа или манипуляций с фонологическим материалом. Для надёжной интерпретации остальных результатов требуются дополнительные исследования.

В целом, полученные нами результаты имеют непосредственное значение как для клинической практики, так и для дальнейших междисциплинарных исследований дислексии. В соответствии с этими результатами различие детей с дислексией, имеющих нарушения фонологической обработки и не имеющих таковых, должно базироваться на результатах тестирования именно сложными фонологическими тестами как наиболее дискриминативными. В то же время для планирования коррекционных мероприятий важно использовать более широкий спектр тестов и, сравнивая набор задействованных речевых процессов в тестах с высокими результатами и с более низкими, определять локус дефицита. Кроме того, стандартизированная фонологическая батарея или её отдельные тесты могут использоваться в междисциплинарных исследованиях нарушений речевого развития не только детей с дислексией, но и детей с другими нарушениями (в частности, с аутизмом). Использование нескольких фонологических тестов с известным набором необходимых для выполнения задания речевых процессов важно также для интерпретации результатов сложных нейровизуализационных исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wagner R.K., Zirps F.A., Edwards A.A., Wood S.G., Joyner R.E., Becker B.J., Liu G., Beal B. The Prevalence of Dyslexia: A New Approach to Its Estimation // Journal of Learning Disabilities. 2020. № 53 (5). Pp. 354–365. DOI: 10.1177/0022219420920377.

2. Nelson J.M., Harwood H. Learning disabilities and anxiety: A meta-analysis // *Ibid.* 2011. № 44 (1). Pp. 3–17. DOI: 10.1177/0022219409359939.
3. World Health Organization International statistical classification of diseases and related health problems – Tenth revision (2nd edn). Geneva: World Health Organization, 2008.
4. Pernet C., Andersson J., Paulesu E., Demonet J.F. When all hypotheses are right: A multifocal account of dyslexia // *Human Brain Mapping.* 2009. № 30 (7). Pp. 2278–2292. DOI: 10.1002/hbm.20670.
5. Saygin Z.M., Norton E.S., Osher D.E., Beach S.D., Cyr A.B., Ozernov-Palchik O., Yendiki A., Fischl B., Gaab N., Gabrieli J.D.E. Tracking the Roots of Reading Ability: White Matter Volume and Integrity Correlate with Phonological Awareness in Prereading and Early-Reading Kindergarten Children // *Journal of Neuroscience.* 2013. № 33 (33). Pp. 13251–13258. DOI: 10.1523/jneurosci.4383-12.2013.
6. Horwitz B., Rumsey J.M., Donohue B.C. Functional connectivity of the angular gyrus in normal reading and dyslexia // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* 1998. № 95 (15). Pp. 8939–8944. DOI: 10.1073/pnas.95.15.8939.
7. Stanberry L.I., Richards T.L., Berninger V.W., Nandy R.R., Aylward E.H., Maravilla K.R., Stock P.S., Cordes D. Low-frequency signal changes reflect differences in functional connectivity between good readers and dyslexics during continuous phoneme mapping // *Magnetic Resonance Imaging.* 2006. № 24 (3). Pp. 217–229. DOI: 10.1016/j.mri.2005.12.006.
8. Jednoróg K., Gawron N., Marchewka A., Heim S., Grabowska A. Cognitive subtypes of dyslexia are characterized by distinct patterns of grey matter volume // *Brain Structure and Function.* 2013. № 219 (5). Pp. 1697–1707. DOI: 10.1007/s00429-013-0595-6.
9. Krafnick A.J., Flowers D.L., Luetje M.M., Napoliello E.M., Eden G.F. An Investigation into the Origin of Anatomical Differences in Dyslexia // *The Journal of Neuroscience.* 2014. № 34 (3). Pp. 901–908. DOI: 10.1523/jneurosci.2092-13.2013.
10. Richlan F. Developmental dyslexia: dysfunction of a left hemisphere reading network // *Frontiers in human neuroscience.* 2012. № 6. Pp. 120–125. DOI: 10.3389/fnhum.2012.00120
11. Richlan F., Kronbichler M., Wimmer H. Structural abnormalities in the dyslexic brain: a meta-analysis of voxel-based morphometry studies // *Hum. Brain Mapp.* 2013. № 34 (11). Pp. 3055–3065. DOI: 10.1002/hbm.22127.
12. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во МГУ, 1969.
13. Wagner R.K., Torgesen J.K., Rashotte C.A., Pearson N.A. *Comprehensive Test of Phonological Processing / 2nd ed. (STOPP-2)*, Austin, TX: Pro-Ed, 2013.
14. Keith R.W. *SCAN-3 for Adolescents and Adults: Tests for Auditory Processing Disorders.* San Antonio, TX: Pearson, 2009.
15. Дорофеева С.В., Драгой О.В. Методическое руководство к батарее тестов для оценки навыков фонологической обработки ЗАРЯ (Звуковой Анализ Русского Языка). https://www.hse.ru/data/2021/08/25/1414837805/RuToPP_manual.pdf (дата обращения: 22.02.2022).
16. Dorofeeva S.V., Laurinavichyute A., Reshetnikova V., Akhutina T.V., Tops W., Dragoy O. Complex phonological tasks predict reading in 7 to 11 years of age typically developing Russian children // *Journal of Research in Reading.* 2020. № 43 (4). Pp. 516–535. DOI: 10.1111/1467-9817.12327.
17. Дорофеева С.В., Решетникова В.А., Искра Е.В., Горанская Д.Н., Зырянов А.С., Гордеева Е.А., Серебрякова М.Н., Ахутина Т.В., Драгой О.В. Исследование фонологического дефицита у русскоязычных детей с дислексией // *Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке: Сборник научных трудов. В 2 ч. С. 158–160. № 2. С. 848.*
18. Равен Д. *Цветные прогрессивные матрицы серии А.* М.: Когито-Центр, 2004.

19. Dorofeeva S.V., Reshetnikova V., Serebryakova M., Goranskaya D., Akhutina T.V., Dragoy O.V. Assessing the validity of the standardized assessment of reading skills in Russian and verifying the relevance of available normative data // The Russian Journal of Cognitive Science. 2019. № 6 (1). Pp. 4–24.
20. Лопухина А.А., Гольдина С.М., Лауринавичюте А.К., Искра Е.В., Драгой О.В. Специфика движений глаз при чтении предложений у детей с дислексией // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. 2021. С. 261–266.
21. Parshina O., Lopukhina A., Goldina S., Iskra E., Serebryakova M., Staroverova V., Zdorova N., Dragoy O. Global reading processes in children with high risk of dyslexia: a scanpath analysis // Annals of Dyslexia. 2022. Pp. 1–23. DOI: 10.1007/s11881-021-00251-z.
22. Von der Malsburg T., Vasishth S. What is the scanpath signature of syntactic reanalysis? // Journal of Memory and Language. 2011. № 65 (2). Pp. 109–127. DOI: 10.1016/j.jml.2011.02.004.
23. Rimrodt S.L., Clements-Stephens A.M., Pugh K.R., Courtney S.M., Gaur P., Pekar J.J., Cutting L.E. Functional MRI of sentence comprehension in children with dyslexia: beyond word recognition // Cerebral Cortex. 2009. № 19 (2). Pp. 402–413.
24. Tomaiuolo F., Campana S., Voci L., Lasaponara S., Doricchi F., Petrides M. The Precentral Insular Cortical Network for Speech Articulation // Cerebral Cortex. 2021. № 31 (8). Pp. 3723–3731.
25. Kujala T., Sihvonen A.J., Thiede A., Palo-Oja P., Virtala P., Numminen J., Laasonen M. Voxel and surface based whole brain analysis shows reading skill associated grey matter abnormalities in dyslexia // Scientific Reports. 2021. № 11 (1). Pp. 1–9.

Phonological Deficit and its Brain Correlates in Children with Developmental Dyslexia

Olga Viktorovna Dragoy – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director of the Center for Language and Brain, HSE University, head of the project “Linguistic deficit and its brain correlates in children with developmental dyslexia” (17-29-09122).

E-mail: odragoy@hse.ru

Svetlana Valentinovna Dorofeeva – Candidate of Sciences (Philology), Junior researcher, the Center for Language and Brain, HSE University, executor of the same project.

E-mail: sdorofeeva@hse.ru

Anastasiya Alexandrovna Lopukhina – Candidate of Sciences (Philology), Researcher, the Center for Language and Brain, HSE University, executor of the same project.

E-mail: nastya.lopukhina@gmail.com

Tatyana Alexandrovna Bolgina – Trainee Researcher, the Center for Language and Brain, HSE University, executor of the same project.

E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com

Olga Alexandrovna Parshina – Ph. D., Researcher, the Center for Language and Brain, HSE University.

E-mail: parshinaolga23@gmail.com

Anna Kestuche Laurinavichyute – Ph. D., Junior researcher, the Center for Language and Brain, HSE University; Potsdam University (Germany), executor of the same project.

E-mail: annlaurin@gmail.com

This work is a comprehensive cross-methodological experimental study of phonological processing disorders in dyslexic Russian-speaking children. We developed and standardized a Russian-language test battery to assess phonological processing skills (The Russian Test of Phonological Processing), which we then used to assess the features of phonological deficits in children with dyslexia and conduct an analysis of reading difficulties and their structural brain

correlates using modern methods of videooculography and neuroimaging. The first phase's findings revealed that more complex phonological tests were also more difficult, whereas children's performance in these tests was found to be a significant predictor of reading speed. The project's second phase identified five common patterns of eye movements during reading in children with and without dyslexia. We discovered that children with dyslexia exhibit the same patterns as their typically developing peers, albeit with a three-year delay. Finally, the third phase revealed significant differences in gray matter volume in the cerebellum, insula, and parietal lobule between group of children with dyslexia and control group of typically developing children.

These findings have significant implications for clinical practice, interdisciplinary research on dyslexia, and possibly the educational system.

Keywords: dyslexia, reading disorders, phonological processing, videooculography, global reading patterns, neuroimaging

REFERENCES

1. Wagner R.K., Zirps F.A., Edwards A.A., Wood S.G., Joyner R.E., Becker B.J., Liu G., Beal B. The Prevalence of Dyslexia: A New Approach to Its Estimation // *Journal of Learning Disabilities*. 2020. № 53 (5). Pp. 354–365. DOI: 10.1177/0022219420920377.
2. Nelson J.M., Harwood H. Learning disabilities and anxiety: A meta-analysis // *Ibid.* 2011. № 44 (1). Pp. 3–17. DOI: 10.1177/0022219409359939.
3. World Health Organization International statistical classification of diseases and related health problems – Tenth revision (2nd edn). Geneva: World Health Organization, 2008.
4. Pernet C., Andersson J., Paulesu E., Demonet J.F. When all hypotheses are right: A multifocal account of dyslexia // *Human Brain Mapping*. 2009. № 30 (7). Pp. 2278–2292. DOI: 10.1002/hbm.20670.
5. Saygin Z.M., Norton E.S., Osher D.E., Beach S.D., Cyr A.B., Ozernov-Palchik O., Yendiki A., Fischl B., Gaab N., Gabrieli J.D.E. Tracking the Roots of Reading Ability: White Matter Volume and Integrity Correlate with Phonological Awareness in Prereading and Early-Reading Kindergarten Children // *Journal of Neuroscience*. 2013. № 33 (33). Pp. 13251–13258. DOI: 10.1523/jneurosci.4383-12.2013.
6. Horwitz B., Rumsey J.M., Donohue B.C. Functional connectivity of the angular gyrus in normal reading and dyslexia // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1998. № 95 (15). Pp. 8939–8944. DOI: 10.1073/pnas.95.15.8939.
7. Stanberry L.I., Richards T.L., Berninger V.W., Nandy R.R., Aylward E.H., Maravilla K.R., Stock P.S., Cordes D. Low-frequency signal changes reflect differences in functional connectivity between good readers and dyslexics during continuous phoneme mapping // *Magnetic Resonance Imaging*. 2006. № 24 (3). Pp. 217–229. DOI: 10.1016/j.mri.2005.12.006.
8. Jednoróg K., Gawron N., Marchewka A., Heim S., Grabowska A. Cognitive subtypes of dyslexia are characterized by distinct patterns of grey matter volume // *Brain Structure and Function*. 2013. № 219 (5). Pp. 1697–1707. DOI: 10.1007/s00429-013-0595-6.
9. Krafnick A.J., Flowers D.L., Luetje M.M., Napoliello E.M., Eden G.F. An Investigation into the Origin of Anatomical Differences in Dyslexia // *The Journal of Neuroscience*. 2014. № 34 (3). Pp. 901–908. DOI: 10.1523/jneurosci.2092-13.2013.
10. Richlan F. Developmental dyslexia: dysfunction of a left hemisphere reading network // *Frontiers in human neuroscience*. 2012. № 6. Pp. 120–125. DOI: 10.3389/fnhum.2012.00120.
11. Richlan F., Kronbichler M., Wimmer H. Structural abnormalities in the dyslexic brain: a meta-analysis of voxel-based morphometry studies // *Hum. Brain Mapp.* 2013. № 34 (11). Pp. 3055–3065. DOI: 10.1002/hbm.22127.

12. Luria A.P. Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nykh porazheniyakh mozga. M.: Izd-vo MGU, 1969.
13. Wagner R.K., Torgesen J.K., Rashotte C.A., Pearson N.A. Comprehensive Test of Phonological Processing / 2nd ed. (СТОПП-2), Austin, TX: Pro-Ed, 2013.
14. Keith R.W. SCAN-3 for Adolescents and Adults: Tests for Auditory Processing Disorders. San Antonio, TX: Pearson, 2009.
15. Dorofeeva .V., Dragoy O.V. Metodicheskoe rukovodstvo k bataree testov dlya otsenki navykov fonologicheskoi obrabotki ZARYA (Zvukovoi Analiz Russkogo Yazyka). https://www.hse.ru/data/2021/08/25/1414837805/RuToPP_manual.pdf (data obrashcheniya: 22.02.2022) (in Russian).
16. Dorofeeva S.V., Laurinavichyute A., Reshetnikova V., Akhutina T.V., Tops W., Dragoy O. Complex phonological tasks predict reading in 7 to 11 years of age typically developing Russian children // Journal of Research in Reading. 2020. № 43 (4). Pp. 516–535. DOI: 10.1111/1467-9817.12327.
17. Dorofeeva S.V., Reshetnikova V.A., Iskra E.V., Goranskaya D.N., Zyryanov A.S., Gordeeva E.A., Serebryakova M.N., Akhutina T.V., Dragoy O.V. Issledovanie fonologicheskogo defitsita u ruskoyazychnykh detei s disleksiei // Pervyi Natsional'nyi kongress po kognitivnym issledovaniyam, iskusstvennomu intellektu i neiroinformatike. Devyataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Sbornik nauchnykh trudov. V 2 ch. S. 158–160. № 2. S. 848 (in Russian).
18. Raven D. Tsvetnye progressivnye matritsy Ravena M.: Kogito-Tsentr, 2004 (in Russian).
19. Dorofeeva S.V., Reshetnikova V., Serebryakova M., Goranskaya D., Akhutina T.V., Dragoy O.V. Assessing the validity of the standardized assessment of reading skills in Russian and verifying the relevance of available normative data // The Russian Journal of Cognitive Science. 2019. № 6 (1). Pp. 4–24.
20. Lopukhina A.A., Gol'dina S.M., Laurinavichyute A.K., Iskra E.V., Dragoy O.V. Spetsifika dvizhenii glaz pri chtenii predlozhenii u detei s disleksiei // Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya. 2021. S. 261–266 (in Russian).
21. Parshina O., Lopukhina A., Goldina S., Iskra E., Serebryakova M., Staroverova V., Zdorova N., Dragoy O. Global reading processes in children with high risk of dyslexia: a scanpath analysis // Annals of Dyslexia. 2022. Pp. 1–23. DOI: 10.1007/s11881-021-00251-z.
22. Von der Malsburg T., Vasishth S. What is the scanpath signature of syntactic reanalysis? // Journal of Memory and Language. 2011. № 65 (2). Pp. 109–127. DOI: 10.1016/j.jml.2011.02.004.
23. Rimrodt S.L., Clements-Stephens A.M., Pugh K.R., Courtney S.M., Gaur P., Pekar J.J., Cutting L.E. Functional MRI of sentence comprehension in children with dyslexia: beyond word recognition // Cerebral Cortex. 2009. № 19 (2). Pp. 402–413.
24. Tomaiuolo F., Campana S., Voci L., Lasaponara S., Doricchi F., Petrides M. The Precentral Insular Cortical Network for Speech Articulation // Cerebral Cortex. 2021. № 31 (8). Pp. 3723–3731.
25. Kujala T., Sihvonen A.J., Thiede A., Palo-Oja P., Virtala P., Numminen J., Laasonen M. Voxel and surface based whole brain analysis shows reading skill associated grey matter abnormalities in dyslexia // Scientific Reports. 2021. № 11 (1). Pp. 1–9.

Индекс УДК 130.2

Код ГРНТИ 14.01.07

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-159-171

М.Ю. ГУДОВА*

Полилингвизм в эпоху постграмотности: философско-культурологическое обоснование и методико-педагогическая разработка модели полилингвального образования

В междисциплинарной методологии описана концептуальная модель постграмотности, полилингвизма и полилингвального образования в условиях постграмотности; выявлены модели языковых сообществ мировых университетов, модели лингвокультурной адаптации образовательных мигрантов в странах ЕС и в российских университетах — участниках Программы 5–100. Проанализированы реальные адаптивно-адаптационные практики в вузах города Екатеринбурга (УрФУ и УрГПУ) на примере практик адаптации студентов и сотрудников из Китая; изучены практики формирования и развития полилингвальных сообществ университетов при очном и удалённом обучении, инструменты преподавания языков и формирования приверженности вузу в процессе удалённого взаимодействия в социальных сетях в Интернете, а также практики, развивающие педагогическую толерантность в условиях полилингвального образовательного сообщества. Выявлены сложности научно-образовательных коммуникаций в полилингвальном пространстве / сообществе университета в условиях цифрового поворота в образовании, расширения полилингвального сообщества за счёт включения носителей языков, не относящихся к «мировым», и сложности обеспечения лингвистического образования в полилингвальной среде необходимыми для чтения материалами, соответствующими уровню сложных текстов новой природы, возникших в эпоху постграмотности. Предложены практики организации входа, существования и выхода, механизмы постоянного обновления и развития темпорального полилингвального сообщества.

Ключевые слова: адаптационные языковые политики, академическая мобильность, комплексная грамотность, культурная гибридизация идентичностей, несопоставимость ценностей, полилингвизм, полилингвальное образование, поликультурное пространство, педагогическая толерантность, самообучающееся темпоральное полиязычное сообщество, суперразнообразие, эпоха постграмотности

* **Гудова Маргарита Юрьевна** — доктор культурологии, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского Федерального университета, руководитель проекта «Полилингвизм в эпоху постграмотности: философско-культурологическое обоснование и методико-педагогическая разработка модели полилингвального образования» (17-29-09136).
E-mail: M.J.Gudova@urfu.ru

Введение

Разработка модели полилингвального образования в современной России, на наш взгляд, является насущной комплексной проблемой. Главными составляющими этой междисциплинарной научно-практической проблемы являются:

1) образование, рассматриваемое на всех его уровнях – от дошкольного до подготовки кадров высшей квалификации;

2) полилингвизм как феномен, характеризующий коммуникации в глобальной и открытой цифровой среде;

3) постграмотность – важнейшая из характеристик эпохи, в которых существует современная образовательная система, определяющаяся технологической революцией в информационных технологиях, ставших компьютерными и цифровыми, и революцией в средствах медиа (носителях информации), которые стали мобильными, интерактивными, мультимедийными системами.

В своём исследовании мы сосредоточились на анализе того уровня образования, который нами лучше всего изучен и в котором у нас был организационно-управленческий ресурс для внедрения, проверки и оценки выработанных идей, принципов и модели в целом. Это университетское трёхступенчатое образование на уровне бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Полилингвизм был рассмотрен нами как социокультурный феномен, сформировавшийся в конце XX – начале XXI в. в результате критики идеологии мультикультурализма и ставший следствием перехода от идеологии мультикультурализма и мультязычия к поликультурности и полиязычию. Три ключевых фактора были проанализированы нами в качестве внешних условий работы модели университетского полилингвального образования: поликультурность, мультимодальность и постграмотность. Это те характеристики, которые мы рассматривали как важнейшие внешние условия существования и развития системы

полилингвального образования. Для решения такого уровня сложности задач потребовалась консолидация усилий как учёных-лингвистов, филологов, педагогов, так и представителей других наук, развивающих исторический, культурологический и философский подходы к образованию, т.е. способных посмотреть на систему образования, в том числе языкового, с точки зрения более широких теоретических построений.

Наш главный тезис состоял в том, что если до середины XX в. культурному и образованному человеку достаточно было быть грамотным в отношении вербальных языков и сформировавшееся тогда представление о полилингвизме включало в себя знание нескольких вербальных языков, то со времени распространения компьютеров и компьютерных технологий представление о полилингвизме изменилось и произошло семиотическое и эстетическое взаимопроникновение языков и их функций. Семиотическое представление о языке как о знаковой системе предполагает сегодня умение использовать множество языков (знаковых систем) в культуре помимо вербальных, функционирующих в различных сферах культуры. Эстетическое разделение языков привело к возрастанию роли мультимодальности, когда различные языки искусств становятся самостоятельными способами передачи и получения информации о человеке и мире, сочетаясь в одном тексте. Множество мультимодальных языков и текстов в современном социокультурном и, в первую очередь, в образовательном пространстве современных университетов даёт возможность сделать коммуникационно-образовательный процесс максимально индивидуализированным и дружественным.

Кроме того, когда мы говорим о том, что полилингвальное образование сегодня существует в сложной экосреде университета, мы вслед за М. Калантцис, Б. Коупом и их учениками считаем, что университет не является замкнутым пространством; это открытое социокультурное пространство,

Рис. 1. Исследовательский фотопроjekt:
«Из какой страны я приехал и на каких языках я говорю», автор проекта М. Гузикова

где качество и содержание поликультурности и полилингвальности определяется окружающей средой и социокультурными адаптивно-адаптационными механизмами, которые сформированы в этой среде [1].

Метод

Системно-культурологическая интеллектуальная рамка постграмотности задала последовательность исследования и построения модели полилингвального образования: уровень 1 исследует конкретные особенности функционирования — практики полилингвального образования, применяемые мировыми и национальными университетами; уровень 2 — практики формирования полилингвальных «образовательных сообществ» университетов; уровень 3 анализирует специфику коммуникационной среды и коммуникационного пространства университета со специфическими целями и ценностями, такими как суперразнообразие, академическая мобильность и педагогическая толерантность.

При рассмотрении университетского полилингвального сообщества теоретико-методологической основой являлась концепция языковой политики Б. Спольски [2]. Решая педагогические задачи, мы не бу-

дем учитывать различие между полилингвизмом как свойством момента и плюрилингвизмом как свойством человека, владеющего другими языками помимо своего родного. В нашем случае мы смотрим на университет как на полиязычное, суперразнообразное, существующее как в физическом, так и в виртуальном пространстве, динамичное сообщество и социокультурное пространство взаимодействия. В нашем видении языкового сообщества в его современном состоянии мы солидарны с такими исследователями, как Й. Бломмерт [3], Б. Рэмpton [4], М. Жакме [5].

В критике языковой политики мультикультурализма мы опирались на концепцию С. Вертовик о суперразнообразии [6]. На основе его концепции мы проанализировали, насколько российские университеты справляются с функциями концентрации суперразнообразия и получения от него бенефитов. Критику нативистского подхода, когда каждый использующий язык, должен владеть им как родным языком, мы осуществляем на основе трудов А. Пенникука о метролингвизме в современных мегаполисах [7], о грамматиках визуального дизайна Г. Кресса [8].

Рис. 2. Фото с мастер-класса проф. Рауля Альберто Мора (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, 2018 г.) по мультимодальному педагогическому дизайну в эпоху постграмотности. Автор Р.А. Мора

Анализ адаптации российских университетов к условиям суперразнообразия проведён на основе концепции С. Вертовика о суперразнообразии, а также концепции Б. Спольски о языковой политике. С использованием методики контент-анализа были изучены документы 24 российских университетов, касающиеся вопросов обучения иностранных студентов и привлечения на работу иностранных специалистов и сотрудников, университетов, участников программы 5–10 по политикам адаптации и толерантности. На основе изучения документов вузов был проведён сопоставительный анализ адаптации

онных политик и практик, применяемых в российской и европейской системах образования.

Исследование механизмов адаптации китайских студентов в вузах Екатеринбурга проведено с опорой на теоретические положения, выдвинутые А.Г. Лариным [9] и подтверждённые исследованиями китайских учёных об адаптации соотечественников в США [10] и Испании [11]. Была изучена готовность российских студентов к сотрудничеству в полилингвальной среде, использовалась шкала готовности к общению, были получены результаты самооценки общения при помощи анке-

тирования, показывающего индекс коммуникативной тревожности [12].

Описание практик формирования и развития университетского полилингвального сообщества, в том числе с анализом цифровых инструментов онлайн-взаимодействия, сделано с опорой на теорию практик П. Бурдьё [13] и методику анализа практик В. Волкова [14], где исследуются и инструменты, и артикуляция, и ценности, и идентичности.

Описание практик мультимодального дизайна процессов онлайн-обучения в цифровой среде осуществлялось на основе методик Г. Кресса [8], В. Коупа, М. Калантцис [1].

Результаты исследования

На подготовительном этапе исследования в ходе теоретических семинаров учёных, участвующих в осуществлении проекта, была выявлена актуальность построения модели полилингвального образования в эпоху постграмотности [15], состоящая в возможности повысить международную привлекательность и экономическую рентабельность российских университетов в условиях интернационализации высшего образования и формирования «глобального цифрового колледжа».

Автор статьи и учёные научного коллектива в ходе анализа трансформации процессов современного чтения и его использования в образовании дали характеристику вызовов образовательному сообществу со стороны эпохи постграмотности [16]: потребность в комплексной грамотности, грамотности в отношении множества вербальных языков общения (полилингвальности), грамотности в отношении мультимодальных «текстов новой природы», грамотности в отношении знаков, символов, кодов разных культур в мире культурного суперразнообразия, потребность в критической медийно-информационной грамотности. Были описаны различные варианты полилингвальности сайтов университетов; сделаны выводы о значимости электронных интерфейсов университетов в условиях развития современной циф-

ровой научно-образовательной коммуникационной среды, внедрения удалённого обучения и поступления в университеты. Развитию идей множественной грамотности в отношении языков и культур были посвящены многие доклады, сделанные участниками международных форумов по полилингвизму и поликультурности в эпоху постграмотности (Екатеринбург, УрФУ, 2018, 2019, 2020) и международных конференций под общим названием «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности» (Екатеринбург, УрФУ, 2017, 2018, 2019, 2020).

В ходе изучения обширной литературы по постколониальным исследованиям и межкультурным коммуникациям М.О. Гузикова сформулировала функционально-компетентностное определение полиязычия как владения членами языкового сообщества в той или иной мере коммуникативным репертуаром на родном языке и одном или нескольких иностранных языках [17].

В результате содержательных международных дискуссий была выработана методология анализа поликультурного университетского пространства и полиязычного университетского сообщества [18]. В результате применения этой методологии было существенно уточнено определение полиязычного образования: это образование, основанное на многоязычном габитусе и развивающееся на этой основе использование различных языков как «языкового репертуара», понимаемого лингвистически, семиотически и эстетически и используемого в научно-образовательных практиках университетов [19].

После многочисленных аналитических встреч с зарубежными коллегами, представляющими ведущие университеты стран БРИКС и ШОС, на основе существующих методик классификации в глобальном мире М.О. Гузикова выделила шесть ведущих разновидностей полилингвального образования в мировых университетах [20]: 1) моноязычные университеты; 2) университеты, использующие лингва

Рис. 3. Фото с пленарного заседания Международного Форума по полилингвизму и поликультурности, 2019 год (автор фото К. Третьякова)

франка в качестве языка обучения в рамках полиязычного образовательного сообщества; 3) университеты, тяготеющие к использованию лингва франка как языка обучения (университеты, смещающиеся в сторону модели 4); 4) университеты, использующие в качестве языка обучения язык с наибольшим лингвистическим капиталом в пределах данной локальности; 5) университеты с «островным билингвизмом», использующие локальный язык в качестве основного языка обучения; 6) университеты, предпринимающие попытки сместиться в сторону модели 4 или 5.

В результате практического и научно-теоретического изучения действующих моделей полилингвизма в ведущих мировых университетах Юго-Восточной Азии, Европы, Африки, США, Австралии и Латинской Америки были выявлены структурные элементы модели полилингвального университетского образования: университетское пространство – «третье место», темпоральное университетское образовательное поликультурное и полилингвальное сообщество, ценностные ориентиры:

суперразнообразие, академическая мобильность и педагогическая толерантность. М.О. Гузикова выяснила содержательные характеристики университетского пространства как «третьего места» [21]: контактная зона – воображаемое пространство, внутри которого происходит взаимодействие представителей разных культур; несопоставимость ценностных установок представителей разных культур вследствие осознания собственных культурно-ценностных установок и воображаемого символического характера ценностей; культурная гибридизация идентичностей – готовность к обсуждению и трансформации идентичности, порождению новых социокультурных идентичностей; инклюзивность – диалог равных на основе признания различий и стремление к порождению новых социокультурных возможностей.

Практики развития полиязычного образования в УрФУ сложились в 2010–2020 гг. путём формирования инфраструктуры, включающей Центр приёма и обучения иностранных студентов, Центры обучения мировым языкам, такие как Кембриджский

Центр, Институт Конфуция, Институт Гёте, волонтерские клубы адаптации иностранных студентов к жизни в Екатеринбурге, а также реализации адаптационной образовательной политики и адаптационной языковой политики, включая оформление внутреннего университетского пространства на трёх языках: русском, английском и китайском.

На основе сбора массива больших данных о деятельности кафедр, центров и клубов обучения языкам и адаптации к жизни в иной культуре Т.П. Рассказова обосновала и описала такие механизмы формирования и развития полилингвального университетского сообщества [22], опробованные в УрФУ, как: 1) кадровая политика вуза; 2) социальная ответственность вуза; 3) мотивация профессорско-преподавательского состава к изучению иностранных языков; 4) организационно-методическое обеспечение; 5) «независимость» ученика; 6) оценивание результатов; 7) осознание многоплановости роли преподавателя; 8) цифровые инструменты дизайна онлайн-обучения.

Серьёзный вклад в реализацию проекта внесли кандидат педагогических наук Фортеса Фернандес Рафаэль Филиберто и доктор культурологии Н.А. Симбирцева. Ими были даны содержательные характеристики ценностям и принципам полилингвального образования, выработанным в мировых университетах и реализуемым в УрФУ [23], таким как суперразнообразие в учебном классе – это одновременное обучение студентов, имеющих разные родные языки, говорящих на разных языках международного общения (испанском, арабском, китайском, английском, русском) и изучающих образовательные программы на двух и более языках (русском, английском и каком-либо третьем языке); академическая мобильность членов научно-образовательного сообщества – это возможность учиться и работать на любом этапе учёбы и работы на конкурсной основе в любом университете мира; педагогическая толерантность в поликультурном классе – это общекультурная

компетентность, заключающаяся в уважении и принятии участников образовательного процесса с учётом их индивидуальных особенностей (физических, психологических, социальных, культурных, расовых, религиозных), с сохранением позитивной идентичности, пониманием ценности диалога культур, готовностью и способностью осуществлять успешное межличностное и межкультурное взаимодействие в условиях образовательной деятельности, а также в неформальном общении [24].

Большой проблемой для реализации практик полилингвального образования является темпоральность образовательного сообщества и необходимость со стороны административно-управленческого персонала непрерывно учитывать это в организационной деятельности. Выяснению того, каким оптимальным образом может быть решена эта проблема, были посвящены труды учёных кафедры лингвистики и профессиональных коммуникаций на иностранных языках под руководством М.О. Гузиковой.

М.О. Гузикова, О.Л. Кочева, Т.С. Вершинина дали характеристики важнейшим этапам в работе модели полилингвального образования, таким как: 1) вход; 2) адаптация к темпоральному (изменчивому во времени) полилингвальному и поликультурному университетскому сообществу; 3) процесс развития полилингвального сообщества; 4) выход из темпорального полилингвального и поликультурного сообщества университета [25].

Эта же группа учёных проанализировала механизмы адаптации к условиям суперразнообразия в университетах Европейского Союза и Российской Федерации, провела сравнительный анализ адаптационной политики, языковой политики, образовательной политики, политики толерантности. Выявлена взаимозависимость идеологии мультикультурализма, политики мультилингвизма, идеологии суперразнообразия и полилингвизма; установлен научный факт, что европейские университеты, как правило, опираются на идеи мульти-

культурализма и мультиязычия, в некоторых случаях поддерживают идеи суперразнообразия, внедряют политики поликультурности и полиязычия, стремятся изменить образовательные программы, обучить разным (третьим) языкам АУП, УВП сотрудников и преподавателей, познакомиться с особенностями разных культур, религий, этических воззрений, становятся центрами социокультурного развития своих территорий. Российские университеты в большинстве проводят успешные политики адаптации иностранных студентов, преподавателей и сотрудников к русскоязычной языковой среде, традициям и ценностям русской культуры [26].

Социологическими методами были выяснены особенности адаптации китайских студентов в вузах Екатеринбурга (УрФУ, УрГПУ, ИМС). В качестве одного из основных механизмов коммуникативной адаптации была выявлена опора на референтного лидера группы, который становится коммуникативным посредником между мигрантами и местным населением. Также было выяснено, что процесс адаптации во многом зависит от внутреннего уровня мотивации, которая, в свою очередь, ограничена сроками обучения. Те студенты, у которых есть опыт проживания в других странах, быстрее адаптируются к новым социокультурным условиям. Коммуникативная адаптация китайских студентов находится на достаточно низком уровне в силу того, что студенты приезжают в Россию с минимальным уровнем владения русским языком, отсутствием мотивации к глубокому освоению русского языка и русской культуры, что определяется краткими сроками обучения (4+2, либо 2+2+2). Лучшие навыки показывают студенты, предварительно обучающиеся русскому языку как иностранному 1–2 года на подготовительном отделении (+1 или +2), и студенты уровня PhD, поскольку они дольше живут и обучаются в России (+3) и планируют строить карьеру в международных вузах на программах по русистике или славяноведению [27].

Применив диалогический дискурс к анализу современного состояния разноуровневых коммуникативных процессов в университете эпохи постграмотности, ведущие исследователи проекта выявили, что диалог культур в современном университетском пространстве претерпел существенные изменения [28]. Проблема поликультурности была конкретизирована как проблема взаимодействия культуры университетского человека и культуры университетских интеллектуальных машин. Наша модель полилингвального университетского образования включает в себя понимание нового университета как пространства универсальных, гибридных человеческих, человекомашинных и машинных коммуникаций [29].

Наконец, участники проекта выявили необходимость работы по формированию приверженности университету и поддержке приверженности после окончания контрактно-договорных отношений в условиях темпоральности университетского сообщества.

Заключение. Научная новизна результатов проекта

Разработанная междисциплинарным и интернациональным коллективом учёных концепция полилингвизма в эпоху постграмотности и предложенная на этой основе модель полилингвального образования отличаются существенной новизной.

Новизна предлагаемой концепции полилингвизма в эпоху постграмотности состоит в том, что мы используем философско-культурологическую научную оптику критической философии образования, что позволило дать новое определение полиязычия, создать классификацию моделей полилингвального образования в университетах мира, выделить структурные элементы полилингвального образования, описать содержательные компоненты полилингвального образования, обрисовать механизмы формирования и развития полилингвального университетского сообщества, дать характеристику важнейшим этапам в работе модели полилингвального образования.

Новым в предлагаемой концепции является акцент: 1) на недостаточности в цифровом обществе исключительно традиционной грамотности в отношении одного национального языка и родного языка; 2) на продвижении идеи постграмотности; 3) на критическом отношении к языковым политикам мультикультурализма; 4) на продвижении принципа суперразнообразия и его следствий – политик полиязычия и эффектов трансязычия; 5) на необходимости перехода к мультимодальному дизайну онлайн и оффлайн-образования в поликультурной среде.

Предметная сторона новизны проекта состоит: 1) в новом понимании грамотности или «постграмотности», которая включает владение не только различными вербальными, но и визуальными, художественными и научными языками, разрабо-

танными в современной культуре и синтезируемыми средствами различных медиа, за счёт чего возникает феномен полилингвизма; 2) в новом понимании полиязычия как владения мультимодальным семиотическим репертуаром на более чем одном языке, причём уровень владения тем или иным языком может быть различным [30].

Мы рассматриваем полилингвальное образование в качестве источника развития и успешности университета в глобальном цифровом мире в эпоху постграмотности в триединстве основных компонентов: 1) университетское пространство как «третье место»; 2) темпоральное и поликультурное университетское сообщество; 3) университетские ценности: суперразнообразие, академическая мобильность, педагогическая толерантность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kalantzis M. *New Learning. Elements of a Science of Education* / M. Kalantzis, B. Cope. 2nd ed. Cambridge: CUP, 2012.
2. Spolsky B. *Towards a theory of language policy* // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL). 2007. Vol. 22. № 1. P. 1.
3. Blommaert J. *The sociolinguistics of globalization*. London: Cambridge University Press, 2010.
4. Rampton B. *Speech Community and beyond*. 2009 // *The New Sociolinguistics Reader*. Basingstoke: Print, 2009.
5. Jacquemet M. *Beyond the speech community: on belonging to a multilingual, diasporic, and digital social network*. Текст: электронный // *Language & Communication*. 2019. Vol. 68. Pp. 46–56. URL: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.10.010> (дата обращения: 25.05.2021).
6. Vertovec S. *Talking around super-diversity* // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. V. 42. № 1. Pp. 125–139.
7. Pennycook A. *The cultural politics of English as an international language*. Routledge, 2017.
8. Kress G. *Reading Images. The Grammar of Visual Design* / 3rd ed. New York: Routledge, 2020.
9. Ларин А.Г. *Китайские мигранты в России. История и современность*. М.: Восточная книга, 2009.
10. Lu Y. *Willingness to communicate in intercultural interactions between Chinese and Americans*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17475750802533356> (дата обращения: 25.05.2021).
11. Liu Q. *Intercultural communication competence, adaptation context, and acculturation strategies among Chinese immigrants in Spain: Based on field work in Barcelona*. URL: <https://www.tesisenred.net/bitstream/handle/10803/370859/ql1de1.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 25.05.2021).
12. Гузикова М.О., Кочева О.Л. Поликультурная и полиязычная образовательная среда как контекст обучения иностранным языкам // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 3: Общественные науки. 2018. № 13, 2 (176). С. 74–82.

13. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 27.02.2019)
14. Волков В.В. О концепции практик (и) в социальных науках [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.volkov.pdf>. (дата обращения: 20.02.2022).
15. Rasskazova T., Guzikova M., Green A. English language teacher development in a Russian university: Context, problems and implications // Ampersand. 2017. № 4. Pp. 1–9.
16. Гудова М.Ю., Гузикова М.О., Рубцова Е.В. Полилингвальное и поликультурное образование в университете: критический дискурс грамотности // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 4 (182). С. 221–228.
17. Гузикова М.О. Полиязычие в движении: эволюция феномена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 114–123.
18. Gudova M.Y., Guzikova M.O. Analyzing the Intercultural and Multilingual University Space: Methodological Foundations // Borisovna (ред.). Facets of culture in the age of social transition proceedings of the All-Russian research conference. 2018. С. 188–192. doi.org/10.18502/keg.v3i8.3632 (дата обращения: 25.05.2021).
19. Гудова М.Ю. Модель полиязычного образования в университете: критическая теория грамотности и опыт Китая / М.Ю. Гудова, М.О. Гузикова // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 2 (64). С. 186–199.
20. Гузикова М.О. Языковая среда мировых университетов в условиях интернационализации высшего образования // Перспективы науки и образования. 2019. № 42 (6). С. 158–171. URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.13> (дата обращения: 14.06.2020).
21. Kocheva O., Guzikova M. In Quest of the Third Learning Space. // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 31 / B.Z. Bekirogullari, M.Y. Minas, R.X. Thambusamy (Ed. by), International Conference on Education and Educational Psychology (8TH ICEEPSY). 2017. Pp. 701–708. Future Acad. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.10.67>.
22. Rasskazova T. English language teacher development in a Russian university: context, problems and implications / T. Rasskazova, M. Guzikova, A. Green // Ampersand. 2017. V. 4. Pp. 1–9.
23. Симбирцева Н.А. Поликультурное образование как направление деятельности открытого университета / Н.А. Симбирцева, Н.С. Шульга // Педагогическое образование в России. 2017. № 8. С. 6–12. DOI: 10.26170/po17-08-01.
24. Fortesa Fernandes R.F. Cultural Representations of Spain and Latin America in Spanish as a Foreign Language // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity: Monograph. Yekaterinburg: Urals University Press, 2020. Pp. 302–316.
25. Vershinina T.S., Guzikova M.O., Kocheva O.L. Development Of Foreign Language Learners' Value System In Multilingual Urban Environment // Social And Cultural Transformations In The Context Of Modern Globalism (SCTCGM 2018). KarimSultanovich B.D. (ред.). Future Acad, 2019. Pp. 2461–2468.
26. Guzikova M. Managing multilingual university environments: challenges and solutions / M. Guzikova, O. Kocheva, T. Vershinina // L. Chova, A. Martinez, I. Torres (ред.). 12th International technology, education and development conference (INTED). International Academy of Technology, Education and Development, 2018. Pp. 4275–4280.
27. Guzikova M., Kocheva O., Vershinina T. Learning And Teaching Experiences From The International Classroom // Proceedings of 12th International Technology, Education And Development Conference (INTED – 2018). L.G. Chova, A.L. Martinez, I.C. Torres (Ed.). International Academy of Technology, Education and Development. 2018. Pp. 8547–8551.
28. Симбирцева Н.А. Культура и традиции России // Речевая межкультурная коммуникация: Россия – Китай / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2017.

29. Gudova M.Yu. Creativity in the age of robots: a polemic, philosophical and cultural preface to a discussion / M.Yu. Gudova, M.O. Guzikova, I. Yamshchikov // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University, Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2020. Pp. 8–18. DOI: 10.15826/B978-5-7996-3081-2.01.
30. Fernandez R.F.F., Rubtsova E.V., Rojas S.A.F. Content edulcoration as ideology visualization in an English language coursebook // Praxema. 2021. № 4. Pp. 172–193.

Multilingualism in a Post-Literate Society: Philosophical and Cultural Foundations, Methodological and Pedagogical Development of the Multilingual Education Model

Margarita Yurievna Gudova — Doctor of Cultural Studies; Prof., Department of the History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University; Project Leader, Multilingualism in a Post-Literate Society: Philosophical and Cultural Foundations and Methodological and Pedagogical Development of the Multilingual Education Model (17-29-09136).
E-mail: M.J.Gudova@urfu.ru

The study proposes a conceptual model of post-literacy, multilingualism, and multilingual education in the age of post-literacy and presents models of language communities of world universities, as well as models of linguistic and cultural adaptation of immigrants in EU nations and Russian universities participating in Program 5-100.

The researchers analyzed real adaptive practices in Yekaterinburg universities (Ural Federal University and Ural State Pedagogical University) using evidence from Chinese students and employees; studied the formation and development of multilingual communities in universities with full-time and remote acquisition, languages teaching tools and university loyalty formation tools during remote interactions in social networks on the Internet, as well as practices that promote tolerance as a pedagogical value in multilingual educational communities.

The research findings include a list of issues in scientific and educational communications in the university's multilingual space/community in the context of digitalization and expansion of the multilingual community due to the inclusion of speakers of languages other than world languages, as well as a list of issues related to the supply of reading materials corresponding to the level of complex texts of a new nature in the age of post-literacy to provide linguistic education in the multilingual environment. The researchers also offer ways of entry into, existence in, and exit from a temporal multilingual community, as well as continuous renewal and development of such communities.

Keywords: adaptive language policies, academic mobility, integrated literacy, cultural hybridization of identities, incomparability of values, multilingualism, multilingual education, multicultural space, teaching tolerance, self-acquisition temporal multilingual community, super-diversity, post-literacy era

REFERENCES

1. Kalantzis M. New Learning. Elements of a Science of Education / M. Kalantzis, B. Cope. 2nd ed. Cambridge: CUP, 2012.
2. Spolsky B. Towards a theory of language policy // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL). 2007. Vol. 22. № 1. P. 1.
3. Blommaert J. The sociolinguistics of globalization. London: Cambridge University Press, 2010.
4. Rampton B. Speech Community and beyond. 2009 // The New Sociolinguistics Reader. Basingstoke: Print, 2009.
5. Jacquemet M. Beyond the speech community: on belonging to a multilingual, diasporic, and digital social network. Tekst: elektronnyi // Language & Communication. 2019. Vol. 68. Pp. 46–56. URL: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2018.10.010> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
6. Vertovec S. Talking around super-diversity // Ethnic and Racial Studies. 2019. V. 42. № 1. Pp. 125–139.
7. Pennycook A. The cultural politics of English as an international language. Routledge, 2017.
8. Kress G. Reading Images. The Grammar of Visual Design /3rd ed. New York: Routledge, 2020.
9. Larin A.G. Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009 (in Russian).
10. Lu Y. Willingness to communicate in intercultural interactions between Chinese and Americans. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17475750802533356> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
11. Liu Q. Intercultural communication competence, adaptation context, and acculturation strategies among Chinese immigrants in Spain: Based on field work in Barcelona. URL: <https://www.tesisenred.net/bitstream/handle/10803/370859/ql1de1.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (data obrashcheniya: 25.05.2021).
12. Guzikova M.O., Kocheva O.L. Polikul'turnaya i poliyazychnaya obrazovatel'naya sreda kak kontekst obucheniya inostrannym yazykam // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2018. № 13, 2 (176). S. 74–82 (in Russian).
13. Burd'e P. Struktury, habitus, praktiki // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 1998. T. 1. Vyp. 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (data obrashcheniya: 27.02.2019) (in Russian).
14. Volkov, V.V. O kontseptsii praktik (i) v sotsial'nykh naukakh [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.volkov.pdf>. (data obrashcheniya: 20.02.2022) (in Russian).
15. Rasskazova T., Guzikova M., Green A. English language teacher development in a Russian university: Context, problems and implications // Ampersand. 2017. № 4. Pp. 1–9.
16. Gudova M.Yu., Guzikova M.O., Rubtsova E.V. Polilingval'noe i polikul'turnoe obrazovanie v universitete: kriticheskii diskurs gramotnosti // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2018. T. 13. № 4 (182). S. 221–228 (in Russian).
17. Guzikova M.O. Poliyazychie v dvizhenii: evolyutsiya fenomena // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2019. № 49. S. 114–123 (in Russian).
18. Gudova M.Y., Guzikova M.O. Analyzing the Intercultural and Multilingual University Space: Methodological Foundations // Borisovna (red.). Facets of culture in the age of social transition proceedings of the All-Russian research conference. 2018. S. 188–192. doi.org/10.18502/keg.v3i8.3632 (data obrashcheniya: 25.05.2021).
19. Gudova M.Yu. Model' poliyazychnogo obrazovaniya v universitete: kriticheskaya teoriya gramotnosti i opyt Kitaya / M.Yu. Gudova, M.O. Guzikova // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2019. № 2 (64). S. 186–199 (in Russian).

20. Guzikova M.O. Yazykovaya sreda mirovykh universitetov v usloviyakh internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 42 (6). S. 158–171. URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.13> (data obrashcheniya: 14.06.2020) (in Russian).
21. Kocheva O., Guzikova M. In Quest of the Third Learning Space. // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 31 / V.Z. Bekirogullari, M.Y. Minas, R.X. Thambusamy (Ed. by), International Conference on Education and Educational Psychology (8TH ICEEPSY). 2017. Pp. 701–708. Future Acad. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.10.67>.
22. Rasskazova T. English language teacher development in a Russian university: context, problems and implications / T. Rasskazova, M. Guzikova, A. Green // Ampersand. 2017. V. 4. Pp. 1–9.
23. Simbirtseva N.A. Polikul'turnoe obrazovanie kak napravlenie deyatel'nosti otkrytogo universiteta / N.A. Simbirtseva, N.S. Shul'ga // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2017. № 8. S. 6–12. DOI: 10.26170/po17-08-01 (in Russian).
24. Fortesa Fernandes R.F. Cultural Representations of Spain and Latin America in Spanish as a Foreign Language // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity: Monograph. Yekaterinburg: Urals University Press, 2020. Pp. 302–316.
25. Vershinina T.S., Guzikova M.O., Kocheva O.L. Development Of Foreign Language Learners' Value System In Multilingual Urban Environment // Social And Cultural Transformations In The Context Of Modern Globalism (SCTCGM 2018). B.D. KarimSultanovich (red.). Future Acad, 2019. Pp. 2461–2468.
26. Guzikova M. Managing multilingual university environments: challenges and solutions / M. Guzikova, O. Kocheva, T. Vershinina // L. Chova, A. Martinez, I. Torres (red.). 12th International technology, education and development conference (INTED). International Academy of Technology, Education and Development, 2018. Pp. 4275–4280.
27. Guzikova M., Kocheva O., Vershinina T. Learning And Teaching Experiences From The International Classroom // Proceedings of 12th International Technology, Education And Development Conference (INTED – 2018). L.G. Chova, A.L. Martinez, I.C. Torres (Ed.). International Academy of Technology, Education and Development. 2018. Pp. 8547–8551.
28. Simbirtseva N.A. Kul'tura i traditsii Rossii // Rehevaya mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Rossiya – Kitai / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2017 (in Russian).
29. Gudova M.Yu. Creativity in the age of robots: a polemic, philosophical and cultural preface to a discussion / M.Yu. Gudova, M.O. Guzikova, I. Yamshchikov // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University, Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2020. Pp. 8–18. DOI: 10.15826/B978-5-7996-3081-2.01.
30. Fernandez R.F.F., Rubtsova E.V., Rojas S.A.F. Content edulcoration as ideology visualization in an English language coursebook // Praxema. 2021. № 4. Pp. 172–193.

**Г.В. САДЫКОВА,
А.Р. КАЮМОВА***

Цифровые технологии в развитии русской речи и социокультурных компетенций детей-билингвов в России и за рубежом

Исследование проводилось с использованием метода троичного ассистирующего протокола (triadic scaffold protocol), кейс-исследования, метода опроса, интервьюирования, наблюдения, в результате чего впервые была создана и апробирована модель развития русской речи и социокультурных компетенций детей 3–8 лет, проживающих в полилингвальных регионах Российской Федерации и за рубежом, посредством цифровых обучающих объектов; выработаны общие принципы интеграции цифровых технологий в программы речевого развития детей дошкольного возраста.

Значимость работы определяется растущими темпами цифровизации образования и общества в целом. Полученные в ходе исследования результаты могут быть рекомендованы для рассмотрения методистам, педагогам и родителям, заинтересованным в развитии компетенций, которые связаны с пониманием механизмов развития раннего билингвизма, особенностей поколения «цифровых аборигенов», критериев оценивания цифровых ресурсов для развития речи детей дошкольного и раннего школьного возраста, сценариев интеграции цифровых ресурсов в семейное или формальное (массовое) образование, педагогических стратегий использования таких характеристик цифровых обучающих объектов, как мультимодусность, интерактивность и геймифицированность.

Ключевые слова: русский язык, речевое развитие, билингвизм, мультилингвизм, дошкольное образование, цифровые обучающие объекты

Ускорение развития цифровой среды обитания человека в целом и цифровизация образовательного пространства в частности

диктуют рост внимания к вопросу создания эффективных моделей интеграции электронных ресурсов и новейших информационно-коммуникационных тех-

* **Садыкова Гульнара Васильевна** — кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, руководитель проекта «Модель развития русской речи и социокультурных компетенций детей 3–8 лет, проживающих в полилингвальных регионах Российской Федерации и за рубежом, посредством цифровых обучающих объектов» (17-29-09128).

E-mail: gsadykov@kpfu.ru

Каюмова Альбина Рамилевна — кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: alb1980@yandex.ru

нологий в процесс обучения. Актуальность проблематики особенно очевидна в связи с активным вовлечением в освоение онлайн-контента так называемых цифровых аборигенов [1], т.е. детей, для которых объективная реальность уже немыслима без Интернета, смартфонов и компьютеров.

Проблема применения информационных технологий в образовании изучается по ряду направлений. Исследуется применение технологий в разных образовательных дисциплинах [2, 3] или с определённой категорией обучающихся (дети, взрослые, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, одарённые дети и т.п.) [4, 5]. Образовательные информационные технологии рассматриваются с точки зрения их роли в изменении образовательной среды и культуры в целом [6, 7], влияния на развитие ряда компетенций (межкультурных, коммуникативных, критического мышления) [8, 9]. В центре внимания зарубежных исследователей находится также проблема изучения эпистемологических взглядов, оказывающих влияние на желание или нежелание педагогов интегрировать технологии в свои программы обучения [10]. В последние годы особой популярностью пользуются исследования массовых открытых онлайн-курсов [11], а также применение интерактивных мобильных роботов и виртуальных технологий [12].

Педагоги-языковеды также активно изучают методики применения компьютерных и мобильных технологий в процессе развития языковых навыков. Ряд исследований свидетельствует о том, что мультимодальность (т.е. использование нескольких каналов (режимов) передачи информации) и интерактивность (т.е. возможность активного двух- или многостороннего взаимодействия) цифровых технологий открывают большие возможности для изучения языка и развития грамотности в целом [13–15]. Цифровые инструменты, такие как игры, вики (англ. wiki), говорящие аватары и интерактивные истории, могут оказать положительное влияние на развитие языковых навыков, повышение мотивации

к обучению, создание привлекательной обучающей ситуации игры [16, 17]. Исследования указывают на эффективность использования цифровых ресурсов для развития фонологических навыков обучающихся [18]. Компьютерные и мобильные языковые игры, активное использование электронных ресурсов на языке, синхронное и асинхронное онлайн-общение также могут способствовать речевому развитию, в том числе развитию неродного (государственного), второго родного или материнского (семейного) языка ребёнка, проживающего в полилингвальном регионе страны или за пределами этнической родины [19]. Более того, IT-технологии могут стать передатчиком культуры, инструментом развития социокультурных навыков [20].

Хотя вопросы использования информационных компьютерных технологий (ИКТ) в образовании уже давно стоят на повестке дня, интеракция детей дошкольного и раннего школьного возраста с цифровыми обучающими объектами (ЦОО) по-прежнему остаётся малоизученной. Анализ отечественной и зарубежной литературы свидетельствует о том, что зачастую взаимодействие ребёнка и цифровых технологий рассматривается с негативной стороны, а педагоги и родители детей дошкольного и раннего школьного возраста сильно ограничены в понимании того, как использовать столь привлекательные для детей цифрового поколения ресурсы в целях развития когнитивных способностей ребёнка, при этом не оказывая отрицательного влияния на его психофизическое развитие.

В связи с этим изучение эффективных методов и приёмов интеграции мобильных и компьютерных технологий в образование детей дошкольного и младшего школьного возраста, в частности в программы речевого и социокультурного развития детей, для которых русский язык является неродным, вторым родным или материнским (семейным), представляется обоснованным и своевременным. Новизна исследования обусловлена изучением передовых педаго-

гических технологий, использованием новых комплексных методов исследования, привлечением ранее не исследованных экспериментальных российских и зарубежных площадок, поиском эффективных сценариев интеграции цифровых инструментов в программы языкового развития детей-билингвов (мультилингвов) дошкольного и раннего школьного возраста.

Методология исследования

Основная цель представленного проекта – создать модель развития и сохранения навыков русской речи и социокультурных компетенций у детей 3–8 лет, проживающих в полилингвальных регионах РФ и за рубежом, посредством цифровых обучающих объектов.

Предлагаемая обзорная статья основана на результатах комплексного исследования, направленного на решение научных проблем, которые связаны с построением и интеграцией эффективной модели билингвального и полилингвального обучения детей 3–8 лет, проживающих преимущественно в нерусской среде. В ходе трёхгодичного исследования научная группа работала над сбором, систематизацией и анализом теоретического материала, проводила полевые исследования, позволившие привлечь педагогов и родителей детей-билингвов из 23 стран, в том числе Австралии, Великобритании, Германии, Доминиканской Республики, Италии, Канады, Кипра, Кореи, Ливана, Марокко, США, Франции и Швейцарии. Полевые исследования также проводились на площадках частных и государственных полилингвальных детских садов Республики Татарстан. Инструментами сбора информации стали четыре опросника, интервью (очные и онлайн) с педагогами и родителями, видеозаписи занятий с группами детей в дошкольных учреждениях и с отдельными детьми в рамках семейного обучения. Для анализа видеозаписей уроков применялся метод троичного ассистирующего протокола (triadic scaffold protocol) [21]. В общей сложности в исследовании приняли участие бо-

лее 130 педагогов и родителей, работающих с детьми-билингвами в возрасте до 8 лет.

Теоретической основой исследования послужили социокультурная парадигма Льва Выготского, его принципы развития и обучения детей. Идеи советского психолога, выдвинутые в 20–30-х гг. XX в., положены в основу многочисленных педагогических исследований, в том числе по дистанционному обучению, межкультурному и транснациональному (массовому) обучению. Для целей данного исследования наиболее важной является концепция социальной ситуации развития, когда обучающие средства и ресурсы, в том числе цифровые, являются частью окружения ребёнка, влияющего на его развитие. Цифровые обучающие объекты становятся *стимулами-инструментами* [22], которые берут на себя роль *медиатора* (посредника), способствующего эффективному развитию речевых навыков. Следуя идеям Выготского, мы понимаем процесс обучения как социально ориентированное взаимодействие.

Результаты исследования получили распространение посредством выступлений на 27 научных конференциях мирового уровня, из которых 16 – зарубежные, а также 42 публикаций в российских и зарубежных научных изданиях, включая 9 статей в журналах, рекомендованных ВАК, 16 статей в изданиях, индексируемых в базе данных Scopus и Web of Science, трёх учебно-методических пособий и одной коллективной монографии.

Концепция модели развития русской речи и социокультурных компетенций детей 3–8 лет, проживающих в полилингвальных регионах Российской Федерации и за рубежом, посредством цифровых обучающих объектов

Проведённое исследование свидетельствует о том, что модель интеграции цифровых обучающих объектов в процесс обучения русскому языку и культуре детей-билингвов (мультилингвов) должна быть

основана на триединстве «ребёнок–педагог–ЦОО» (рис. 1), при взаимодействии которых:

- 1) ребёнок получает стимулы, адекватные его психофизическому развитию и когнитивным потребностям;
- 2) педагог (воспитатель, учитель, родитель) играет ведущую роль медиатора (посредника) знаний, мотиватора и эксперта;
- 3) цифровой ресурс (цифровой обучающий объект) выполняет функции поставщика контента, мотиватора (*стимула-инструмента*), а также «виртуального приятеля» и анализатора;
- 4) русский язык и культура рассматриваются как консолидаторы российского общества и русского зарубежья.

Подробно каждый из данных аспектов концепции рассматривается в ранее опубликованных работах (см., например, [23]). Вместе с тем в рамках данного обзора особо выделим роль педагога, который берёт на себя ряд ключевых функций:

- 1) отбор качественного цифрового контента (мобильного приложения, компьютерной программы, онлайн-ресурса), соответствующего когнитивным и психофизическим потребностям ребёнка (детей);

Рис. 1. Триединство «ребёнок–педагог–цифровой обучающий объект»

- 2) адаптацию выбранного контента для конкретных образовательных потребностей и условий;
- 3) мотивирование и включение детей в активное взаимодействие с ЦОО;
- 4) мониторинг текущей работы;
- 5) обеспечение экспертной оценки (фидбэка) по окончании взаимодействия (рис. 2).

Как показывают исследования, педагог может передавать ряд функций цифровому ресурсу, например функцию мотивирования и мониторинга, если таковые заложены в сценарии мобильного приложения или компьютерной программы; однако ведущая роль всегда остаётся за педагогом. Это особенно наглядно проявляется в программах

Рис. 2. Функции педагога при обеспечении взаимодействия ребёнка и цифрового обучающего объекта

Рис. 3. Ответы на вопрос анкеты (январь 2021 г.) «Как Вы относитесь к использованию веб-сайтов, компьютерных программ или мобильных приложений для обучения детей до 8 лет второму языку (можно выбрать несколько вариантов ответа)?» (чел.)

развития речи, где именно педагог контролирует, чтобы ребёнок говорил, повторяя вслед за программой или отвечая на вопросы виртуального героя [24]. В случае с билингвальным обучением педагог может также выступать в роли переводчика, корректора произношения, интерпретатора культурноспецифических элементов контента.

Использование цифровых технологий для развития и поддержки русского языка и культуры в полилингвальных регионах Российской Федерации и за рубежом

При разработке концепции, обосновывающей необходимость применения цифровых обучающих объектов с детьми дошкольного и младшего школьного возраста в процессе обучения русскому языку как неродному (государственному), второму родному или материнскому (семейному), мы опирались на мнения и опыт родителей и педагогов, работающих с детьми вышеуказанной категории в России и за её пределами.

Основным инструментом сбора информации послужили анкеты.

По стечению обстоятельств первый этап анкетирования выпал на «доковидный» пе-

риод (2018 г.), когда применение цифровых ресурсов в языковом образовании было опциональным, тогда как второй этап пришёлся на период пандемии COVID-19 (конец 2020 – начало 2021 г.), когда использование цифровых технологий стало острой необходимостью.

Интерес представляет тот факт, что в отличие от респондентов анкеты для родителей 2018 г., проявивших очень осторожный взгляд на использование цифровых технологий при обучении детей-билингвов 3–8 лет по причине юного возраста детей и/или «неэффективности цифровых ресурсов без живого общения» и их «вреда» [25], участники анкеты января 2021 г. проявили большой оптимизм: большинство родителей и педагогов (около 100%) считают важным использовать как традиционные, так и цифровые ресурсы при работе с детьми, а свыше 25% отметили, что цифровые ресурсы существенно дополняют традиционные средства развития детей [26] (рис. 3).

Родители и педагоги детей-билингвов ценят в цифровых ресурсах то, что они не могут найти в традиционных средствах: аудиовизуальные, интерактивные, игровые и мотивационные характеристики (рис. 4).

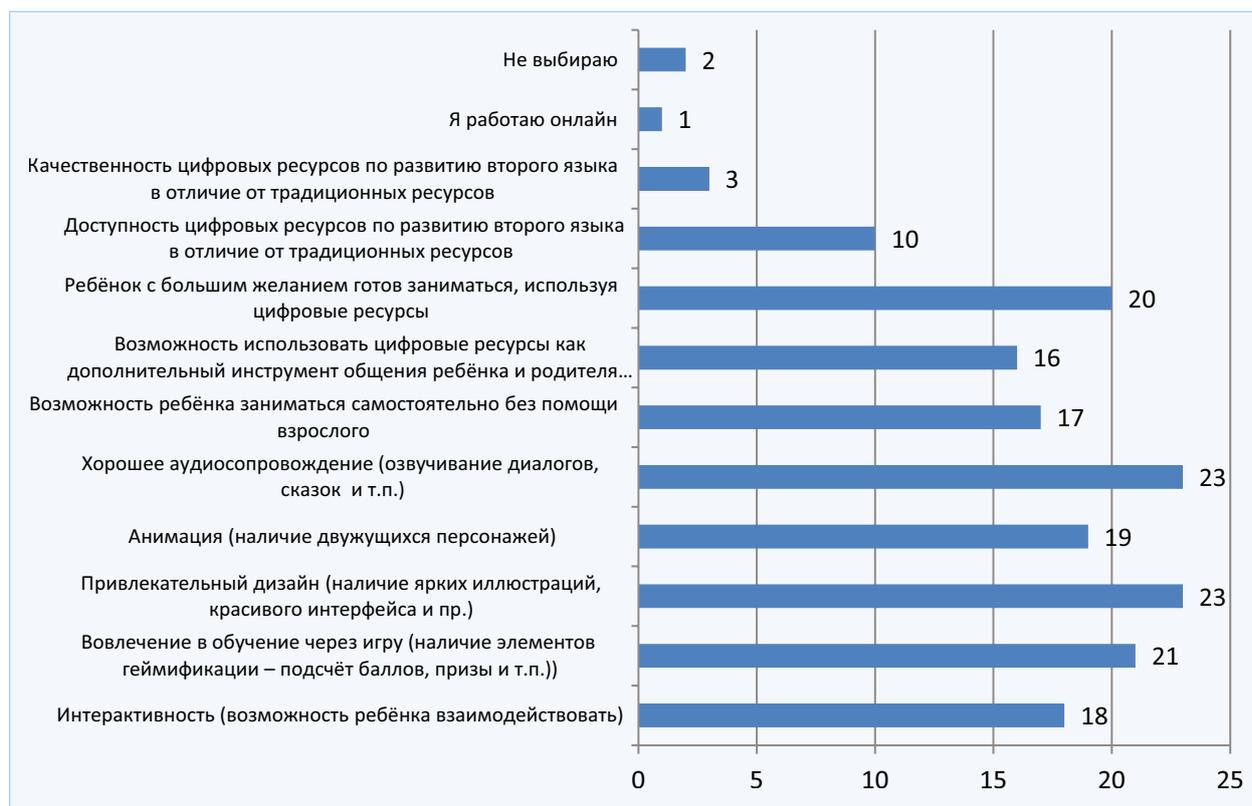

Рис. 4. Ответы на вопрос анкеты (январь 2021 г.) «Почему Вы выбираете цифровые ресурсы для развития второго языка?» (можно выбрать несколько вариантов) (чел.)

Однако, по мнению респондентов обоих этапов опроса, взаимодействие детей и цифровых технологий требует активного участия педагога/родителя, установления ограничений по времени пользования технологиями и грамотного отбора обучающих материалов в связи с тем, что многие цифровые ресурсы имеют низкое качество.

Результаты кейс-исследований, проведённых в 2019–2020 гг., говорят о том, что положительный сдвиг в понимании педагогической ценности цифровых инструментов возможен даже в ситуации первичного неприятия цифровых ресурсов в целом, если помочь родителям грамотно подобрать ресурс, созданный специально для языкового развития детей раннего возраста, которые изучают русский язык как неродной (государственный), второй родной или материнский (семейный).

Целевой группой кейс-исследований стали три семьи с детьми-билингвами младше восьми лет, проживающие в Тур-

ции, Марокко и США. Двое из трёх родителей, согласившихся принять участие в кейс-исследовании, изначально были скептически настроены в отношении идеи о том, что цифровые ресурсы способны развивать навыки русской речи и социокультурные компетенции детей-билингвов. По словам родителей, они предпочитают использовать аутентичные материалы (художественную литературу, мультфильмы, фильмы, песни для детей и т.д.) и редко прибегают к обучающим компьютерным или мобильным ресурсам.

По рекомендации исследовательской группы родители проводили и записывали на камеру мини-уроки по русскому языку с детьми с применением качественных цифровых ресурсов, а именно используя интернет-пространство «Игровая площадка» [27] и онлайн-школу «Живые сказки» [28].

Анализ видео показал, что выбранные ресурсы прекрасно справляются с задачей формирования речевых навыков у би-

лингвов раннего возраста: дети получают удовольствие от взаимодействия с цифровыми ресурсами, говоря на русском языке, что во многом связано с их интерактивностью, элементами игры и соревновательности, мультимодальностью, наличием «цифровых друзей» и красочностью в совокупности с «магией экрана» [24]. В ходе интервью родители признались, что не знали о существовании качественных платформ/сайтов, которые были бы нацелены непосредственно на обучение дошкольников и младших школьников русскому языку. Благодаря участию в исследовании они изменили своё отношение к обучающим возможностям цифровых ресурсов [29, 30].

Положительную оценку обозначенных выше онлайн-ресурсов как инструментов развития русской речи детей дали воспитатели и методисты би- и полилингвальных детских садов Республики Татарстан, принявшие участие в исследовании. Интервью с педагогами, наблюдения за их открытыми уроками, анализ видеозаписей групповых занятий с детьми-билингвами (мультилингвами) позволил выделить важные принципы взаимодействия «ребёнок—педагог—ЦОО» и лучшие практики интеграции этих принципов в программы речевого развития детей.

Общие принципы интеграции цифровых технологий в программы речевого развития детей дошкольного возраста

На основе обзора релевантной литературы и эмпирических данных собственного исследования мы выделили восемь основных принципов интеграции цифровых технологий в программы дошкольного образования, в частности в программы развития речи детей-билингвов.

Принцип № 1. Исключить или существенно ограничить использование цифровых и интерактивных технологий для детей младше двух лет.

Для детей 2–5 лет ограничить контакты с цифровым экраном до одного часа

в день, причём родитель (педагог) должен оставаться активным соучастником, обеспечивающим трансфер знаний, которые получены из цифровых источников, в реальную действительность.

Принцип № 2. Использовать только те цифровые технологии и ресурсы, которые соответствуют уровню развития ребёнка, его возрасту, потребностям, интересам, лингвистическим способностям и возможностям.

Для того чтобы педагог или родитель понимал, какой ресурс стоит выбрать, мы разработали шкалу оценивания, а также выбрали и описали некоторые качественные компьютерные и мобильные ресурсы [23].

Принцип № 3. Технологии должны быть использованы для поддержки развития когнитивных способностей ребёнка.

Медиаэкран позволяет раздвинуть рамки непосредственного окружения ребёнка и дать ему возможность узнать и изучить животных, людей, природу, действия и места, которые недостижимы без использования цифровых технологий. Ребёнок сам может документировать (фотографировать, записывать на видео и диктофон, озвучивать) окружающий его мир и делиться этим миром с другими.

Принцип № 4. Технологии должны быть использованы для поддержки развития социальных способностей ребёнка.

Цифровые ресурсы и технологии должны способствовать совместной игре, общению ребёнка и воспитателя (родителя) или детей между собой. Современные цифровые технологии могут и должны поддерживать элементы игры, соответствующие возрастным потребностям ребёнка дошкольного возраста.

Принцип № 5. Технологии должны и могут быть использованы для поддержки физической активности и креативности ребёнка.

Технологии должны соединять виртуальную (цифровую) реальность и действительность, интегрировать физическую активность и виртуальную. Рекомендуется

использование цифровых ресурсов в тандеме с технологией «мейкерспейс», при котором ребёнок конструирует предметы, основываясь на стимулах, полученных с экрана (делает аппликацию или лепит героев электронных книг, конструирует книжку-малышку, озвучивая сам историю, и т.д.) [31].

В настоящее время также разрабатываются новые безэкранные (screen-free) девайсы, основанные на голосовом взаимодействии, смарт-технологиях и позволяющие участникам активно взаимодействовать друг с другом в физическом пространстве.

Принцип № 6. *Учитывать критическую роль педагога (родителя) при взаимодействии ребёнка с цифровыми технологиями.*

Педагог выступает в роли медиатора (посредника) знаний и основного «дирижёра» обучающего процесса, который ориентирован на живое взаимодействие ребёнка не только с экранными героями, но и с ровесниками и педагогом [24].

Принцип № 7. *Цифровые технологии – средство связи воспитателя и родителей, воспитателя и ребёнка.*

Современные девайсы и технологии должны поддерживать взаимодействие воспитателя и родителя, способствовать более тесной вовлечённости родителя в обучение и развитие ребёнка, происходящее вне дома, и параллельно вовлекать педагога в домашнее развитие своих подопечных.

Принцип № 8. *Цифровые технологии – не замена традиционным средствам, а лишь дополнение к ним.*

Конечная цель интеграции технологий – не в использовании цифровых ресурсов и девайсов, а в создании развивающей активной среды для ребёнка, где цифровые технологии – это средства, а не самоцель.

Заключение

Цифровые образовательные ресурсы, в том числе бесплатные и общедоступные интернет-сайты и мобильные приложения, могут и должны способствовать развитию речи и социокультурных компетенций детей, для которых русский язык не является родным или доминантным языком общения в семье и среде проживания. В то же время наше исследование показывает, во-первых, недостаток качественного цифрового контента, ориентированного на развитие (русской) речи детей; во-вторых, ограниченные профессиональные компетенции педагогов и родителей в области применения цифровых технологий в образовательном процессе. Вместе с тем можно констатировать, что за период пандемии возросло число тех, кто видит положительные стороны цифровых образовательных технологий. Как результат, мы наблюдаем растущую заинтересованность педагогического сообщества и родителей в России и за её пределами в освоении моделей интеграции цифровых технологий в программы речевого развития детей-билингвов и мультилингвов. Очевидно, что создание и внедрение цифровых ресурсов для развития детской речи требует совместных усилий детских психологов, лингвистов, специалистов в области мультимодальных цифровых технологий и, конечно же, педагогов и родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. № 9 (5). С. 1–6.
2. Антипова А.Н. Методологические подходы к внедрению информационных технологий в экологическое образование при подготовке специалистов геологического профиля: Дис. ... канд. геолого-минералогических наук. Тюмень, 2008.
3. Khezrlou S., Ellis R., Sadeghi K. Effects of computer-assisted glosses on EFL learners' vocabulary acquisition and reading comprehension in three learning conditions // System. 2017. Т. 65. С. 104–116.

4. Захаренкова В. Заикающиеся дети: коррекционное занятие по развитию речи с использованием компьютерного игрового задания для детей старшего дошкольного возраста // Дошкольное воспитание. 2014. № 5. С. 76–79.
5. Wang F., Kinzie M.B., McGuire P., Pan E. Applying Technology to Inquiry-Based Learning in Early Childhood Education // Early Childhood Education Journal. 2010. № 37 (5). С. 381–389.
6. Прокудин Д.Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры: Автореф. дис. ... док. филос. н. СПб., 2012.
7. Englund C., Olofsson A.D., Price L. Teaching with technology in higher education: understanding conceptual change and development in practice // Higher Education Research & Development. 2017. № 36 (1). Pp. 73–87.
8. Cebron N., Jablonkai R., Rados L. The cross-cultural business communication project or exploiting ICT to facilitate ICC // Journal of Intercultural Communication. 2005. Vol. 9. Pp. 19–41.
9. Тимкина Ю.Ю. Информационные технологии в самостоятельной работе как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. н. Нижний Новгород, 2012.
10. Yilmaz N., Alici Ş. Investigating pre-service early childhood teachers' attitudes towards the computer based education in science activities // Turkish Online Journal of Educational Technology. 2011. № 10 (3). Pp. 161–167.
11. Bárkányi Z. Motivation, self-efficacy beliefs, and speaking anxiety in language MOOCs // ReCALL. 2021. № 33 (2). Pp. 143–160.
12. Hamilton D., McKechnie J., Edgerton E., Wilson C. Immersive virtual reality as a pedagogical tool in education: a systematic literature review of quantitative learning outcomes and experimental design // Journal of Computers in Education. 2021. Vol. 8. Pp. 1–32.
13. Bus A.G., Takacs Z.K., Kegel C.A.T. Affordances and limitations of electronic storybooks for young children's emergent literacy // Developmental Review. 2015. Vol. 35. Pp. 79–97.
14. Kayumova A., Sadykova G. Implementing a multimodal online program for very young learners of Russian: Educators' perspective // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2019. № 9 (1). Pp. 1–13.
15. Meskill C., Mossop J. Electronic texts in English to speakers of other languages classrooms // Teaching English to Speakers of Other Languages Quarterly. 2000. № 34 (3). Pp. 585–592.
16. Edwards S. New concepts of play and the problem of technology, digital media and popular-culture integration with play-based learning in early childhood education // Technology, Pedagogy and Education. 2016. № 25 (4). Pp. 513–532.
17. Li G., Ni X. Effects of a Technology-Enriched, Task-Based Language Teaching Curriculum on Chinese Elementary Students' Achievement in English as a Foreign Language // International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching (IJCALLT). 2013. № 3 (1). Pp. 33–49.
18. Segers E., Verhoeven L. Effects of vocabulary training by computer in kindergarten // Journal of Computer Assisted Learning. 2003. № 19 (4). Pp. 557–566.
19. Cho S.P. Korean Immigrants' Social Practice of Heritage Language Acquisition and Maintenance Through Technology: Doctoral dissertation. University of British Columbia, 2008.
20. Sadykova G., Vafina A., Kayumova A. Promoting dialogue of cultures in digital learning objects for young bilingual language learners // EDULEARN18 Proceedings, 2018. Pp. 4948–4952.
21. Meskill C. Triadic scaffolds: Tools for teaching English language learners with computers // Language Learning & Technology. 2005. № 9 (1). Pp. 46–59.
22. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1984.
23. Билингвизм в эпоху цифровых технологий: Коллективная монография / Г.В. Садыкова, А.Р. Каюмова, А.Х. Вафина, А.Н. Мифтахова, Л.К. Халитова, В.Н. Яппарова; Отв. ред. Г.В. Садыкова. Казань: Изд-во Казанского федерального университета, 2021.

24. Meskill C., Sadykova G., Kayumova, A. Mediating digital screens with very young emerging bilinguals // *Bilingual Research Journal*. 2020. № 43 (2). Pp. 137–156.
25. Каюмова А.Р., Садыкова Г.В., Халитова Л.К. Цифровые технологии как средство развития речи детей русского зарубежья // *Казанская наука*. 2019. № 12. С. 165–169.
26. Садыкова Г.В., Каюмова А.Р. Цифровизация языкового обучения детей-билингвов: российский и зарубежный опыт // *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 2. С. 169–178.
27. Игровая площадка. URL: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/playingfield/game> (дата обращения: 17.03.2022).
28. Живые сказки. URL: <https://skazki.pushkininstitute.ru/> (дата обращения: 17.03.2022).
29. Халитова Л.К. Цифровая образовательная среда: обучение детей-билингвов русскому языку за рубежом // *Преподавание русского языка за рубежом в эпоху коронавируса: Международный сборник научно-методических статей*. Вып. 4. / Под ред. П.Г. Гейль-фрейх и А.В. Голубевой. СПб.: Златоуст, 2021. С. 577–584.
30. Sadykova G., Khalitova L., Kayumova A. Maintaining bilingualism through technologies: the case of young Russian heritage learners // *Journal of e-Learning and Knowledge Society*. 2021. № 17 (3). Pp. 101–109.
31. Khalitova L., Vafina A., Sadykova G. Bringing makerspace into digital environment: the case of pre-school bilingual Russian learners // *ICERI2020 Proceedings*. 2020. Pp. 5237–5242.

Digital Technologies in the Development of Russian Speaking Skills and Social and Cultural Competences in Bilingual Children in Russia and Abroad

Gulnara Vasilievna Sadykova – PhD in Linguistics; Associate Prof., Kazan Federal University; Project Leader, Model of the Development of Russian Speaking Skills and Social and Cultural Competences in Children aged 3 to 8 Living in Multilingual Regions in Russia and Abroad Using Digital Education Tools (17-29-09128).

E-mail: gsadykova2015@mail.ru

Albina Ramilievna Kayumova – PhD in Linguistics; Associate Prof., Kazan Federal University, Project Member, Model of the Development of Russian Speaking Skills and Social and Cultural Competences in Children aged 3 to 8 Living in Multilingual Regions in Russia and Abroad Using Digital Education Tools.

E-mail: alb1980@yandex.ru

The research uses the methods of triadic scaffold protocol, case study, survey, interviewing, and observation. The researchers created and tested the first ever model for the development of Russian speaking skills and social and cultural competences in children aged 3 to 8 living in the multilingual regions of Russia and abroad using digital educational tools, as well as the general principles for the integration of digital tools into preschool speech development programs.

Rapid digitization of education and society in general make this work extremely important. Research findings can be recommended for consideration by methodologists, teachers, and parents interested in the development of competencies related to understanding early bilingual development mechanisms, the peculiarities of the generation of digital natives, the criteria for assessing digital resources for preschool and elementary school children's speech development, scenarios of digital resource integration into family and formal (mass) education, as well as pedagogical strategies for taking advantage of multimodality, interactivity, and gamification offered by digital teaching tools.

Keywords: Russian language, speech development, bilingualism, multilingualism, preschool education, digital acquisition objects

REFERENCES

1. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. № 9 (5). S. 1–6.
2. Antipova A.N. Metodologicheskie podkhody k vnedreniyu informatsionnykh tekhnologii v ekologicheskoe obrazovanie pri podgotovke spetsialistov geologicheskogo profilya: Dis. ... kand. geologo-mineralogicheskikh nauk. Tyumen', 2008 (in Russian).
3. Khezrlou S., Ellis R., Sadeghi K. Effects of computer-assisted glosses on EFL learners' vocabulary acquisition and reading comprehension in three learning conditions // System. 2017. T. 65. S. 104–116.
4. Zakharenkova V. Zaikayushchiesya deti: korrektsionnoe zanyatie po razvitiyu rechi s ispol'zovaniem komp'yuternogo igrovogo zadaniya dlya detei starshego doshkol'nogo vozrasta // Doshkol'noe vospitanie. 2014. № 5. S. 76–79.
5. Wang F., Kinzie M.B., McGuire P., Pan E. Applying Technology to Inquiry-Based Learning in Early Childhood Education // Early Childhood Education Journal. 2010. № 37 (5). C. 381–389.
6. Prokudin D.E. Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii i ikh rol' v formirovanii tekhnogennoi kul'tury: Avtoref. dis. ... dok. filos. n. SPb., 2012 (in Russian).
7. Englund C., Olofsson A.D., Price L. Teaching with technology in higher education: understanding conceptual change and development in practice // Higher Education Research & Development. 2017. № 36 (1). Pp. 73–87.
8. Cebren N., Jablonkai R., Rados L. The cross-cultural business communication project or exploiting ICT to facilitate ICC // Journal of Intercultural Communication. 2005. Vol. 9. Pp. 19–41.
9. Timkina Yu.Yu. Informatsionnye tekhnologii v samostoyatel'noi rabote kak sredstvo formirovaniya inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov vuza: Avtoref. dis. ... kand. ped. n. Nizhnii Novgorod, 2012 (in Russian).
10. Yilmaz N., Alici Ş. Investigating pre-service early childhood teachers' attitude towards the computer based education in science activities // Turkish Online Journal of Educational Technology. 2011. № 10 (3). Pp. 161–167.
11. Bárkányi Z. Motivation, self-efficacy beliefs, and speaking anxiety in language MOOCs // ReCALL. 2021. № 33 (2). Pp. 143–160.
12. Hamilton D., McKechnie J., Edgerton E., Wilson C. Immersive virtual reality as a pedagogical tool in education: a systematic literature review of quantitative learning outcomes and experimental design // Journal of Computers in Education. 2021. Vol. 8. Pp. 1–32.
13. Bus A.G., Takacs Z.K., Kegel C.A.T. Affordances and limitations of electronic storybooks for young children's emergent literacy // Developmental Review. 2015. Vol. 35. Pp. 79–97.
14. Kayumova A., Sadykova G. Implementing a multimodal online program for very young learners of Russian: Educators' perspective // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2019. № 9 (1). Pp. 1–13.
15. Meskill C., Mossop J. Electronic texts in English to speakers of other languages classrooms // Teaching English to Speakers of Other Languages Quarterly. 2000. № 34 (3). Pp. 585–592.
16. Edwards S. New concepts of play and the problem of technology, digital media and popular-culture integration with play-based learning in early childhood education // Technology, Pedagogy and Education. 2016. № 25 (4). Pp. 513–532.
17. Li G., Ni X. Effects of a Technology-Enriched, Task-Based Language Teaching Surveys on Chinese Elementary Students' Achievement in English as a Foreign Language // International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching (IJSALLT). 2013. № 3 (1). Pp. 33–49.

18. Segers E., Verhoeven L. Effects of vocabulary training by computer in kindergarten // Journal of Computer Assisted Learning. 2003. № 19 (4). Pp. 557–566.
19. Cho S.P. Korean Immigrants' Social Practice of Heritage Language Acquisition and Maintenance Through Technology: Doctoral dissertation. University of British Columbia, 2008.
20. Sadykova G., Vafina A., Kayumova A. Promoting dialogue of cultures in digital learning objects for young bilingual language learners // EDULEARN 18 Proceedings, 2018. Pp. 4948–4952.
21. Meskill C. Triadic scaffolds: Tools for teaching English language learners with computers // Language Learning & Technology. 2005. № 9 (1). Pp. 46–59.
22. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: V 6 t. M.: Pedagogika, 1984 (in Russian).
23. Bilingvizm v epokhu tsifrovyykh tekhnologii: Kollektivnaya monografiya / G.V. Sadykova, A.R. Kayumova, A.Kh. Vafina, A.N. Miftakhova, L.K. Khalitova, V.N. Yapparova; Otv. red. G.V. Sadykova. Kazan': Izd-vo Kazanskogo federal'nogo universiteta, 2021 (in Russian).
24. Meskill S., Sadykova G., Kayumova A. Mediating digital screens with very young emerging bilinguals // Bilingual Research Journal. 2020. № 43 (2). Pp. 137–156.
25. Kayumova A.R., Sadykova G.V., Khalitova L.K. Tsifrovye tekhnologii kak sredstvo razvitiya rechi detei russkogo zarubezh'ya // Kazanskaya nauka. 2019. № 12. S. 165–169 (in Russian).
26. Sadykova G.V., Kayumova A.R. Tsifrovizatsiya yazykovogo obucheniya detei-bilingvov: rossiiskii i zarubezhnyi opyt // Kazanskii pedagogicheskii zhurnal. 2021. № 2. S. 169–178 (in Russian).
27. Igrovaya ploshchadka. URL: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/playingfield/game> (data obrashcheniya: 17.03.2022) (in Russian).
28. Zhivye skazki. URL: <https://skazki.pushkininstitute.ru> (data obrashcheniya: 17.03.2022) (in Russian).
29. Khalitova L.K. Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda: obuchenie detei-bilingvov russkomu yazyku za rubezhom // Prepodavanie russkogo yazyka za rubezhom v epokhu koronavirusa: Mezhdunarodnyi sbornik nauchno-metodicheskikh statei. Vyp. 4. / Pod red. P.G. Geil'freikh i A.V. Golubevoi. SPb.: Zlatoust, 2021. S. 577–584 (in Russian).
30. Sadykova G., Khalitova L., Kayumova A. Maintaining bilingualism through technologies: the case of young Russian heritage learners // Journal of e-Learning and Knowledge Society. 2021. № 17 (3). Pp. 101–109.
31. Khalitova L., Vafina A., Sadykova G. Bringing makerspace into digital environment: the case of pre-school bilingual Russian learners // ICERI2020 Proceedings. 2020. Pp. 5237–5242.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2022, № 2 (109)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 20.06.2022. Формат 60×90^{1/8}.
Усл. печ. л. 22,5. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 32

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57